ЮЖНОЕ СИЯНИЕ

Одесский
литературно-художественный
журнал

1 (11)'2014

Главный редактор
Станислав АЙДИНЯН

Выпускающий редактор
Сергей ГЛАВАЦКИЙ

Отдел поэзии
Людмила ШАРГА

Отдел прозы
Ольга ИЛЬНИЦКАЯ

Отдел литературоведения
Алёна ЯВОРСКАЯ

Общественный совет:
Евгений Голубовский (Одесса), Владимир Гутковский (Киев),
Олег Дрямин (Одесса), Олег Зайцев (Минск),
Кирилл Ковальджи (Москва), Татьяна Липтуга (Одесса),
Марина Матвеева (Симферополь), Виктор Петров (Ростов-на-Дону),
Александр Петрушкин (Кыштым), Юрий Работин (Одесса),
Илья Рейдерман (Одесса), Анна Стреминская (Одесса),
Александр Хинт (Одесса), Евгений Черноиваненко (Одесса).

Издание журнала осуществляется при поддержке Одесского городского совета в рамках программы «Сохранение и развитие русского языка в Одессе»

Свидетельство о регистрации: серия ОД № 1563-434-Р от 16.11.2011 г.
Учредитель – Общественная организация «Южнорусский Союз Писателей»

E-mail редакции: aurora_australis@lenta.ru
Интернет-версия журнала: ursp.org

© «Южное Сияние», 2014

В НОМЕРЕ

ПОЭЗИЯ

Одесса: Елена Росовская. **Небесная канцелярия.** *Стихи* 4
Одесса – Германия: Лев Либолев. **Пепел догорающих мостов**. *Стихи* 8
Одесса: Ксения Александрова. **Солнцем в капкане.** *Стихи* 13
Одесса: Владимир Кац. **Элегии.** *Стихи* 17
Одесса: Елена Боришполец. **«Тишина катается, как гвоздь во рту…».** *Стихи* 21
Одесса: Сергей Александров. **Рыбы избегают суши.** *Стихи* 26

ПРОЗА

Ялта: Евгения Баранова. **Там, где было светло.** *Экспериментальная проза* 31
Одесса: Евгений Деменок. **Книга жизни.** *Рассказы* 34
Одесса: Татьяна Орбатова. **Стопроцентный коттон.** *Рассказ* 36

ПОЭЗИЯ

Ростов-на-Дону – Москва: Надя Делаланд. **Сенсорный водоём.** *Стихи* 40
Симферополь: Дарьяна Лемтюжникова. **Случайные лица далёких вселённых.** *Стихи* 43
Керчь: Юлия Котлер. **Божий ген.** *Стихи* 46
Керчь: Любовь Василенко. **В ритмах белого балета.** *Стихи* 50

«МЕГАФОН»

«Путешествие из Филадельфии в Таганрог». *(интервью Веры Зубаревой с Чеховым)* 54

ПОЭЗИЯ

Киев: Елена Лазарева. **В созвездии Дурака.** *Стихи* 59
Киев: Катерина Ивчук. **Много серебряной пыли.** *Стихи* 64

ДРАМАТУРГИЯ

Одесса: Александр Тарасуль, Евгений Хаит, Виктор Явник. **Ураган по имени Одесса.**
Трагикомедия 69

ПОЭЗИЯ

Москва: Александр Сенкевич. **«Мы стоим, где причалены лодки…».** *Стихи* 86
Холон: Борис Суслович. **Цепочка последних следов.** *Стихи* 89

ПЕРЕВОДЫ

Таджикская поэзия *(в переводах Темура Варки)* 91

ПРОЗА

Одесса: Галина Соколова. **Игра нулей.** *Рассказ* 96

ПОЭЗИЯ

Одесса: Ума-И-Сон. **Стиходикобразии.** *Стиходикобразии* 106

ПРОЗА

Одесса: Элла Леус. **Високосный дневник.** *Повесть* 117

‹ДРУЖБА ЖУРНАЛОВ›

Красноярск: Марина Саввиных. **Журнал «День и Ночь». Астафьевские традиции.**
Вступительное слово 144
Красноярск: Марина Саввиных. **Мой древоград.** *Стихи* 147
Москва: Александр Орлов. **На чёрнов восстав колее.** *Стихи* 150
Махачкала: Мариян Шейхова. **Серебряный поцелуй.** *Стихи* 153
Красноярск: Рустам Карапетьян. **На гравюрах Босха.** *Стихи* 157
Красноярск: Виктор Теплицкий. **Точка опоры.** *Рассказы* 159
Иерусалим: Евгений Минин. **Дверь.** *Рассказы* 162

‹ОКОЕМ›

«Пятая стихия» на страницах «Южного Сияния». *Предисловие* 167
Москва: Игорь Царёв. *Стихи* 168
Швампскотт: Александр Габриэль. *Стихи* 171
Витебск: Олег Сешко. *Стихи* 173
Новосибирск: Лариса Подистова. *Стихи* 174
Ялта: Евгения Баранова. *Стихи* 176

‹ШКАФ›

Казань: Лилия Газизова. **Дом и корабль.** *Эссе* 179
Москва: Борис Колымагин. **Касание к последним вещам.** *Обзор* 181
Симферополь: Марина Матвеева. **Послемолвие к «Бесмолвию»**
(рецензия на книгу Андрея Костинского «Бесмолвие») 187
Москва: Август Линдберг. **Пётр Кириллин. Путь жизнетворчеству открытый.** *Эссе* 190

ЕЛЕНА РОСОВСКАЯ

НЕБЕСНАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ

ПРОВОКАЦИЯ

ангелы в чём-то почти как птицы,
смотрят с небес на простых прохожих.
сложно прохожим в земле топиться,
нам бы летать, да не вышли рожей.
хочется сразу: к столу и «манны»,
даром, что глина вокруг родная.
в небо стрелой, а на землю камнем –
строем, а лучше, конечно, стаей.
ангелы выключают нас из глины,
выпишут справку – летать не годен!
шлёпнут печать на больные спины
и зачирикают о погоде.

АЛИСЕ НАПУТСТВИЕ В ДАЛЬНЮЮ ДОРОГУ

Береги себя, Алиса, прощай,
Будь сильна в борьбе с собой и со злом.
Принимай лекарство, не принимай
Близко к сердцу ни волков, ни ослов,
Ни угодников чеширских. Ни-ни!
От улыбок их пойдёшь по рукам,
Если сможешь, то сама улыбнись.
Береги себя, Алиса, пока…
Ты пока – пока – покатишься вниз,
Где количество бездомных Алис
На квадратный сантиметр потолка,
От небесного пупка до пупка
Чернозёма, так и тянется ввысь.
Береги себя, Алиса, беги,
Сохраняя имена и дома,
Где лежат твои родные враги,
Где друзья чужие сходят с ума,
Где количество крестов и могил
заполняет чернозём, «черно ил»,
плоть от плоти в закрома – в закрома…
Береги себя, Алиса, лети
через север под «кусток», на Восток,
оставляя за собой серпантин
из обстрелов и костлявых мостов.
мимо армий и купцов травести.
Береги себя, Алиса, лети…
там сойдутся всё земные пути,
там Господь целует небо в висок.

ВСЁ ПОВТОРЯЕТСЯ

всё повторяется, друзья идут к друзьям,
под абажуром бредит лампа первым снегом.
и окна, медленно вальсируя, скользят
по гладкой стенке под надёжной крышей неба.
всё произносится вполголоса, всерьёз,
без веры в лучшее, а лучшее так близко.
и как натянутая нить – земная ось
в кулак сжимается у солнечного диска.
всё переводится в пространство – где-нибудь,
когда-нибудь, зачем-нибудь, и будь как будто.
друзья выходят на орбиту – в добрый путь.
всё повторяется: и сны, и снег под утро.

УТЕШИТЕЛЬНОЕ

Когда ураган разнесёт мой последний шалаш
И старый сосед алкоголик забьётся в петле.
Когда Лао-Цзы посетит в первый раз Эрмитаж
И с неба сойдёт темнокожий десантник – атлет

У самого синего моря я сяду одна.
И буду барашков считать и белугой реветь.
И буду смотреть. Как выходит из моря монах.
И море у ног превращается в алую твердь.

Весёлые эльфы со дна поднимают дома.
И фавны вприпрыжку несутся по жирным полям.
Когда мой последний шалаш уничтожит туман
И ангелы божьи – земные часы обнулят,

Над твердью морской, погружённой в предутренний сон,
Как символ последней надежды взойдёт Авалон.

КУДА УХОДЯТ АНГЕЛЫ

Куда уходят ангелы потом,
Когда небесный путь уже окончен,
И день вселенский у чужих обочин,
Глаза закрыв, прощается с огнём?
Приходит сон, легки шаги у ночи.
Мы засыпаем, и друг к другу льнём.

Погаснет свет, оплачен каждый шаг
Ночных иллюзий. Вот она свобода!
Сложнее ждать и верить с каждым годом.
И мы на сонном небе ищем знак,
Где тень от крыльев ангельских у входа
На миг застыла… и ушла во мрак.

Пойду искать. Спрошу отцов святых:
– Там у обочин, знаю, дверь открыта.
– Но что за ней? От скита и до скита
Молчат отцы, и ветреный порыв
Ласкает спины монастырским плитам,
И что-то шепчет, голову склонив.

Пока земля лишь грезит наяву,
Дверные петли смажет утро солнцем.
И новый путь у ангелов начнётся.
От крыльев тень на первую траву
Привычно ляжет, и трава проснётся.
И скажет мир за дверью: я живу!

СОН С СУББОТЫ НА ВОСКРЕСЕНЬЕ

Я, mon ami, не талантлива, я больна,
странный диагноз – вселенные в голове.
Все говорят, что вселенная есть одна,
а у меня, представляешь, их целых две.
А у меня пластилиново-липкий мозг,
левый зрачок – белоснежен, а правый – чёрт.
Я выхожу на прогулку в великий пост,
а возвращаюсь, и кран во дворе течёт.
Пью, прижимаясь лицом к неживой воде,
мне бы живую, но где её, Боже, взять?
Левый зрачок провожает домой людей,
правый зрачок поворачивается вспять.
В каждой вселенной метут до утра полы,
И разливают моря до краёв впрок.
Мне бы туда, mon ami, долететь – доплыть,
Там где живая вода и живой Бог.

ЗЕМЛЯНАЯ ГРУША

знаешь, а здесь ничего и не будет меняться
все мы летим, а верней пролетаем со свистом.
может к добру перемножить известные числа
и написать результат, как обычно с абзаца.
лишь бы остаться при этом здоровым и чистым.
если быть честным, хотелось бы просто остаться

пусть на щите и поверженным, только бы сразу
в маленьком домике, в центре какого-то леса,
можно без стен, на землице, готов под навесом.
главное то, что живые в блаженном маразме
больше не чувствуют боли, устойчивы к стрессам,
к бурям магнитным и лунным причудливым фазам.

вспомни-ка, люди умели летать, нет…не надо…
станется с нас и полётов и всяких свершений
дёргает ниточки гордый упитанный гений
пляшет смешной муравей и послушное стадо
смелых и сильных во всю протирает колени
вниз – это мазо, а вверх – это верное садо

знаешь, а я наблюдательным стал до психоза:
помню все даты от первой главы до последней.
здесь ничего не меняется, разве что «средних»
вывели в лидеры, правда, под сильным наркозом.
с новой строки вроде легче становится бредить,
время полётов прошло, что теперь? время ползать…

ПОЛЁТ

ты собираешь себя в кулачок, все свои беды, победы, пропажи.
видишь, как сузился лунный зрачок прямо над крышами многоэтажек.
видишь, как с крыши взлетает студент, падает, прыгает, машет руками.
нет ничего невозможного, нет, пьёшь валериану большими глотками.
в воздухе манна, меркурий, моржи, зимние сказки – больные сиротки.
ты начинаешь считать этажи, окна, людей с нестандартной походкой,
медленно складывать буквы в слова, и выводить на бумаге узоры.
после бумагу отчаянно рвать, пить валериану и спорить, и спорить
с кем-то невидимым в пятом углу, в третьем, шестом, и две тысячи пятом.
кто этот спорщик, зануда и плут? в лёгких твоих распускается вата
словно цветок и дыханье легко через окно переходит к соседу.
ты собираешь себя на покой, все свои азы и буки и веды.
трупик студента в дырявом белье, ты пробираешься к трупику боком
видишь беднягу прибило к земле. холодно, пусто, темно, одиноко.

РЕЦИДИВ

Ты улыбалась отражению в воде. Я улыбался, продолжая отражаться.
Мы стали ближе на одну из эманаций, когда не в силах отыскать такой предел,
Где отраженья начинают распадаться, что сколько б в воду до безумья не глядел,
Видны лишь только очертанья наших тел, видны лишь только отпечатки наших пальцев,
И состояние болезни и прострации. Приходит время ощутить себя нигде.
На части суши есть твой дом, и ты сама. Ты обозначена на карте просто точкой.
Не разглядеть, не отыскать, а если точно, мы будем долго друг у друга отнимать
Немного жизни, осторожно и построчно, и часть себя, и ожидание письма,
Как безделушку надоевшую – в карман, и наше право быть не просто оболочкой,
А что останется, затем отправим почтой – в одну попытку нисхождения с ума.
Не приходить, не говорить, из сотни «не» какое «не» нас обнимает во спасенье?
Мы возрождаемся без права на движенье, мы словно тени от безжизненных планет,
Такие серые бесформенные тени, которым места нет на нашей стороне,
Им ни при жизни, ни при смерти места нет, без твоего и моего сердцебиенья.
Я улыбаюсь снова нашим отраженьям. Ты отраженьем возвращаешься ко мне…

СНЕГ

Снег выходит из берегов, снег вползает в мою квартиру,
Замирает мой старый кот, замирает сама жизнь.
И по краешкам облаков, ходим мы со своим миром,
И глядим облакам в рот, а потом далеко вниз.
Там внизу тоже есть снег, и дома, и в домах ходят
Зажигающие свет и глотающие огни.
Только смотрят они вверх, только кажется им, вроде
Никого кроме них нет, и никто не придёт к ним…

ЛЕВ ЛИБОЛЕВ

ПЕПЕЛ ДОГОРАЮЩИХ МОСТОВ

ЗЛАТОДОБЫТЧИКИ

Мир обезумел? Не мир, но мы.
Мы ошалели, не удержались.
Всяк золотишка себе намыл,
чтобы у бога купить скрижали.
Холодно ли за окном, жара ли –
разве до этого нам, немым.

Нам, безъязыким, слепым, глухим
златодобытчикам. Что нам жало –
совесть кусает слабей блохи,
раз укусила – и убежала.
Пощекотала бы нас кинжалом,
да отряхнула от шелухи,

от позолоты, от немоты,
от самоварной брехни и лени…
Золото мыли ни я, ни ты,
мы не стирали свои колени,
не отправляли святых молений.
Мы же не братья, а так – кенты.

Нам же отец – золотой телец –
новых скрижалей старинный образ.
Нам же не тел подавай – телец.
Каждое – фетиш, и очень борзый.
Тихо, безумец, сиди, не ёрзай,
вымолвишь слово – и не жилец.

Просто живи, доживай, старей,
просто молись, чтоб легко и сразу…
Золота миру, пускай скорей
он накрывается медным тазом,
под бесконечно пустые фразы
осатаневших золотарей…

ОБРЕЧЁННЫЕ

По-новому понять, пересмотреть,
увы, не выйдет… Сколько ни витийствуй,
а кто-то, обречённый на убийство,
стреляет в обреченного на смерть…

Не им двоим награды и чины,
они лишь тени чьих-то инферналий…
Годами жили рядом и не знали,
что оба и давно обречены…

БОЛОНКА

По старенькой скрипучей лестнице,
во двор легко сбегал когда-то я,
не видя, как соседка крестится,
испуганная и поддатая.
Чуть шевелились губы серые
творя молитву… А у ног её
авоську с битыми консервами
пасла болонка одинокая,
Совсем облезлая, неважная…
В парадном, известью забеленном,
ключом искала бабка скважину.
А я гордился новым великом.
Я мимо шёл. Сиял, как новенький
пятак, родителями чищенный,
уже большой, почти что вровень ей,
не совладающей с ручищами,
с её собачкой неказистою,
с её авоськой и молением…
Я мимо шёл и зубы стискивал,
взрослея ватными коленями,
бледнея кожей. И казалось мне,
что смысла нет, и нету вымысла
в том, что под утро так безжалостно,
её вперёд ногами вынесут.
Что огонёк замрёт в подсвечнике
от крика – что же вы… Ну зря вы так…
И будет выть по-человечески
её болонка кучерявая.

БЕЖЕНЦЫ

Беженцы слева и справа. Угрюмые лица.
Крики детишек, и наскоро собранный скарб.
Хочешь – не хочешь, а вынужден переселиться,
если привет свысока просвистел у виска.
Что остаётся… Терять больше нечего, братцы,
время лихое отделит чужих от своих.
Жить-то охота, а значит – пора собираться,
не оставаясь объектом для чьей-то любви.
Очень доходчивой, даже настырной до рвоты.
Освободители, дайте возможность уйти…
Сзади и спереди бродят расстрельные роты,
перекрывая огнём отходные пути.
Где-то в тылу избирается новый верховный,
а коронованный шлёт подкрепление в бой.
Рушатся здания, падают камни и брёвна,
люди куда-то бегут разномастной гурьбой
вправо и влево… Кто выжил – дошёл до границы,
или до края… Ещё не подсчитан урон.
Беженцам вслед улыбаются добрые лица,
и обещают им помощь… с обеих сторон.

FOREVER

Видишь, этот альянс распадается, словно кино
при паршивом сигнале, который не ловит антенна.
Передатчик ослаб… Экономь же его, экономь,
лучше тратить энергию медленно и постепенно.
А иначе квадраты облепят ослепший экран,
будто листья какого-то, нам неизвестного древа…
Погляди, дорогая, уже укрывает кора,
длинный шрам, в виде слова «forever»…

Экономь же его, и не трать – не досмотришь финал,
там возможен Эдем, но, скорее, возможно инферно…
Не доходит сигнал, но энергия слова сильна,
только запись, наверное, сделана богом неверно.
Это дерево не передатчик, а громоотвод,
принимающий часто удары разгневанных молний…
Как ему не хватает твоих освежающих вод…
Ты об этом, пожалуйста, помни…

Обещай мне дожди, и цветное кино без помех,
для альянса достаточно и неустойчивой связи…
Ведь кому-то из нас суждено повредиться в уме,
нам обоим привычны экранные сдвиги по фазе.
Да, forever, мой свет, на приёме короткая жизнь,
и она состоит из таких вот нелепых квадратов.
По прогнозам дожди, ты энергию попридержи…
Ну чего ты расплакалась… Зря ты…

РАЗДВОЕН

Это он ворвался в твои покои,
разорил твой дом, потушил очаг,
осквернил раздвоенным жалом, коим
сгоряча дотронулся до плеча.
Прикоснулся – будто ожёг крапивой,
начертав на коже любви сонет,
зашептал о вечном нетерпеливо,
о таком, чего и на свете нет.
Горячо, касаясь губами уха,
будоража плотское краем губ,
незаметно тело твоё обнюхал,
диким зверем, пробующим на зуб,
белоснежность шеи, кудрявый локон,
безнадёжность трепетную ключиц…
И короткий выдох, и вдох глубокий,
и твоё ответное – замолчи…
Ну а как молчать, коль язык раздвоен,
и слова плетутся в тугую нить…
Не убил… Какой-никакой – а воин,
не отдал, попробовал сохранить.
Словесами ловко опутал душу,
без верёвок накрепко привязав…
А теперь глядишь – и очаг потушен,
и покои рушатся на глазах.

БАРОККО

Послевкусие – стиль барокко…
От неправильности жемчужин
защищают ошибки рока
под названием – ты не нужен
в этом стиле зажатых створок.
В жёстких рамках – живи эрзацем,
где рассол посильней раствора
с этикеткой – не прикасаться.
Там, снаружи – дворцы и замки,
всё по классике, по канонам.
Но когда ты в ракушке замкнут,
формируешься вне закона
чьих-то вкусов и чьих-то взглядов,
развиваешься по Растрелли.
И немножко отравлен ядом…
И, возможно, слегка расстрелян.

САДОК

Тот, кто выжил, смолчит. Намотает кровавые сопли
на костистый кулак. И комком поиграет кадык,
про себя повторяя старинное слово «усопли»,
и на мове – *щоб краще було, та немає куди*…
И на мове ни слова не скажут разбитые хаты,
а садок *яблуневий* безмолвно обронит листву…
Тишина за окном ожиданием смерти брюхата,
и кричит тишина – торжествуй! торжествуй! торжествуй!
Потому, что живой… Может, кто-то весёлый и ловкий
ей распорет живот, посмеётся и плюнет в лицо…
Только в доме повешенных не говорят о верёвке,
просто мёртвые молча хоронят своих мертвецов.

СОЛЯНКА

В открытое окошко гарью тянет,
и кто-то трезв, а кто-то пьян в умат,
вдвоём готовят, клацая когтями,
солянку лжи для слабого ума.
Лицом к лицу, копаясь в мёртвом теле,
и про себя считая барыши,
покроют письменами эпителий –
им это убиенный разрешит.
Куда ему раскидывать мозгами,
когда и череп умниками вскрыт…
И скоро буквы лягут на пергамент,
перевирая правила игры
за окнами. Что пьяный, что тверёзый
покойника слегка повеселят –
один споёт про русские берёзы,
другой – про украинские поля.
Поделят бабки и тихонько съедут,
оставив запах гари лет на сто…
И тело убиенного соседа.
И пепел догорающих мостов.

ОЦЕНЩИК

Глянь-ка в тетрадь, оценщик,
в ней-то и слов – на грошик.
Приобретений – меньше,
ну, а потерь – побольше.

Столько пустых линеек,
столько ненужных строчек…
Прошлое – всё длиннее,
будущее – короче.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВА

СОЛНЦЕМ В КАПКАНЕ

***

И когда ты увидишь, что нет никаких границ, никаких условий,
В самом чистом и светлом чувстве столько всего намешано,
В груди затаится что-то холодное и тяжёлое, словно чужое слово,
Словно тоска по давно умершему.

И когда пол покроется – нет, не кровью, – а просто пятнами
Молока, что никто из худющих твоих котят всё равно не вылакал,
Пусть прозвучит банально и пафосно, но мы со смертью сыграли в прятки,
И это теперь не выплакать.

И когда мир покажется всем снова надежным, простым и прочным,
Ты поймёшь, что останешься сломанным роботом с чипом выжженным.
Я напишу тебе завтра, позвоню тебе завтра, встречу, где и когда захочешь,
Если мы оба выживем.

***

Засыпать, не думая ни о чем, просыпаясь, быть начеку,
В темноте плечо задевать плечом, мокрым лбом задевать щеку,
А внутри так страшно и горячо, будто держишь в руке чеку.

У меня уже не осталось слов, я не знаю, чего ты ждёшь,
Если мы здесь выживем всем назло, будет виски и джаз, и дождь,
Будет так прекрасно и тяжело, что застрянет под сердцем нож.

Липкий страх рождается глубоко, это фатум, судьба и рок,
В темноте плечо задевать рукой, влажным ртом задевая рот,
А внутри так радостно и легко, будто кто-то нажал курок.

***

И легко танцевать и смеяться, и петь легко,
Солнце – спелое яблоко, красное у боков,
И стучит барабан, к алтарю ведут сотню твоих быков.

И легко не кричать, не бояться и не жалеть,
Думать, что будет дальше, не зная, что значит смерть,
И стучит барабан, будто в такт ему вьется тугая плеть.

И легко идти первым, отчаянно ждать того,
Как надежда прорвётся наружу сквозь твой живот,
И стучит барабан, чтобы каждый здесь знал, что ещё живой.

И легко не грустить и не плакать, пить молоко,
Все слова где-то в горле, но слишком уж глубоко,
И стучит барабан, тает боль под горячей твоей рукой.

И легко обещать, что забудешь, но не простишь,
Я кричу тебе: ну, отпусти меня, отпусти ж,
И стучит барабан, чтобы после яснее звучала тишь.

***

Холодное сердце, пустая надежда и голова,
И время дрожит, и каждый твой нерв натянут, как тетива,
Но если мир рухнет, ты будешь кричать из-под ржавых балок:
«Я здесь, посмотрите, я же ещё жива,
Послушайте, я не за это же воевала».

А тот, кто вещал о победе, уже затих,
По кучам собрали мусор, тряпье и трупы.
Когда кто-то спросит, мол, эту куда, которая ни за нас была, ни за них,
Ты там наверху прочтешь свой последний стих,
И нас всех помилуют, и ангелы празднично дунут в трубы.

***

Изнутри свобода, снаружи – клеть.
Я же сам всё выбрал – о чём жалеть?
Сорок пять лет глупости, дальше – смерть.

Этот пьяный ветер, я знаю сам,
Остается перьями в волосах.
Сорок пять лет тянемся к небесам.

Что ж, поставим точку над буквой «йот»,
Я молчу об этом, она поёт:
Сорок пять лет страха, потом полёт.

Самолётам падать, кричать грачам,
Возвращаться к боли в руках врача,
Сорок пять лет плакать, чтоб замолчать.

Доползти до солнца, дойти до дна.
За окном – свобода, внутри – вина.
Сорок пять лет крика – и тишина.

***

Что отболело – более не моё,
К вечеру станет вольней дышать.
Выбор мой прост и ясен – быть остриём,
А не огрызком карандаша.
Слышишь – не слышишь? Как связь? Приём.
Скоро здесь не останется ни шиша.

Что завершилось, тянется не ко мне
И не у меня болит.
Сколько в чужих карманах лежит камней,
Сколько затихло во рту молитв?
Толпы прохожих, каждый, кто слеп и нем,
Список смешных потерь моих обнулит.

Всё, что случилось, кажется, ничего
Будто не значило вообще.
Ночь опускает ласково на живот
Тени пропавших в сердце моём вещей.
Ты снова сделал меня живой,
Знаешь ли сам зачем?

Что отболело – роздано на слова,
Глупо теперь жалеть.
Мелко дрожит под пальцами тетива,
Медленно растворяется в темноте.
Всё, что к утру останется – лишь трава,
Смятая нежной тяжестью наших тел.

***

Старые сказки умерли, вьются лесные тропы, где так легко запутаться, запросто потеряться. Эрге умеет главное: ровно дышать и топать, Эрге умеет главное – не бояться. Что же там дальше, может быть, этот закат – последний, голод, как зверь разбуженный – сам скоро станешь пищей. Эрге не слышит голоса, верно идёт по следу, Эрге своё пропавшее сердце ищет, будто не знает, кто теперь станет лишним.

Страх подступает к горлу, но ты не услышишь криков, сердце у пяток замерло, словно затихший бубен, кровью закат окрасили ягоды земляники, Эрге чужие тени целуют в губы. Ветер навстречу шёпотом: «Всё, что осталось, спето, счастье твоё на привязи – плакать о том негоже. Что тебе было дорого, станет золой и пеплом, но, как и прежде, делай лишь то, что должен». Эрге же по-другому и сам не может.

Птицы с седыми перьями боль заплетают в волосы тех, кто своё падение смог обернуть полетом. Не говори об этом, не слушай чужого голоса, чтобы не оказаться к рассвету мёртвым.

Солнце упало в озеро, тропы уводят в небо, Эрге покорно следует, зная: не станет проще. Так далеко от прежнего вовсе никто и не был, Эрге узнал, какая весна на ощупь. Старые сказки умерли, новые стали постной кашей из сонной памяти, слов, что затихнут с кашлем. Эрге у самой радуги вдруг замедляет поступь, враз побелевший, будто не дышит даже. Эрге и сам не ведает, что там дальше…

Утром в дорогу, новое прячется в каждом дереве – кто ж его сердце жадное ласково держит в пяльцах? Эрге идёт за счастьем, но так и не знает, где оно. Эрге умеет главное – не бояться.

***

Мир не для слабых – стоит ли отрицать?
Хищная птица гордости точит клюв.
Хуже смертельной глупости храбреца
Только твоё неискреннее «люблю».
Время уходит, зверь бежит на ловца,
Я в свои сети горе твоё ловлю.

Время уходит, утро не помнит слёз,
Тех, что случилось нам проливать вчера.
Где теперь пенье ветра и стук колёс,

Дрожь золотых браслетов и шелест трав?
Что новый день забрал у нас, что принёс,
Кто совершил ошибку, кто снова прав?

Пусть зазвенят мечи, засвистит праща,
Стрелы споют и что там, скажи, ещё,
Пусть побегут, кто плача, а кто крича
Трусы, по камням кровь твоя потёчёт –
Не отстирать подол моего плаща.
Время уходит, нам выставляя счёт…

Крепко держу в ладони твоё «прощай».
И оно печёт.

***

Вдруг понимаешь, что хочешь быть не исполнителем, а творцом,
Не журавлём, не синицей, а ласточкой и скворцом,
Что каким же отчаянным всё-таки нужно быть храбрецом,
Чтоб каждый день, не таясь, выходить из дома.

А потом понимаешь, что кроме любви ничего и нет,
Ни сомнений, ни радости, ни сладкой печали на самом дне,
Что останется рядом лишь тот, с кем не страшно ни в горе, ни в тишине –
Тот, чье имя у тебя записано на ладони.

***

Солнцем в капкане, раненным зверем,
Любит – не любит, верю – не верю,
Что будет дальше, что там, за дверью –
Нужно ли это знать?

Где бы ты ни был, я буду следом
Скованной птицей, принцем наследным,
Северным ветром. Дай мне последний,
Самый последний знак.

Новая вечность, что ж, аллилуйя,
Хватит, как прежде, жить, не рискуя.
Что будет после всех поцелуев,
Долгих ночей без сна?

Раненным зверем, солнцем в капкане,
Счастьем навылет, сердцем в кармане.
Тёплый мой Кай и верный мой Каин,
Нужно ли это знать?

ВЛАДИМИР КАЦ

ЭЛЕГИИ

***

Весь март стояли холода,
кружили над базаром птицы,
искали корм. И ото льда
залив не мог освободиться.

И ожиданием тепла
весеннего тела томились,
но каждый день метель мела
и холода все длились, длились…

***

Послать воображенье по следам,
вслед за тобой пройти аллеей парка,
увидеть вдалеке твой лёгкий стан
в сквозном проёме побелённой арки.
Почти догнать тебя, ускорив шаг.
И разглядев рисунок мелкий ситца,
вдруг осознать, что стрелкам на часах
на десять лет назад не возвратиться.

***

А луч, скользя по подоконнику,
вмиг обнаружит, сколько пыли
за наш отъезд цветы бегонии
на плотных листьях накопили.

И это наше возвращение
в пространство выцветших обоев
вдруг обернётся ощущением
безмерной близости с тобою.

***

И, рассчитав узор по клеточкам,
ты вышиваешь, вышиваешь
сирени сорванную веточку
и контур красного трамвая.

И в бесконечном повторении
размеренных и точных жестов
есть чувство умиротворения
всей атмосферы дней воскресных.

***

Тропинка сбегает к морю.
Солнце стоит в зените.
Скользят вдоль берега тени
Перистых облаков.
А мы всё спорим и спорим
О суете событий,
Сверяя ноты мгновений
С музыкою веков.

***

Одесские предместья –
Крыжановка, Лески…
Не будь с тобой мы вместе,
я умер бы с тоски.
По вечерам над лампой
кружится мошкара,
поток словесных штампов,
из овощей икра,
пять с половиной соток,
мангал из кирпичей,
десяток-два красоток
и минимум вещей.
Всех знают в коллективе,
а мы – приблудный люд,
зато какие сливы
растут и там, и тут!
Зато на сковородке
изжарены бычки,
и просятся под водку
грибки и кабачки.
И не забыть, хоть тресни,
до гробовой доски
одесские предместья –
Крыжановку, Лески.

***

в семи километрах от города
в Лесках – на прибрежном плато
мы были бесстыдны и молоды
и делали чёрт знает что,

и, скинув цветастое платьище
на гибкие ветки куста,
ты вдруг мне читала Горация
слегка приоткрывши уста.

***

Люсьену Дульфану, художнику

Дульфан в усах и лето на излёте…
На Кинбургской косе как вы живёте
в саманном доме у солончаков?
Махнуть через залив – а там Очаков,
вернуться за полночь с авоськой полной раков,
уснуть в двух парах выцветших носков.

А утром вновь в усах – и на этюды, –
пока жива коза, жива покуда
и седина коснулась лишь висков,
пока непредсказуема палитра,
точна рука, и на столе пол-литра
и дышится легко, без дураков.

***

И было просто все – песчаная коса,
рублёвое вино в пластмассовых канистрах,
палаток серебристых паруса,
и жарких слов любовный шёпот быстрый…

А в небе проплывали облака,
скрипели доски старого причала.
Всё было впереди, но дней река
уже своё теченье ускоряла.

***

на песке раскалённом
у зелёной воды,
там, где ветер солёный
заметает следы,
где встаёт над заливом
туч слоёных гряда,
как безбожно счастливо
билось сердце тогда

***

я не войду два раза в ту же реку,
не проплыву, цепляясь за пороги,
и морду, как бугай на водопое,
не погружу я снова в Южный Буг.
Проехали. Но через четверть века,
коль доживу, то, подводя итоги,
припомню. И заноет ретив*о*е.
И вновь увижу взмахи лёгких рук
любимых женщин над речною гладью,
и мимо проплывающих ужей,
и брызги радуги, форель на водопаде,
и берегов гранитных неглиже.

***

Там горе – не горе,
беда – не беда.
Поедем на взморье,
поедем туда,
где ветер с лимана
и ветер морской
кружатся над пряною
жизнью мирской,

где жирные птицы
снуют по песку,
и пиршество длится
до боли в боку,
где денно и нощно
стучат поезда,
где всё так непрочно, –
песок да вода.

ЕЛЕНА БОРИШПОЛЕЦ

«ТИШИНА КАТАЕТСЯ, КАК ГВОЗДЬ ВО РТУ…»

ГОЛУБАЯ ЗВЕЗДА

Если моя половина души
Сходит за старые гаражи
И наберёт там бутылочных стёкол,
И наберёт там мокрых червей,
И принесёт их душе твоей?
В белой посуде стёкла блестят,
В белой посуде черви лежат,
Им, чтобы рыбой в посуде стать
Нечего дать и нечем сказать,
Очень от них далеко до рыбы.
Руки помою, возьму свой крест,
Есть ещё столько высоких мест,
Есть ещё много больших холмов,
Храмов чужих и пустых домов.
Я только имя твоё несу,
Здесь до меня проходил Иисус,
Всё у него получилось с рыбой.
Я говорю, что не маг, не волхв,
Спину чешу, как обычный волк,
Склею огромный тебе сосуд,
И понесут его, вверх, понесут,
Пересижу у горы твой ужин.
Добрый Иисус улыбнется мне,
Спину прижмёт к прохладной горе
И закурить попросит.
Скажет, что там, на горе, светло,
Скажет, что видел тебя сквозь стекло,
Ты голубые звёзды перебираешь,
Но, ни сосудов вокруг, ни червей,
Ни рыбаков, ни мёртвых царей,
Только слепящий свет запоминаешь.

Возле горы серый ветер стих,
Я под горой, как в падучей – тих,
Ты мне: где черви, а где стекло?
Вот, я и умер в них.
Высохло солнце, ушла вода,
В небе плывет голубая звезда.

ВО ИМЯ

Человек любил май и свой город
И умер в своём городе в мае.
Всё, что было его ума дело,
Он делал в рубахе на смертное тело,
Как положено всякому подлинному рабу.
Говорили – труби, и он брал трубу.

Обнимал, как сына, старую медь
И давно не ходил на полевые работы,
А на завтра синоптики врали ему про субботу,
Мир и труд, мир и труд, и сирень.

Ангел принимал человека и записывал имя в тетрадь,
Давал номерок, он был в этот день тридцать третий,
А где-то играли в футбол дети земли и райские дети,
А где-то играли в шахматы, и пешка пошла в расход.

И всё хорошо в раю, и всё хорошо на земле,
И в городе мир во имя, во имя войны в стране,
Какой-то чужой страны во имя,
И пальцы пекут на горячей, как адская печь, трубе,
И следующий номерок горит, но и он остынет.

КОВШ

А медведица всё рожала,
То поэта, то пилигрима,
А под нею луна бежала
От Покровских ворот до Крыма.

А под ней растекались реки,
Надевала Елена лапти,
Зина жарила чебуреки
У холодной своей кровати.

А в медведице жили стрелы
И кусали под сердцем блохи,
А она – себе знай – горела
Над блокадой своей эпохи.

У медведицы гнили лапы
Ей не слало гусей спасенье.
В море чёрном шептались крабы,
Раки пили за новоселье.

И дракон собирал конклавы,
И по-братски дышал ей в спину.
Пирожков захотела Клава,
Ковш катила по магазину.

И ждала её дома Гала,
Марсельеза, счета и сало,
А медведица всё рожала
На небесное покрывало.

ЧЕЛОВЕК И СИНЯЯ ПТИЦА

И когда она плачет на твоём плече капельками
Росы, ты говоришь: пускай.
А озеро уже полное синих слёз, как омут,
Из которого тебя тебе выдадут по кускам,
И каждый кусочек склеивать по живому.

И когда она смехом раскатистым, словно майский
Гром, душит твои барабанные перепонки,
Ты, мрамором покрываясь, говоришь: ещё.
И себя такого силишься не запомнить,
Но впиваются десять стальных когтей в голое плечо.

И когда она кричит, как море без парусов,
Топит живых и мёртвых кошачьим скопом,
Тебе кажется, что она – полноводное без конца
И края, без глаз, без крыльев, вся из одних потопов
Без дна, без сна, даже без малюсенького донца.

И когда за неё звенят миллионы чужих мечей,
Рукоятки их злые и лезвия не бумага,
Ты рубишь со всеми всех в честном этом бою
И между небом и пылью дышишь своё: так надо,
Самому небу с краю, и каждому на земном краю.

И когда она – Херувим беспалый, касается Божества
Одежд, и просит тебе того, чего не бывает,
Ты говоришь: это она всё обманы свои плетёт,
Крепкие гвозди по небесам на меня бессильного собирает-
ся Человеколюбцу мой грешный доставить пот.

И когда она – чистый голос в твоём невозможном сне,
Опрокидывает Миры тебе на ладони,
Ты её обнимаешь, чтобы видел Архангел и пел,
Убиваешь, и вас в один час хоронят.
И когда жила она, чужая, на твоём плече,
Только смерти её ты хотел.

СНЕГ

И ты проснёшься,
И будет белый снег,
Когда тебе до снега дела нет –
Воочию придётся слепоте
Услышать снега стон на высоте.
А высота, как лакомый кусок,
Как детства закупоренный сосок,
Сама слепая, как куриный бог,
Сама себя себе в карман кладет.
И нет её,
Или тебя в ней нет?
Тебя в ней нет.
А снега так насыпало кругом,
Что мальчик лепит бабу за углом
И деда бабе лепит за углом,
Все трое видят – падаешь орлом,
Слепым на землю падешь орлом,
И ты проснёшься.

ГЕРОИ

Жизнь надвигается, словно песчаная буря
Или как смерть холодная и чужая.
Целыми городами-героями преображаясь,
Целыми городами героев себе наряжая.

И чтобы ряженые не очень гремели костями,
И не писали длинные глупые письма,
Им побратимы дарят иную отчизну
И провожают до самой веселой тризны.

И чтобы жизнь вносила свой чёрный ящик,
В пятую дверь надёжной курьерской службой,
Герои, герои, вы – всё, что для этого нужно,
Герои, вам крепкой заплатят дружбой.

Спите, герои, вам столько всего не снилось, –
Залежи нефти и тектонические движенья,
Радости первого залпа на пораженье,
Ваше живое и мёртвое отраженье.

КОРМ

И некому со мной поговорить
По-птичьи, кроме птиц,
И что тут скажешь,
Если я змея
И птицы на обед ко мне приходят.
Хотят летать.
Придумали себе.
Но я – змея!
И из меня бы вышел дивный переплёт
Для нескольких страниц.

Пусть что-то очень важное
Поселится во мне:
Сказанья, подвиги, любовь к птенцам.
Пусть миллионы пальцев,
Трогая тетрадь, её уберегут в тысячелетиях,
А их владельцы станут говорить:
Мудрейшая была змея,
По-птичьи понимала.

ИЮЛЬСКИЙ ПЕРЕПЛЁТ

Все голоса исчезнут.
Мой лежит, как вата,
И тишина катается, как гвоздь во рту.
В июле капитан мне обещал зарплату,
По договору мной подписанном в порту.

Но сколько у июля тел и сколько лиц,
Какой июль расчётный,
Разберись?

А волны сталь едят
И пеной запивают
И корабли Угодника зовут,
А на песке иглою солнце набивает
Последней радуги
Последнюю дугу.

А пьяный боцман
Сон смотрел под пирсом,
Там море выше косточки не бьёт.
Все высохнут слова,
Но договор подписан
И город провожает пароход.

ПОЛЫНЬ

Израил, покачиваясь на ветке дуба,
Шумел, словно улей в моей голове:
Дом, как дом, дорогая моя голуба:
Ветер, мыши, полынь подсыхает на старом ковре.
Заходи и живи,
Как ленивый вареник
В белобоком степном раю,
Без костлявой рыбы, засаленных денег,
Без любви, без жалости, без обмана,
Без плода на голову пустую твою.

Всё как было вчера в твоём сарае,
Та же горечь в гортани и та же густая мгла,
Стертый веник, холодный огонь и ночь голубая,
Только ты не живая,
Ты к полночи умерла.

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВ

РЫБЫ ИЗБЕГАЮТ СУШИ

***

Женщина, кутаясь в плед,
Смотрит из прожитых лет.
В доме, которого нет,
Кактус расцвел на столе.
Дверь за собою прикрой,
Вытри окошко и стул.
Если уходит Любовь,
Не полюби пустоту.
Небо проклюнет звезда.
Боль до забвенья стерпи.
Ищут вокзал поезда
В выжженной тьмою степи.

***

Нет, не тот, кто любит,
а тот, кто выжил
после любви,
достоверно знает,
что такое любовь.
Когда из сердца выжал
последний звук имени,
и ускользает
образ её
по встречной полосе жизни.
А ты становишься праздным,
как манекен.
И понимаешь,
что остался один на крыше
дома,
который лишился стен.
И мир вокруг
не такой, как прежде –
пустой,
будто патрон без лампочки.
Живёшь и ждёшь,
когда личинка надежды,
со временем,
переродится в бабочку.

***

Лукавый Лука Лукоморья
Всё чинит дырявую сеть.
Чугунный горшок на заборе
Голодной вороной присел.
А рыбка лежит золотая
На дне в ожиданье, пока
Разорванный невод латает
Для лова лукавый Лука.
Старик же не то, чтоб ленится,
Не то, что бы навык забыл,
Он медлит, он просто боится
Крутых поворотов судьбы.
Зачем ему эти тревоги,
Дворцы, космодромы, порты?
Не голоден и – слава богу,
Ещё не спадают порты.
Старуха не жадная женщина,
Напротив, любила прогресс…
Но так и ушла без обещанных
Лукавым Лукою чудес.

НИКО ПИРОСМАНИ

А.В. Енукидзе

Он спал
под открытым небом, как
под перевёрнутой лодкой.
День проводил
в высшем обществе
праздных своих картин.
Горы вокруг лежали,
как гаремные женщины,
закрыв лицо облаками.
Внизу море считало камни
и опять возвращалось обратно,
потому что сбивалось со счёта.
Над кроссвордами улиц
размышлял понурый осёл…
Да мало ли чего интересного
можно найти в этом мире
помимо людей?
Но он запечатлевал их
для нас, живых и весёлых,
запивая свой труд вином
из нарисованных кувшинов.

***

Хорошо жить в горах
по другую сторону эха,
В паутине от трасс
пролетевших вверху самолётов.

Не в столичном угаре,
а где-то в провинции века.
Жить затем, чтобы жить,
Без умысла, на автопилоте.

Но город – бетонный подстрочник
небесного свода.
Провода его нервов
продолжаются в нашем теле.
Он шумно вдыхает и курит
кальяны заводов.
Грязный пляж у воды –
продолженье внебрачной постели.

И чего не начну –
безнадёжно пустые деянья.
Вновь оскалили зубы
укрытые водами рифы.
Значит, время пришло
попросить у любви подаянья.
Пусть звенит колокольчик
привязанной к замыслу рифмы!

***

Скрыл хлынувшей ночи потоп
Собора божественный жест.
Важнее, что будет потом
Того, что случилось уже.
Но памятки прожитых дней
В сегодняшний входят маршрут.
Бессонница – дом без дверей,
Где бывшие люди живут.
Озябшая птица в окне
Клюёт по крупицам рассвет.
И снова покажется мне –
Из прошлого выхода нет.

***

А что осталось
мне от жизни прежней?
Гадать не стоит –
ни орла, ни решки.
Становится
всё время на ребро
Пустой вопрос.
И всё погребено
В остывших строчках
позабытых хроник.
Вот девушка стоит
с веслом Харона,
А мальчик дует
в пионерский горн.
Но обнесли бетон
со всех сторон
Извилистые
трещины разлуки.

Я, как прораб,
стою среди разрухи
И составляю
планы на ремонт.
Но тянет нить
судьбы веретено.
И новый день
ложится на весы.
Вокруг зубами
щёлкают часы!

***

Мера и норма –
всей жизни основа.
Лишняя буква
калечит всё слово.
Памятник бесу
уродует площадь.
Пьяная женщина
кажется пошлой.
Рвутся спортсмены
из всех сухожилий.
Эти не дожили –
те пережили.
И пресекает
зачатия плетью
Призрак всеобщего
долголетия…
Нет повторений –
есть копии жизни.
Оригинал
пусть не кажется лишним:
Мало пройтись
по природе посевом.
Важно, кто будет
выращивать семя.

***

Полюби свою тень.
Ты давно с ней знаком.
Сколько лет
она рядом шагала
И ждала на земле,
пока ты высоко
проплывал
вдоль картины Шагала.
Вместе с ней вы вдвоём
народились на свет,
Одинаковы
в каждом движении.
Полюби свою тень,
по прошествии лет
Она станет твоим
отраженьем.

***

Тот, который живёт во тьме,
избегает света,
как рыбы избегают суши.
Но по его воле
совершают самоубийства
киты и дельфины.
Тот, который живёт во тьме,
внимательно следит за нами,
и достаточно одного
тёмного пятна на совести,
чтобы он оказался рядом
с протянутой рукой помощи,
по которой легко можно
перейти границу
между Добром и Злом.
Но тот, который живёт во тьме,
не знает пощады,
потому что не знает Любви.

ЕВГЕНИЯ БАРАНОВА

ГОЛОВЫ

– Привет, у тебя есть голова?
(Ощупываю)
– Вроде бы есть.
– Поделишься?
(Появляется странное чувство)
– Чем?
– Как чем? Головой же, головой!
(Странное чувство переходит в подозрительность)
Ловкая пауза.
– Я же тебе объясняла вчера – мне нужна голова, гипсовая, для рисунка.
(Легкость бытия)
– Ах, гипсовая!.. Знаешь, у меня где-то Ленин был.
– Вот и славненько.
– Подожди. Дослушай сначала. Ленин сейчас на работе, а я в другом городе. Кроме того, он тяжёлый.
– Дыкть, я подъеду и заберу. Диктуй адрес.
– И как ты её дотащишь? Я же сказала – тяжелая голова, килограммов под двадцать. И вообще – мне сейчас кажется, голова никакая не гипсовая, а мраморная. И не пустая, а цельная.
Молчание. Вечер.
– Привет, солнце. У меня тут девочка-художник голову искала. У тебя не завалялось чего-нибудь подходящего?
– Представляешь, как раз завалялась. Только я её плохо покрасила.
– Ты её – что?
– Я её покрасила. В фиолетовый. Но краски хватило только наполовину.
(Моё воображение отбивает чечётку)
– А чья она хоть?
– Кто?
– Ну, голова.
– А черт её знает. Выглядит анатомической. Может, какого-то писателя.
Поздний вечер. Засыпаю. Мне снятся головы – голубые, фиолетовые, лиловые.
Так и проходит слава.

ДВА ПИСАТЕЛЯ

Имён называть не буду. Зачем имена, когда есть архетипы? Кроме того, возможно, я их недооценивала. Возможно, их вообще не существовало. И уж точно я не была влюблена ни в одного из них. Итак.

С первым писателем я познакомилась лет восемь назад. Произошло это на небольшом провинциальном фестивале из тех, где вам дарят блокнотик на память. Такие фестивали хороши внезапными встречами: дескать, неужели и у вас в Бердичеве существует литература.

Первый писатель был молод и кареглаз. Длинные волосы и светлые мысли делали его похожим на икону. Первым делом он меня оценил и одобрил. Так и сказал: «Баранова, ты войдёшь в историю». И фенечку подарил. Я, конечно, обрадовалась и фенечке, и великолепным перспективам. Когда тебе девятнадцать, фенечки играют невыразимую роль в осознании собственной идентификации. Потом была дружба – по сети и телефону. Хорошая дружба, чистая.

Писатель создавал своё искусство, я создавала своё – и нам не было тесно, несмотря на это. Хорошо помню его манеру выражаться – с такой эмоциональной силой, что некоторые реплики выглядели злыми. Однажды я, поддавшись влиянию Моррисона, изменила манеру своих выступлений в сторону некоторой удолбанности, чем сразу же начала гордиться. Разумеется, я не учла тот мелкий факт, что страстный шёпот в микрофон подразумевает годное качество этого самого девайса. Короче говоря, меня было почти

не слышно. И когда я спросила своего друга-писателя, мол, насколько я сказочно выступила, он взял да и ударил в лоб: «Жень, что за хрень? что с твоим голосом?». Я обиделась, хотела даже не общаться, но, разумеется, забыла о своём решении. Невозможно обижаться на человека, которого действительно беспокоит, что нового ты сделал и как давно ты ужинал в последний раз. И жили-дружили мы долго и счастливо. А потом он умер.

Второй писатель попал в ареал моего обитания гораздо позже. К моменту нашего знакомства у меня уже вышла книга – мой первенец неэлектронного формата. И эту книгу я возила с переменным успехом по клубам, театрам и библиотекам некоторых городов.

Второй писатель был доволен собой. Это – чувствовалось. Даже его руки выражали спокойную уверенность в будущем. Его печатали. По-настоящему, а не так, как меня или моих друзей. Его произведения украшали лики толстых журналов – не реже, чем лики Лимонова или Кенжеева. И всё-таки какого-то кадра или винтика в нём не хватало. Он напоминал ёлочную гирлянду, сделанную в Китае. Или мальчика из рекламы йогурта. Просветлённости не было. Или той жгучей харизмы, которая прикипает к человеку раньше, нежели он произведёт из своей личности нечто значительное.

Дружбы со вторым писателем не получилось. А жаль. Было бы интересно посмотреть.

Иногда мне кажется, что прошло много лет, что из второго писателя вышел отличный отец и критик, что мой мёртвый друг живёт в глубине солнечного луча, и что солнечные жители, наконец, его поняли.

СЕЛЁДКИН-БЛЮЗ

Анна Ахматова чистит селёдку.
Её брови протестуют.
Её тело покачивается.
Ей хотелось бы:
не думать;
Сартра почитывать;
отобрать автомобильчик у Лили Брик;
получить красивый крест на Новодевичьем.

Селёдка думает: Анна Ахматова! Какая правильная честь!

Убили, открыли, обмыли, посмотрели внутри и снаружи – что может быть лучше служения великой цели?

Гумилёв думает: меня зовут Лев, стало быть, я симулякр.

Не бывать мне в Африке, не встречать дочь молодого вождя, не видеть глубоких, но неуклонно мелеющих озёр. И как теперь быть с жирафом?

Тоска без начала. Никакой пассионарности.

Ночь опускается. Опускается – и пьёт чернила. Она не умеет думать.

ТАМ, ГДЕ БЫЛО СВЕТЛО

Чебуречная – это не романтично.

Ассоциации с прачечной, Чебоксарами и советским кинематографом.

Розовый свитер на безголовом манекене, механические собачки, забавно подпрыгивающие и визжащие, фарфоровый зуб за 999 великокняжеских гривень – именно на этом держится современная цивилизация. Чебуреки в заключительный список не входят. Неизвестный ветер пытается их вежливо подобрать и унести – вслед за приставками Sega и капиталистическими иллюзиями.

И всё-таки они мне нравятся. И даже не столько чебуреки, сколько я образца 2004 года, я, исправно входившая в их краснопёрую обитель, дабы вкусить мучную, царственно похрустывающую плоть прямо с пластиковой тарелочки.

Постой. Было что-то ещё.

Ах да, любовь.

Вела за руку. Выбирала столик. Выискивала сморщенные купюры в джинсовых карманах. И звали его…

Впрочем, никогда не возвращайтесь.

Прошло девять лет.
Вернулась.
Влажный пол.
Косоглазые светильники.
Неопрятная и немолодая девушка за кассовым аппаратом.

Крошки. Поднос. Пивной дух. Рыхлое тесто прилипает к пальцам. Пыталась быстрее доесть, стеснялась, смешно переставляла слова, чуть не забыла сдачу.

Никогда – это никогда. Всё просто.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ МАЛЬЧИКИ

Революция совершается фанатиками.

Любая.

Человек, фанатично верующий в превосходство своего рецепта шоколадного батончика – в какой-то мере революционер. Потому что спит и видит, как его детище марширует тяжёлыми сапогами по рёбрам остальных производителей. Что уж говорить о литераторах. Тщеславных, суетных, жестоких. И совершенно беззащитных в своей жестокости. Сколько лиц каждую ночь трафаретит подушку мечтами!

С настоящими девочками всё проще. Их движение к славе продиктовано желанием нравиться. А вот мальчики…

Интересно, о чём думал литератор Джугашвили, наблюдая живую реку своих поклонников? Или журналист Муссолини.

Или ещё какой деятель европейского искусства.

Стало быть, власть. Власть и уверенность. Возможно, памятник в Рязани или домик в Коломне, но основное – всё-таки власть. Над ушами и душами. А искусство – единственно легальный лифт из мира акционных распродаж в мир ухоженных парковок и завораживающих интервью.

Зачастую что-то идёт не так.

Гоголь сжигает увесистый томик, агент ФБР убивает без причины свидетеля, а литератор осознает, что большая слава вместе с большей свободой идут в неправильном направлении. Его рукописи покрываются виртуальной пылью в почтовых ящиках издательств. Его женщины выходят замуж. Его поклонники начинают подрабатывать продавцами в винных магазинах. И он – сильный, жестокий, талантливый – начитает заблуждаться. Харьков – Москва – Нью-Йорк. Гори – Тифлис – Москва. Какая разница!

Самые злые, самые требовательные.

Самые опасные.

Поэтому общество и стремится их размолоть. Потому что инстинкт, потому что чувствует – или я, общество, с моими бетонными заводами, силиконовыми протезами и узаконенной любовью, или они, эти провинциальные мальчики, родившиеся в тёмную эпоху.

ЕВГЕНИЙ ДЕМЕНОК

КНИГА ЖИЗНИ

Человек вошёл в комнату. Господь сидел за столом и быстро печатал на машинке.
В комнате пахло дорогими сигарами и парфюмом.
– Господи, ты куришь? – поразился Человек.
– Нет, я записываю пришедшие мне за ночь в голову шутки. А хорошие шутки всегда хорошо пахнут.

***

Человек вошёл в комнату. Господь сидел за компьютером и что-то читал.
В комнате невообразимо дурно пахло.
– Что это пахнет, Господи? – спросил удивлённо Человек.
– Дурные новости, – ответил Господь. – Я читаю дурные новости.

***

Человек вошёл в комнату. Господь сидел за печатной машинкой и что-то быстро печатал.
– Господи, ты опять записываешь пришедшие тебе в голову за ночь шутки?
– Нет, – ответил Господь. – На этот раз я пишу книгу твоей жизни. Пишу о том, что случится с тобой завтра.
– Господи, ты уже знаешь, что случится со мной завтра? И послезавтра? И через год?
– Что случится с тобой через год, я ещё не придумал. Но если ты очень хочешь…
– Нет-нет, наоборот! Я не хочу, чтобы ты всё за меня решал. Я хочу сам быть хозяином своей жизни и сам писать свою книгу.
– Забавно. Ты не хочешь, чтобы я заботился о тебе, проявлял свою милость?
– Что ты, Господи! Очень хочу! Просто я хочу сам создавать своё будущее.
– Хорошо, приходи завтра. Я посоветуюсь с женой.
На следующее утро Человек стоял перед Господом ни свет ни заря, и очень волновался.
– Ну что ж, – сказал Господь. Мы подумали. Будь по-твоему. Отныне ты сам будешь создавать своё будущее, но не только создавать, а и отвечать за него. Сам будешь творить свою судьбу и сам расплачиваться за ошибки. Я уже не буду знать, что произойдёт с тобой завтра и что ты сам себе напридумываешь.
– А как же милосердие? – спросил Человек испуганно.
– Милосердие будет. Не переживай, – ответил Господь. – Просто не всегда оно будет поспевать. Ведь я буду теперь не автором, а читателем твоей книги. А свобода воли предполагает и свободу ответственности. А вообще – ты всё это здорово придумал. У меня теперь есть время заняться другими делами.

ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

А потом пошёл слух о том, что умерший переродится именно в той стране, о которой он будет думать в момент смерти. Ну, прямо перед ней. Или перед ним. Моментом, то есть.

Сначала этому никто не придал значения. Волны информации были уже так высоки, что никто не был в силах проверять их подлинность. Так, внутреннее – верю, не верю. Так и жили. Закон больших чисел ещё срабатывал, и векторы разнонаправленных верований уравновешивали друг друга.

Но слух не уходил. К нему добавился ещё один – что нужно не просто подумать перед самой смертью. Нужно привезти и похоронить тело в той стране, где хочешь переродиться. Слух этот, попав в широко расставленные социальные сети, выбраться оттуда уже не смог и распространился по всем доступным

Интернету уголкам на множестве разных языков. Эдакое «письмо счастья», над которым разумным людям прилично посмеяться.

И тут, неожиданно для всех, в идею вцепились турагентства. Ну как же – кто может отказаться от уникальной возможности заработать не только на живом клиенте. Не одним же похоронным агентствам держать монополию. Это так и назвали – последним путешествием. Тур такой. Почти выходного дня. Горящая путёвка. Пошла реклама. И мало-помалу стали появляться желающие. Ручейки последних путешественников потекли в Землю обетованную, в Индию, Австралию, появилась даже экзотика в виде Японии и Сингапура, но больше всего отправлялось в последний путь в Америку, Англию и Швейцарию.

Местные власти, раскусив ситуацию, лавочку быстро прикрыли, и многие приуныли. Но – всё-таки надежда умирает последней, а тут она и не умирает вовсе. А наоборот, возрождается. И кто-то сказал, что не нужно хоронить всё тело, достаточно какого-то фрагмента. Пряди волос, например. Или ногтя с мизинца. Турагентства опять оживились – начали делать туры родственникам, исполняющим последнюю волю покойного. Тут уж останавливать было сложно – люди едут как обычные туристы, пьют, гуляют, деньги тратят, разве что с небольшими странностями – нет-нет, да и закопают что-то под деревом в каком-нибудь парке. Ну, с кем не бывает.

И когда через пять лет в Швейцарии начала медленно, но неуклонно расти рождаемость, власти даже обрадовались. Всё-таки такая хорошая тенденция в стареющей Европе… И власти Великобритании порадовались. А американцы вообще ничего не заметили – у них и так народу полно. Третья в мире страна по населению – это не шутка.

Потом в швейцарских семьях стало нормой иметь минимум трёх детей. В английских – четырёх. Упаси Боже, не в семьях беженцев и иммигрантов. В самых обычных белых семьях. Глупостям, конечно, никто не верил, но слушок тревожный пошёл. И когда число жителей конфедерации перевалило за пятнадцать миллионов, власти таки запретили въезд туристам из стран третьего, а потом и второго мира. Хотя кто его видел, этот второй мир?

Следом за швейцарцами последовали и англичане, и даже американцы, хотя живых нелегалов из Мексики у них было всё равно больше, чем переродившихся индусов и суданцев.

Туроператоры – не стоит рисковать, – самоустранились, но процесс уже набрал обороты. И в сети появилась новость о том, что хоронить нигде и никого не нужно. Нет, дома, конечно, нужно, но везти за тридевять земель ногти с волосами вовсе не обязательно и вообще это ересь. И любой желающий может переродиться в любой стране мира, просто подумав о ней перед смертью. Сосредоточившись, в общем. Вернулись к началу.

Этому тоже никто не верил, но сомневались вяло и шёпотом пересказывали друг другу истории, услышанные от друзей и знакомых – о том, как в Женеве родилась девочка, точь-в-точь похожая на чью-то маму, а в Лондоне мальчик – копия старший брат, только белый. Шептались и тут же хихикали, но сами мучительно думали, о каком же месте на планете думать лет так через тридцать-сорок-пятьдесят.

Тем временем население Африки, Ближнего Востока и Индии неуклонно уменьшалось. Держался Китай – там по-прежнему были запрещены социальные сети; но слухи уже поползли. А население старушки Европы и Америки с Канадой росло в геометрической прогрессии. В странах «золотого миллиарда» началось брожение. Нет, еды пока хватало всем, а вот с работой было хуже. Гораздо хуже.

И тогда произошло неизбежное – началась вторая волна колонизации. Белые люди заселили Африку, и Чёрный континент стал белым. Арабо-израильский конфликт разрешился сам собой – арабов просто не осталось. В Ираке началось восстановление утраченного рая. Над проектом работали лучшие израильские архитекторы. Золотой миллиард разросся до шести миллиардов. Китайцы, как всегда, отставали, но австралийские аборигены неожиданно начали устанавливать рекорды рождаемости…

ТАТЬЯНА ОРБАТОВА

СТОПРОЦЕНТНЫЙ КОТТОН

рассказ

В её безразличных глазах не наблюдалось даже намёка на эмоции. Несмотря на летнее, оживлённое утро, она замерла, глядя в одну точку, будто каждый атом её тела вмёрз в невидимый лёд воздуха. Изо рта торчал карандаш. Странное зрелище – красный карандаш на фоне застывшего морщинисто-жёлтого лица. Пытаясь понять, куда она смотрит, Майя обернулась. Множество мелких мушек роилось над поломанной инвалидной коляской старого образца, опрокинутой набок. Рядом валялось оторванное колесо. Мушки кучковались над коляской, совершая непонятный ритуал, перемещаясь от спинки к оторванному колесу и назад.

– Стопроцентный коттон! – ожив и тряхнув головой, громко сообщила очень пожилая женщина. Она церемонно зажала между двух пальцев карандаш, словно сигарету, и неожиданно приложила его к губам, манерно сделав затяжку.

– Простите, вы о чём? – Майя не удержалась от вопроса.

– О жизни, деточка, – пожала старушка плечами. – Или не деточка… – приглядываясь к потенциальной собеседнице, пробормотала она. В её тоне не было недружелюбия и раздражения.

На крыльце многоэтажки, в которой полгода назад Майя купила квартиру, стояла с веником и совком консьержка Нина Михайловна – грузная, но чересчур подвижная женщина. Майю удивлял и раздражал её голос – слишком похож на писк девчонки лет пяти, капризничающей по любому поводу. Нина Михайловна подмигнула Майе, и, скривив лицо, пропищала в сторону старушки:

– Не обращай внимание. Говорят, она больная на голову.

Тихо сказать не получилось, и фраза безжалостно достигла ушей пожилой женщины. Она вздрогнула, выпрямилась, презрительно бросив в сторону консьержки:

– Синтетика… Писец на твою голову!

Нина Михайловна юркнула в подъезд, вжав голову в плечи, по-детски вытаращив глаза, демонстрируя всем своим видом, что попала в неловкую ситуацию.

Майя с трудом сдержала улыбку и, чтобы перевести разговор в мирное русло, произнесла:

– И откуда столько мушек налетело…

– Это не мушки, а остатки инвалида, – покачала головой старушка и быстро направилась в сторону дороги.

– А куда подевался весь инвалид? – с улыбкой поинтересовалась Майя, догоняя её.

– Всего инвалида теперь нет. Но большая его часть пересела на новую коляску с электроприводом. Я-то знаю. Инвалид – мой сосед по лестничной площадке. Вчера эту коляску тащила на мусорку его жена. А ночью я проснулась от страшного шума. Что-то скрипело и визжало. Гляжу в окно – коляска сама едет к дому. Теперь понятно почему…

– Наверное, ветер, – Майя пыталась найти логическое объяснение.

– Ветер, – хитро прищурилась старушка. – Тебя как звать?

– Майя.

– Меня тётя Тира.

– Ира?

– Тира.

– Никогда не слышала такого имени, – удивилась Майя.

– Родня по папиной линии – армяне во многих поколениях. В древней армянской мифологии существует бог письменности Тир. Он был писцом Арамазда, отца богов. Говорят, Тир – проводник в мир мёртвых.

– Вы об этом писце говорили Нине Михайловне?

– Да ну её. Дурище, прости Господи. Пищит сплетни, как заводная кукла, – махнула рукой старушка

и продолжила рассказ: – Все считали, что у моей мамы родится мальчик, и папа хотел назвать сына Тир. Но неожиданно для всех родилась я, и меня назвали Тира.

– По-моему, очень интересное имя.

– А у тебя красивое, – улыбнулась старушка.

Увидев на клумбе жёлтые лилии, Майя отвернулась, пробормотав в сердцах:

– Не могу на них смотреть. Вроде красивые, но не греют. А раньше были моими любимыми…

Тётя Тира посмотрела на Майю, затем на лилии и внезапно остановилась. Дыхание её стало тяжёлым. Она положила руку на грудь, словно таким образом пыталась успокоить сердцебиение.

– Вам плохо? У меня есть валидол, – распереживалась Майя.

– Ещё молодая, а уже с валидолом. У меня нитроглицерин, – покачала она головой, дрожащими руками открывая сумку. Положив под язык таблетку, она мелкими шажками направилась к скамейке. На всякий случай Майя направилась за ней. По мере действия лекарства старушке становилось лучше. Наконец, она облегчённо вздохнула:

– Никак не могу отучиться быстро бегать по улицам. Сердце подводит. Восемьдесят семь лет кровь перегоняет. Устало, – она внимательно смотрела на Майю. – Разве ты не спешишь?

– Я в магазин вышла. Ничего срочного.

Несколько минут они сидели молча, наблюдая за редкими прохожими. Время было утреннее, но основной поток людей, идущих на работу, закончился. Ещё каких-нибудь полчаса и двор заполнят весёлые детские голоса, окрики бабушек и мамочек, но пока здесь мелодика птичьих напевов и отголоски клаксонов машин, доносящиеся с дороги. Ещё минута покоя, в которой расслаблялись Майя и старушка перед «сменой декораций», и утреннюю идиллию нарушил истерический вопль мальчика лет пяти. Его с трудом тащил за собой высокий, крепкий молодой мужчина. Тащил так, будто это увесистый мешок с песком. Наконец мальчишка вырвался из цепких отцовских клешней, потрогал свои щёки и лоб, посмотрел вверх и замолк, но ровно настолько, чтобы сразу завопить ещё громче. Мужчина, полез в карман, достал платок, и, вытирая круглую мордашку малыша резкими движениями, раздражённо-назидательным тоном сообщил:

– Да, это птичка какнула на лицо тому, кто всё время кричит и ругается. И так будет с каждым! – и добавил почти угрожающе: – Понял, сынок?

– С каждым? – переспросил мальчуган.

Его отец кивнул.

– С тётей и бабушкой тоже? – уточнил малец, сразу успокоившись, глядя в сторону Майи и старушки.

Получив отцовский ответный кивок, он развеселился и спокойно уселся в машину, но несколько раз выскакивал, подобно чёртику из табакерки и показывал в сторону женщин, интересуясь, когда на них накакает птичка. В конце концов, мужчина усадил непоседливого сына на заднее сидение, вытер рукой пот со своего лба и сел за руль. Машина скрылась за углом, а тётя Тира покачала головой:

– Как тебе нравится? Он порадовался, что птичка может нагадить не только на него, но и на всех! Такой малой… но сущность проявляется с раннего детства.

– Да ладно… Он ещё слишком маленький, подрастёт – осознает, – примирительно возразила Майя.

– Маленький. А когда вырастет, будет радоваться чужому горю. Знаю я таких. Если у них плохо, значит, у всех должно быть плохо, – проворчала тётя Тира. – Такие не понимают, что с каждым из нас будет только то, что напишет ему писец на лбу. Ни одна птичка не нагадит там, где не положено.

– Писец – то есть Тир? Но почему на лбу? – заинтересовалась Майя.

Старушка молчала, слегка раскачиваясь из стороны в сторону, словно старалась сохранить равновесие. Было не понятно, продолжит ли она разговор – слишком отрешёнными выглядели её глаза. Руки тёти Тиры, похоже, некогда изящные и холёные, а сейчас узловатые и морщинистые, застыли в воздухе. Будто кукольник, управляющий её маленькой фигуркой, заснул во время представления и невидимые нити, на которых держались руки старой куклы, натянулись, заставив её кисти зависнуть в воздухе, и лишь пальцы подрагивали, небрежно стряхивая невидимую соль или пыль в насыщенный жизнью воздух. Внезапно старушка вздрогнула, её ладони разлетелись в стороны, отгоняя нечто эфемерное, что только она почувствовала, затем пальцы обеих рук соединились в замок, сплетаясь настолько, что побелели косточки. Но руки быстро обмякли, она задумчиво открыла сумку, достала красный карандаш и, рассматривая его так, если бы впервые увидела, произнесла, растягивая слова.

– Высоко, в недоступных горах, к которым ни один смертный не может приблизиться, поскольку путь туда лежит по облакам, живёт Тир. Он давно назначен писцом. Ежедневно и каждую ночь он пишет, пишет – добрые и злые деяния людей, чтобы на Страшном суде был материал для обсуждения. Ни один человек не избежит его внимания. Как он всё успевает, знает лишь Арамазда. Но не только этим занимается Тир. Он делает записи повелений, что изданы отцом всех богов для каждого человеческого существа. А запись делается на лбу новорождённого. Старые армяне рассказывали, что некоторые провидцы могли различить издали начертанное на лбу Тиром, но никто не способен прочитать дословно…

Тётя Тира замолчала, дыхание её стало прерывистым, тяжёлым, видимо, рассказ давался ей с трудом.

– Красивый миф, – подала голос Майя. – Даже захотелось бежать домой, взяться за кисти и нарисовать его.

– Ты – художница?

– Можно и так сказать. Рисую с детства.

– Масло, холст?

– Акварельные краски.

– А я всю жизнь проработала в кукольных театрах. Шила костюмы куклам, и куклы тоже, – оживилась старушка.

– Чтобы мастерить куклы надо быть очень светлым человеком, иначе кукла превратится в монстра, – поёжилась Майя. – А почему выбрали такую профессию?

– Наверное, Тир на моём лбу начертал… – рассмеялась старушка, и радужка её глаз из светло-коричневого превратилась в цвет хорошо прожаренных кофейных зёрен. Пожилая женщина внимательно рассматривала собеседницу, и были в её взгляде интерес, грусть, смешанная с усталостью, и ещё что-то, что показалось Майе глубоким огорчением.

– Тебе сколько лет? – поинтересовалась тётя Тира.

– Почти сорок.

– Замужем?

– Была… два раза. Неудачно, – вздохнула Майя, опустив голову, не видя печального лица старушки, которая кивала в сторону кому-то невидимому, или своим мыслям. – Но я жалею об одном, что Бог не дал детей. Пока не сложилась моя жизнь в общепринятом смысле. Но очень хотелось бы. Наверное, Тир на моём лбу не написал слово «семья». Может, акварель, бумага?..

– А ты рисуй, детка, рисуй. Если тебе дан талант, пользуйся им. Недавно читала статью про слепого от рождения мальчика. Но ему с детства дан талант музыканта. И знаешь, в интервью он сказал, что не чувствует себя обделённым. У него мудрая душа! – воодушевилась тётя Тира.

Майя хотела рассказать ей о чувстве невыносимого одиночества, иногда затопляющем всё существо, и о чьей-то душе, что каждое воскресенье приходит в дом, переставляет вещи и похлеще сквозняка хлопает дверью, но заметила очень неприятную соседку, которая спешила к скамейке. Она катила одной рукой продуктовую сумку на колёсиках, а другой держала небольшой дешёвый веер, интенсивно обмахивая потное, недовольное лицо.

– Ох, это надолго, – выдохнула тётя Тира, проследив за взглядом Майи, и сквозь зубы добавила: – Сейчас будет тяжёлая синтетика…

– Я пойду. Потом поговорим, – кивнула Майя и встала, поправляя складки недавно купленного бирюзового сарафана.

– Тебе он к лицу. В нём ты – стопроцентный коттон! – улыбнулась старушка, но подошла соседка и без предисловий принялась рассказывать о невыносимо потных людях в трамвае, немыслимых ценах на базаре, хамах – продавцах и грузчиках.

Направляясь к магазину, Майя не могла отделаться от ощущения, что кто-то идёт рядом с ней. Кто-то очень близкий, но ставший далёким не по своей вине или желанию. Она механически переставляла ноги, но ей хотелось одного – сесть на берегу моря, и, обняв колени, глядеть на прибой и плакать долго, навзрыд о самой большой потере в своей жизни. Чтобы отвлечься от печальных мыслей, она принялась придумывать сюжет очередного рисунка – задумчиво-отрешённая тётя Тира, с красным карандашом во рту, на его грифеле балансирует молодой эквилибрист, а на голове старушки, в высокой причёске, похожей на средневековую башню, расположился кукольный театр и одна из кукол непременно похожа на неё – на Майю. Чем дольше она представляла рисунок, тем сильнее проявлялся в ней профессионал-художник. Вскоре бурные эмоции улеглись, и она погрузилась в обдумывание деталей, повернув домой, забыв, что вышла за кефиром…

Поздно вечером полная луна высоко поднялась и стала казаться не такой огромной – всего лишь небольшой жёлтый мяч для игры мыслей в небесный футбол. Тётя Тира лежала на кровати в новом белом платье. Она специально сшила его для этого события, понимая, что однажды оно произойдёт. Её мысли не разбегались в стороны, подобно испуганным овцам, и даже остаточный тремор в ногах уже не сигнализировал о волнении. Сердечная боль навсегда утихла. Теперь не надо было принимать таблетки, хватать воздух ртом, испуганно держась за ручку входной двери, как будто кусок декоративного металла мог спасти сердце от разрушения. «В мире ничто не стоит, но всё обновляется вечно», – любила повторять она мысль Овидия. Сейчас метаморфозы происходили с ней. Превратившись в череду памятных всплесков сознания, она успевала каждый из них пережить заново. Тира даже вспомнила день своего рождения, когда страшное землетрясение коснулась Крымского полуострова, и несколько дней горело море (а лисички взяли спички, к морю синему пошли, море синее зажгли…). Беспечальное детство в Крыму,

переезд в Киев, руки матери, мастерящие кукол, отцовский взгляд, когда он уходил на войну, эвакуация, ежедневные попытки выживать, полное погружение в мир кукол после похоронки, переезд в Одессу, замужество, рождение дочери, смерть мужа. Смерть внука. Алёшеньке было двадцать, когда он разбился во время соревнований по мотокроссу. Накануне он сказал, что влюбился окончательно и бесповоротно.

– Последний раз участвую в соревнованиях, – сообщил он бабушке. – Вчера увидел на её лбу начертанное Тиром. Я – её судьба, и если меня не станет, она не будет счастлива ни с кем другим…

Тётя Тира не сразу узнала её сегодня, но когда Майя заговорила о цветах на клумбе, она вспомнила ту бледную, худенькую девочку с огромным букетом жёлтых лилий возле гроба Алёшеньки.

Почти двадцать лет нет внука, но теперь он стоит посреди комнаты и улыбается.

– Тебе понравилась Майя? Правда, она красивая и хорошая? – спросил он, обнимая бабушку. Она кивнула, чувствуя тихую, бесконечную радость.

– Красивая, но… несчастливая. Идём, попросим за неё вместе, Алёшенька…

НАДЯ ДЕЛАЛАНД

СЕНСОРНЫЙ ВОДОЁМ

ДОМ

1.

А.П.

мы могли бы в домике деревянном
в старой русе какой-нибудь где крапива
и малина созданы друг для друга
мы могли бы но никогда не сможем
я смотрела бы просто что ты я знала
бы что ты что рядом что всё в порядке
что на грядке и время бы растворялось
в небывалой заводи от полива
в тополином смехе в лучах и каплях
и улитках нежных слезоточивых
я тебя и так бы но так сильнее
как умеют волны в часы прилива
чтобы тёплый ты чтобы молчаливый
в них входил и плыл и ловил губами
мелких волн соски световые руки
доплывал и навзничь ко дну спускался
и в ушах звенело бы так смертельно
а потом бы мы возвращались в домик
ты сидел бы глядя на робкий гравий
сквозь меня
почти меня ощущая
угощая воздух меня малиной

2.

я была бы воздухом и водой
ты меня дышал бы и пил и свет
излучал во сне потому что дом
где тепло и не наступает смерть
ты был дом и свет я глоток и вдох
мы б лежали молча прижавшись к
между нами вырос бы добрый бог
сочиняющий через нас стихи
и иначе быть просто не могло
ты мой дом и свет ты мой свет и дом
из окошка видно я за углом
снег не ем
стою
говорю «идём»

СИСТОЛИЧЕСКИЕ НАПЕВЫ

1.

Закрытие глаз и пространство наполнится сном,
безмолвными звуками, то, что не слышишь, а знаешь
и рот открываешь, всплываешь почти невесом
к поверхности этой мелодии и прорастаешь.
Напев систолический в тонкую ветку войдёт
плетущихся синих созвучий на кисти прозрачной,
морское прихлынет, тебя у меня украдёт,
случайно и с умыслом кражу письмом обозначив.
Я руку разжала, держать – это самое зло,
плыви же, ударно и струнно, карабкайся выше,
воркуйся в решетку, покинь сизокрыло сизо
груди (как ты здесь очутился? не слышишь… не слышу…).
Но главное звук, постепенная смесь волновых
ударов о гравий мельчащего почерка ночью.
Сейчас всё пройдет, всё проходит, что ходит на вы,
нельзя сокращать, невозможно, куда уж короче.
Сжимается сердце, плюя тепловатую кровь
сквозь выбитый зуб, отступая, роняя заточку,
шепча «пошутило», какая такая морковь?
Охотник-охотник… ну что ж ты от зайца – по кочкам?..

2.

оранжевый раствор оконного тепла
рассохшиеся дни скрипучие и в крошках
окошко распахнув на подоконник плачь
снимай с себя лицо пускай сороконожкой
по раме торопись спеши его сбежать
растаскивай цветок на миллионы нитей
хотя бы напиши – те что вам очень жаль
что я его сняла хотя бы напиши – те

3.

Шум в ушах (шум в ушах), ватный обморок и западня
зазеркалья, хранящего запись на гибких волокнах,
там, где смертная слева бормочет о вечном фигня,
отдаваясь ямбическим метром во всем околотке,
где пульсирует воздух, пытаясь попутно срастись
с просодическим гулом сердечности – там одиноко,
где улитки ползут, оставляя блестящую слизь
перевода на все языки, там бессмысленны строки.
Ничего не попишешь, попробуешь, но ничего
не попишешь – тягаться бессмысленно и беспощадно,
я сдаюсь, отдаю на хранение свой речевой
аппарат глуховой той песочнице с детской площадки.
Закопай его, девочка, пасочку с ним испеки,
никакого другого теперь не найдётся в нём проку,
все слова невозможны и сами себе далеки,
улыбайся, енот, отправляйся к пруду за осокой.

4.

Хорошо, я постою в сторонке,
покурю в специально отведённом
месте, никого не покороблю
идиотской ласковой любовью.
Ничего, я справлюсь – помоги мне
только так: скажи, что не заметил
лихорадца старческой ангины –
колотун мой праздничен и светел.
В это не играют – понарошку
можно только жить, а не влюбляться.
Больно, глупо, ничего хорошего,
лучше переждать – поздняк метаться –
приступ совпадения с мелодией,
это здесь, когда наносишь рану,
видишь кровь и понимаешь логику
сна и жизни маленькую странность.

***

На это сонное пятно весны и лета
помятой марлей разделение надето,
и хоть лицом тянись из недр в туман тряпичный,
хоть обходи его по лестнице с кирпичной
неровной кладкой – не попасть в такие пятна
и не вернуться, если вздумаешь, обратно.
Есть пятачок, на нём и стой, упорствуй, требуй
из-под повязки исцеления, и ребус
меркуй – не глюк же, не сбоит же Твой компьютер,
или нарочно Ты следы свои запутал…

Но если взглядом потянуться – дальше, дальше,
то пропадаешь и тотчас же – попадаешь.

***

Снегозаписывающее устройство вышло на улицу с бабушкой Таней,
прыгает, лает на белых пушистых, спящих по воздуху в диком блаженстве,
ходит такое по брани сезонов в курточке, радостное, с капюшоном,
вот и живёт по дороге от дома к дому, в котором свернулись дороги.
Голос! Нагиев деревьяв гав серы, кожа вся в цыпочках новой прохлады,
утро заходит дыханием справа, глазом вращая, незрячим гав оком.
Бабушка Таня с холщовою сумкой, с розовой кромкой ночнушки, торчащей
из-под пальто, наблюдает за снегом и за собакой, и снова за снегом.
В сумке размоченный хлеб и немного старой крупы, десять метров до люка,
голуби, головы свесив и клювы, смотрят на снег и опять на собаку.

***

Память во сне подобна сенсорному водоёму –
тронешь губами, веткой, ногой водомерки –
вспыхнет кругами, все искры рассыплет и остается
новой, нетронутой, даже не меркнет,
а зарастает и в глубине хранится.

ДАРЬЯНА ЛЕМТЮЖНИКОВА

СЛУЧАЙНЫЕ ЛИЦА ДАЛЁКИХ ВСЕЛЕННЫХ

ПОГРЕМУШКА

За горящей грозой выгорает гряда.
Гром гудроновый горечи громче.
Гарнизон горизонта грозит городам.
На галере грассирует кормчий.

Горяча как горчица щека гордеца –
Разогрета игрой в разговоре.
Громогласно грубея у рёбер гребца
Громоздится гремучее горе.

ИНТЕРМЕЦЦО

В вакууме гореть,
как минимум, тяжело –
Души заболевают
без доступа кислорода.
Пламя, что в январе
уютно в тебе жило,
Сделалось веществом
совершенно иного рода
К лету, что выявляет
капризную суть тепла:
Вспышками разряжается
солнечное пространство.
Милая, я вчера
догадался, что ты – стрела,
И улетаешь в сон
беспробудного постоянства.

Я превращаюсь сам
в неисповедимый путь,
Тот, что хранит твой образ
на краешке перспективы.
Лающих мыслей бег
на пороге не развернуть.
Прячет улыбку ночь
в маскарадном тумане гривы.
Время остановилось
и мелко дрожит в узде,
Небо из звёздных душ
варит пламенные подковы.

Милая, помолчи:
ты разбудишь вчерашний день.
Тише. Реальность спит,
мы присниться ей не готовы.

НЕПОГОДА

В протекающей матроске
день тяжёл и неуклюж.
Узелки на перекрёстках
принимают форму луж.

Нарастает сумрак ранний
за плечами. Дико мне:
Ты теряешь очертани
я любви. Иди ко мне.

АННА КАРЕНИНА

Медлительным поездом быть. И по фазам
Развратно покачивать фразами, плотно
Набитыми мыслями возраста разно-
го, часто меняя пейзажей полотна.

Быть рельсами, чувствовать тяжесть состава
На теле своём, параллельно звенящем,
Металлом тереться, скучать по усталым
Колёсам, вперёд убегающим чаще,

Чем грохот сцеплений. Быть крышей вагона,
Отчаянно-грустно смотреть в бесконечность,
Как падают спелые звёзды в ладони,
Как ночь отрезает от личности вечность.

ЛЬЮИСОВСКИЙ ДЖАЗ

Ты
Скрываешь говорящие цветы
На монохромных клетках суеты
Настырной…
Звон
Зеркальных стен ворвался в сон.
Я перевёл часы безумью в унисон…

В твои глаза и вниз по кроличьей норе,
И страх, теряя равновесие, разбился:
Шалтай-Болтай…
Оставь сомнения неназванной горе,
Моя смешная и несносная Алиса,
Не улетай…

Чай
Пролился между нами невзначай,
Но замирать часы не приучай
Случайно…
Гриб
Ломай под гусеничный скрип
Кальяна: сумрак к шляпке с двух сторон прилип…

В твои глаза и вниз по кроличьей норе,
И страх, теряя равновесие, разбился:
Шалтай-Болтай…
Я перекрашу все угрозы во дворе.
Моя смешная и несносная Алиса,
Не улетай…

Кот
Улыбкой занял звёздный небосвод,
Заботам в шею дышит бармаглот:
Щекотно…
Сны,
Болтая, с каменной стены
Упали на ресницы мартовской весны…

В твои глаза и вниз по кроличьей норе,
И страх, теряя равновесие, разбился:
Шалтай-Болтай…
Уже пробило пять часов в календаре.
Моя смешная и несносная Алиса,
Не улетай…

ДЕГУСТАЦИЯ

Я полон судьбой, как гранёный стакан
В дрожащих руках человека седого:
Он спелым дыханием воздуха пьян,
Крадётся на цыпочках, выронить слово

Боится, как будто замёрзнет оно
В неопытных ласках вечернего мая.
Я чувствую, как преломляется дно
Минувшего времени, и понимаю,

Что зрелость судьбы проникает в стекло,
Что нежно сжимает её до предела
Седой человек, и его ремесло
Похоже на тайный язык винодела.

ЯВЛЕНИЕ «ОНА»

она как приправа слегка обостряет
моё ощущение жизни вплетаясь
предчувствием вкуса предчувствием запаха
в порцию завтра на белой тарелке

она как шампанское пеной танцует
на теле стеклянных изогнутых улиц
иллюзию жизни находит в бокале
иллюзию чувства иллюзию солнца

она как безумие неосторожна
и я замечаю как небо беззвучно
и как у неё на лице проступают
случайные лица далёких вселенных

ЮЛИЯ КОТЛЕР

БОЖИЙ ГЕН

***

Почему мужчины всегда играют в убийство?
Патриция Хайсмит

Проходя сквозь волны вивисекций,
Воскресаем в новом смертном теле.
Даже если Бог стреляет в сердце,
Зачастую рана не смертельна.

Это лишь проверка в стиле Ницше,
Или эпизод из девиаций.
На краю любой вселенской ниши
Пляшут плетерукие паяцы –

Бьющие наотмашь – между делом.
Ведь и смерть для Бога – между прочим.
А в графе гуманности идеи
С мига сотворенья жирный прочерк.

Тает ночи сладкая личина…
Мы подходим к призрачному краю.
Но не забываем: Бог – мужчина,
Стало быть, в убийство он играет.

ЧЁРНОЕ МОЛОКО

Нежнее и безысходней,
Чем умершая любовь,
Мерещится на восходе
Слияньем камейных лбов,
Сплетением тонкокостным
Запястий и облаков
Танцующая не гостья,
Струящаяся не кровь.

Страшнее, чем крах перила
У лестницы из воды, –
Две бабочки чёрнокрылых,
Поймавшиеся на дым,
Садящиеся на чашку –
Парижскую испокон.
Рискованное причастье –
Вечернее молоко.

***

Если б у Бога не было нас,
Он бы, пожалуй, и не был Бог.
Марина Матвеева

Одиночество – Божий ген
В нас, вне нас и всегда над нами,
В ядовитой слепой пурге
Проступающий письменами

Крови, памяти, мыслей, шор.
Со спокойствием фармацевта
Отпускает Он боль и шок
Без сомнения и рецепта

Всем и каждому по чуть-чуть,
А кому-то – совсем слихвою.
Даже если не по плечу
Ноша – с поднятой головою

Заставляет идти вперёд,
Делать вид, что живёшь и веришь,
Наплевав на душевный гнёт,
Незаслуженные потери…

Это просто извечный быт,
Проходящий сквозь нас и мимо.
Бог последним словцом добил
Хитромудрый кроссвордик мира –

Из шести драгоценных букв
По вселенским горизонталям.
Есть Любовь. Остальное – бунт,
Послесловия и детали –

Незначительные, как жизнь,
За которой по расписанью
Только смерть. Априори лжи
Воскрешение не спасает.

Анестетик наш – суета,
Отвлекающая от боли.
А Ему одиноко так,
Что хоть волком… Да что там – полем

Обожжённым стонать и выть
От бессилия и гордыни.
Понимает и Бог, увы:
Всё тщета и осадок дымный.

Есть забвенье и вечность. Но…
Ужас в том, что в тюрьме вселенной
Есть единственное окно,
Приоткрытое в размышленья

Человеческие. От них
Даже Богу бывает страшно.
Люди просто его дневник
Недописанный и вчерашний –

До того, что хоть вены рви.
Только Богу суицидальность
Недоступна. Опять увы:
Каждый в свой же капкан. Банально…

И прозрение есть итог:
Каждой клеточкой в нас стеная,
Одиночество – это Бог
В нас, вне нас и всегда над нами.

***

Искать – важнее, чем остыть.
Важнее – шаткие весы.
Полупрозрачные мосты
Шершавят крылышком осы.

Купая ступни в небесах,
Не снизошедших до росы,
Качнётся время на весах
Осенним крылышком осы.

Искать – важнее, чем спасти
Ноябрьского мотылька.
Из рос небесных возвести
Подвески остроступных скал.

Искать – острейшая игла,
Мост уронивши на весы,
Я невесомо обрела
Слепые крылышки осы.

***

Напрасный Матисс в послезавтрашнем небе…
Холодными рыбками плещутся тени.
На кончиках пальцев всё так же нелепо
Живут послесловия и предвкушенья.

Забытая грусть в сентябре скороспелом,
Нежданная радость – всё станет привычкой.
Последнее небо становится телом,
И август выносит себя за кавычки.

Неловких деревьев движенья… Я вижу:
Плюмаж их зелёный становится ржавым.
Я чувствую глубже, я падаю выше –
Прощальные праздники пасмурной жатвы.

***

В море, которое мы выбираем, –
Краеугольные головы раковин.
Что ни предчувствие – крах или кратер.
Только и знай – выплывай.

Море, которое мы презираем,
Нас поглощает в лохмотьях и фраках.
Всех без разбора – без званий и рангов.
Что ни ухаб – голова.

В море, которое мы собираем
По миллиметрам, по зёрнам, по граммам
Всех успокоит нас – поздно иль рано,
Ласково поцеловав.

ГАЛЕРЕЯ

Молчание пустынь,
Разноголосица весеннего бульвара,
Сад, шепчущий стихи,
И эпилептик океан,
Разбрызгивающий лазурь и пену.
Небытие в гостиной голубой,
Смирение и страх,
Дрожь обладания
И топь порабощенья.
От порванных ребёнком бус
До ловли жемчуга
В больших глазах ребёнка.
Небытие…
И Фрида с обезьянкой за плечом –
В крови и золоте
Великая калека.
Изъян есть святость,
Святость есть изъян.
Вот сорванец,
Из ситцевых волос
Вычёсывающий метеориты.
Цветы и боль,
Молчание пустынь.

КАРНАВАЛ

Золотые язвы на теле ночи.
Приглядеться – факельное шествие.
Глаза отвести – просто звёзды,
Обнажающие и ослепляющие,
Вбивающие гвозди
В гроб здравомыслия.
Пунцовое сумасшествие
Рожи корчит,
Шатается праздно.
На площади праздничной
Животные пьяные и безумные,
Скрывающие за масками торчащие клыки,
Гасящие вином драконье дыхание.
В необузданном балагане
Душащие призрак тоски
Молозивом опиумным.
Ленты, бубны, калеки,
Скрипки с вырванными рёбрами,
Обезглавленный фонарь…
Смерть в колпаке с ромбами –
Чёрный пономарь
В изголовии похоронной телеги.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЕНКО

В РИТМАХ БЕЛОГО БАЛЕТА

***

Как всегда, не права,
Нас настигла зима
Неожиданно вдруг.
В изумленье
Мы влачим якоря
По хребту января.
Но, как будто, и впрямь,
Зеленее
Золотится трава.
И снежинок икра
Так редка,
Что намного ловчее
Эта рыбья игра
В догонялки:
Айда! –
Обмануться
Времён истонченьем…
Помнишь –
Бисер песка
После южного сна
В колыбели
Зыбучего лета?
Газировку волны,
Заклинанья костра
Под гитары
Влюблённых поэтов?
Только тронь –
И рассыплется
Музыка та.
Так прозрачны её акварели!
Что подстрочник
(грубей и костистей листа) –
Паутинкой дрожит
Еле-еле.

***

Мы ещё схлопочем на десерт
Пышный и ванильный хэппи-энд!
Будет снег,
как дробный круглый смех,
Сыпать бисером
жемчужно и икристо.

Я ещё станцую
В стиле диско
С мотом Карло,
с понтом,
в Сан-Франциско
В выхухолие-
Евом манто
белоошее-
Евой
Евро-
Бабой!
Ёлкопалковой, чудаковатой!
На коньках антиква-
Квариатах
Бородатым Сантою в пальто
Ты еще вернёшься!..
……
Звёздопадно,
Заполночная,
Чу!-
Чуть искрит лампада.
Так по-русски,
Так анти-
Лампландно

Освещая путь.
Ничейный путь.

***

Хамелеон залива –
Шпагоглотатель огней –
Смолянеет лениво
Млечнейшим из путей.
Недообедав небом,
Пропадом,
Как в метро, –
Звёздного хвостоеда
Ящерное нутро
Где-то утробно дышит,
Огненночешуясь…
И, чем бездонней,
Тем выше
Светопаденья час.
И, чем страшней,
тем краше
древности оселки:
Крылья отвесных башен
Выветрено легки.

***

Провал окна
кадит в домашний космос
Прозрачным звоном…
Даром, что не чтут
В излучинах просвета –
Венценосность
Золотодождливых
Всеминут…

А день
Беспечно грешен,
Как Даная!
Но позвоночно
Вывихнута ось.
И городская кардиокривая
Окраинно
Несётся под откос.

***

Хочется вспомнить
Детское счастье,
Воздушных шариков
Невесомее.
То, настоящее,
Насквозь прозрачное,
На травах настоянное.

Я буду долго смежать свои веки.
Я не откликнусь на зов неприветный

Этого века.

Не шелохнусь,
В тишину прорастая.

Где-то кукушка
Агукает гулко.
Или же голубь…
Их целая стая.

Радужным ухом,
Всем перламутром,
Словно сквозная ракушка пустая –

Слушаю утро.

Чувствую море.

Шорохи, запахи…
Фибрами, порами,
жадными жабрами
Чую:
За окнами –

Море!

Родное моё,
Необъятное,
Неналюбимое,
Ненаглядное…

Но,
высвобождая из раковины
Жаркой постели
Сонное тело –
Я возвращаю космической скорости
Утра несмелого –
Дыхание детства.

ДУША

Не колодезное пенье
Сгорбленного журавля.
Есть иное озаренье:
Озеро внутри тебя.

Все живёшь, как на вулкане,
Неподдельное губя
Прахом тлеющего хлама.
Но –
Озеро внутри тебя.

В сталеварном исступленье
Жизни адовей огня –
Влагоокою купелью –
Озеро внутри тебя.

***

Кто там, в ритмах белого балета –
Полуптица, получеловек –
Классикой избитых пируэтов
Загребает обморочный снег?

Закольцованный неадекватцей
Эксцентрично вывихнутых крыл,
Кто там голос льёт – куда ж вы, братцы?
А родимой стаи след простыл.

***

Отмочить улыбку
На лице Пьеро –
Та ещё попытка
Ради ничего
Выжить.
Был бы голод!
Заискришь и сам,
Позвоночный провод
Вздыбив к небесам
Перпендикуляром
Между сим и – сим.
Даром, что задаром
Глинозём да стынь
Атмосферной браги.
Тромбом между скоб
Двусторонней тяги
Выстолбишься, чтоб
Светом тем и этим
Просмолиться вгриль
На распорках метрик,
В межполярье сил.

«МЕГАФОН»

ВЕРА ЗУБАРЕВА

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ФИЛАДЕЛЬФИИ В ТАГАНРОГ: ИНТЕРВЬЮ С ЧЕХОВЫМ[1]

Ну какой ещё Таганрог? Таганрог – в книгах, в биографии Чехова. А у меня – подготовка к лекциям, статьи, монография незаконченная, студенты каждые пять минут атакуют вопросами. Чехов их привлекает больше, чем какой-либо другой писатель. Представляю, как будут изумлены, узнав, что я на его родину отправляюсь. Путешествие из Филадельфии в Таганрог… Только этого мне сейчас не хватало!

– Девушка, я туда на конференцию лечу! – Это я уже объясняюсь по телефону с российским посольством в Нью-Йорке. – Какое приглашение? Кто мне оттуда пришлёт приглашение, да ещё и заверенное в Москве? Конференция через неделю!

Боже мой, что я делаю! Самолёты ненавижу, а тут ещё с пересадкой до Ростова-на-Дону. А потом как? На перекладных? Глупости! За мной приедут, встретят, отвезут по назначению. Голос у устроительницы конференции такой тёплый, такой *свой*, будто в соседней комнате, а не в скайпе. И показалось, что Таганрог – прямо через дорогу…

В Таганрог, в Таганрог!

– Марина, ты?

Это я уже прилетела, издёрганная всеми оформлениями и опозоренная всеми просвечиваниями.

– Вера, здравствуй!

И голос тёплый, и чай прекрасный, и булочки пахнут домом. Это я уже в её квартире. Завтра, завтра, всё начнётся завтра. А пока диван подо мной плавно вздымается, как самолёт в небесах. Небесная болезнь… Поворачиваюсь на бок и закрываю глаза.

– *Дайте же, наконец, свободу Вашей бедной пленнице, пустите её погулять по провинции.*

Ну, привет, Чехов!

Скрипнул стул. Это он, должно быть, усаживается. Хорошо бы взять у него интервью. Интервью на родине писателя… А что? Он вроде бы не против. Ну и отлично! Только вот о чём же спрашивать?

Говорю первое, что приходит на ум (при этом почему-то на «ты»):

– Я сплю, а ты мне снишься. А что снится тебе, Чехов?

– *Каждую ночь мне снятся миллионы, которые я так легкомысленно прозевал,* – отвечает он с усмешкой.

Это намёк на то, что я из Америки? Хм-м… Поворачиваюсь на другой бок.

Азовское море плещется за стеной. «Наверное, кто-то принимает душ», – вставляет свои пять копеек сознание, но тут же отключается.

Море по-прежнему плещется.

Перехожу на «вы», осознав, наконец, что передо мной классик (у меня процесс перехода с «вы» на «ты» стихиен и непредсказуем. У него, кажется, тоже):

– А Вы помните, Антон Павлович, как отправились в Гонг-Конг после Сахалина? Помните ту бухту?

– Бухта чудная, движение на море такое, какого я никогда не видел даже на картинках; прекрасные дороги, конки, железная дорога на гору, музеи, ботанические сады; куда ни взглянешь, всюду видишь самую нежную заботливость англичан о своих служащих, есть даже клуб для матросов. Ездил я на дженерихче, т.е. на людях, покупал у китайцев всякую дребедень и возмущался, слушая, как мои спутники россияне бранят англичан за эксплоатацию инородцев.

– Почему же Вы возмущались?

– Я думал: да, англичанин эксплоатирует китайцев, сипаев, индусов, но зато даёт им дороги, водопроводы, музеи, христианство, вы тоже эксплоатируете, но что вы даёте?

– Неужто всё так плохо выглядело в Приморской области, откуда Вы отчалили в Гонг-Конг?

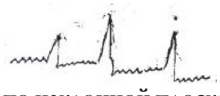
– О Приморской области и вообще о нашем восточном побережье с его флотами, задачами и ти-

хоокеанскими мечтаниями скажу только одно: вопиющая бедность! Бедность, невежество и ничтожество, могущие довести до отчаяния. Один честный человек на 99 воров, оскверняющих русское имя…

– И что же мешает русскому человеку? Каков Ваш диагноз, доктор Чехов?

– Разочарованность, апатия, нервная рыхлость и утомляемость являются непременным следствием чрезмерной возбудимости, а такая возбудимость присуща нашей молодёжи в крайней степени. Возьмите литературу. Возьмите настоящее… Социализм – один из видов возбуждения. А чего стоят все русские увлечения? Война утомила, оперетка тоже… Утомляемость (это подтвердит и д-р Бертенсон) выражается не в одном только нытье или ощущении скуки. Жизнь утомлённого человека нельзя изобразить так:

Она очень не ровна. Все утомлённые люди не теряют способности возбуждаться в сильнейшей степени, но очень не надолго, причём после каждого возбуждения наступает ещё большая апатия. Это графически можно изобразить так:



Падение вниз, как видите, идёт не по наклонной плоскости, а несколько иначе. Объясняется Саша в любви. Иванов в восторге кричит: «Новая жизнь!», а на другое утро верит в эту жизнь столько же, сколько в домового (монолог III акта); жена оскорбляет его, он выходит из себя, возбуждается и бросает ей жестокое оскорбление. Его обзывают подлецом. Если это не убивает его рыхлый мозг, то он возбуждается и произносит себе приговор.

– Да, мрачноватая картина получается – что в жизни, что в пьесе.

– Не рассердитесь за это. Когда я писал пьесу, то имел в виду только то, что нужно, то есть одни только типичные русские черты. Так, чрезмерная возбудимость, чувство вины, утомляемость – чисто русские. Немцы никогда не возбуждаются, и потому Германия не знает ни разочарованных, ни лишних, ни утомлённых… Возбудимость французов держится постоянно на одной и той же высоте, не делая крутых повышений и понижений, и потому француз до самой дряхлой старости нормально возбужден. Другими словами, французам не приходится расходовать свои силы на чрезмерное возбуждение; расходуют они свои силы умно, поэтому не знают банкротства.

– Ну а в чём же позитив? Впрямь ли так безнадёжно плох божий свет?

– Хорош божий свет. Одно только не хорошо: мы. Как мало в нас справедливости и смирения, как дурно понимаем мы патриотизм! Мы, говорят в газетах, любим нашу великую родину, но в чем выражается эта любовь? Вместо знаний – нахальство и самомнение паче меры, вместо труда – лень и свинство, справедливости нет, понятие о чести не идёт дальше «чести мундира», мундира, который служит обыденным украшением наших скамей для подсудимых. Работать надо, а всё остальное к чёрту. Главное – надо быть справедливым, а остальное всё приложится.

– Вы хотите сказать, что соблюдение исконных ценностей, таких как смирение и справедливость, помогут нам совершенствоваться? Может, и врагов возлюбить следует?

– Если бы Иисус Христос был радикальнее и сказал: «Люби врага, как самого себя», то он сказал бы не то, что хотел. Ближний – понятие общее, а враг – частность. Беда ведь не в том, что мы ненавидим врагов, которых у нас мало, а в том, что недостаточно любим ближних, которых у нас много, хоть пруд пруди. Христос же, стоявший выше врагов, не замечавший их, натура мужественная, ровная и широко думающая, едва ли придавал значение разнице, какая есть в частностях понятия «ближний».

– Раз уж Вы затронули эту тему, хочу спросить: а как быть с верой в Бога, которую активно выкорчёвывали? Возможно ли обществу вернуться в то состояние духовности, которое было до революционных преобразований? Да и нужно ли современному человеку веровать в Бога?

– Скажу только, что в вопросах, которые Вас занимают, важны не забытые слова, не идеализм, а сознание собственной чистоты, т. е. совершенная свобода души Вашей от всяких забытых и не забытых слов, идеализмов и проч. и проч. непонятных слов. Нужно веровать в Бога, а если веры нет, то не занимать её места шумихой, а искать, искать, искать одиноко, один на один со своею совестью… Общество, которое не верует в Бога, но боится примет и чёрта,<…> не смеет и заикаться о том, что оно знакомо со справедливостью.

– Кстати, о справедливости. Верите ли Вы в распределение богатств?

– Разве льгота, данная Ивану, не служит в ущерб Петру?

– Служит, ещё и как.

– Хуже всего, что беспечность и художественный беспорядок, царящие в отношениях русского человека к чужой собственности, попрошайничество и страсть получать незаслуженно и даром воспитали в обществе дурную привычку не уважать чужой труд.

– И как же это изменить?

– Политико-экономы и полицейское право, ведущие борьбу с уличным нищенством, говорят: «Ради блага человечества не подавайте ни копейки!». Эту фразу следует видоизменить таким образом: «Ради блага человечества не просите милостыни», и вторая форма, кажется, будет ближе к решению вопроса, чем первая. Ведь берут и просят гораздо чаще, чем дают. Редко кто умеет и любит давать. Русский человек, например, ужасно застенчив, когда даёт или предлагает, зато просить и брать он умеет и любит, и это даже вошло у него в привычку и составляет одно из его коренных свойств. Это свойство присуще в одинаковой степени всем слоям общества: и уличным нищим, и их благодетелям. В низших слоях развита и веками воспитана страсть к нищенству, попрошайничеству, приживальству, а в средних и высших – ко всякого рода одолжениям, любезностям, пособиям, заимствованиям, уступкам, скидкам, льготам… Когда общество во всех своих слоях, сверху донизу, научится уважать чужой труд и чужую копейку, нищенство уличное, домашнее и всякое другое исчезнет само собою.

– Легко сказать! Народ ведь столько пережил за это время! Войны, революции, репрессии, неопределённость… Все представления были поставлены с ног на голову. Век наш тяжёлый, нервный…

– Ей-богу, никакого нет нервного века. Как жили люди, так и живут, и ничем теперешние нервы не хуже нервов Авраама, Исаака и Иакова.

– Ну, предположим…

Он добавляет вдруг без всякой видимой связи:

– Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, лицемеривший и Богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, – напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая…

Тут нам приходится прерваться на какое-то время: ждёт музей (совершенно грандиозный, как продолжение сна), где будет проходить конференция.

Слушаю выступления коллег в белом сияющем зале с картинами, сама выступаю, отвечаю на вопросы, и всё думаю, думаю об этой его хрестоматийной фразе о выдавливании раба. И вдруг мне открывается, что, по сути, он говорит о внутреннем Египте, из которого каждый должен найти выход самостоятельно, как это сделали потомки «Авраама, Исаака и Иакова». Чеховские герои обречены на прозябание, поскольку выход из рабства собственных привычек и устоев они ищут в формальной смене пространства обитания. Словно войско без генерала, остановилось на перепутье семейство Прозоровых из «Трёх сестёр». Их покойный отец, генерал Прозоров, при жизни успешно вёл свою домашнюю «армию» сквозь туман и неопределенность будней к цели ясной лишь ему одному. После его смерти «армия» всё ещё пыталась машинально двигаться в направлении, заданном отцом, придерживаясь установленного им режима жизни, но вопрос «для чего?» вскоре повис в воздухе, застопорив движение. В конце концов, сестры сформулировали цель почти в военных терминах: двинуться в Москву. Однако за неимением своего, внутреннего, Моисея, так и остались топтаться на месте, незаметно попав под власть новой хозяйки имения Наташи.

Наверное, это и есть главная причина, по которой Чеховские герои не идут дальше своих желаний. Пенсне на чеховском портрете напротив посверкивает в знак согласия. Понимаю, что приблизилась к заветному подтексту. Антон Павлович смотрит выжидающе. И тут меня осеняет. Так вот почему в мире его героев нет Моисея, а есть убогий дурачок Мойсейка! Это же карикатурный тёзка Моисея, его комическое эхо! Он набожен и заботится о своих товарищах по палате. Однако хотя «из всех обитателей палаты № 6 только ему одному позволяется выходить из флигеля и даже из больничного двора на улицу», он не в состоянии «вывести» кого-либо из Египта лечебницы.

Есть и ещё один Моисей среди чеховских героев – хозяин постоялого двора Мойсей Мойсеич («Степь»). Этот «Моисей в квадрате» словно застрял в пустынной степи со своим семейством, так и не дойдя до земли обетованной.

Нет, не о евреях говорил Чехов, когда писал своих карикатурных Мойсеев, а об общечеловеческом на языке библейских образов. Это я уже в степи. Сижу и смотрю, как ветер колышет сухую траву.

– Кстати об евреях, – прерывает он мои раздумья, вспоминая Томск. – Здесь они пашут, ямщикуют, держат перевозы, торгуют и называются крестьянами, потому что они в самом деле и de jure и de facto крестьяне. Пользуются они всеобщим уважением, и, по словам заседателя, нередко их выбирают в старосты.

– А герои Ваших рассказов и пьес над ними подсмеиваются и даже срывают на них досаду, как в «Иванове», где винят во всём Сарру, называя её ведьмой и пр.

– Когда в нас что-нибудь неладно, то мы ищем причин вне нас и скоро находим: «Это француз гадит, это жиды, это Вильгельм…». Капитал, жупел, масоны, синдикат, иезуиты – это призраки, но зато как они облегчают наше беспокойство! Они, конечно, дурной знак.

– Вы имеете в виду, что если Ваши герои, да и люди вообще, винят в своих неурядицах кого-либо извне…

– … то это значит, что они чувствуют себя неладно, что в них завёлся червь, что они нуждаются в этих призраках, чтобы успокоить свою взбаламученную совесть.

– Не всякий читатель это поймёт, да и критик тоже.

– Понятно, что в пьесе я не употреблял таких терминов, как русский, возбудимость, утомляемость и проч., в полной надежде, что читатель и зритель будут внимательны и что для них не понадобится вывеска: «Це не гарбуз, а слива».

– Многие критики выражали недовольство тем, что Вы со страниц своих произведений не предлагали решений по животрепещущим вопросам, заставляя читателя гадать, недоумевать…

– В разговорах с пишущей братией я всегда настаиваю на том, что не дело художника решать узкоспециальные вопросы. Дурно, если художник берётся за то, чего не понимает. Для специальных вопросов существуют у нас специалисты; их дело судить об общине, о судьбах капитала, о вреде пьянства, о сапогах, о женских болезнях… Художник же должен судить только о том, что он понимает; его круг так же ограничен, как и у всякого другого специалиста, – это я повторяю и на этом всегда настаиваю.

– Ну а в чём же тогда будет проявляться авторская позиция, если не в решении вопросов, волнующих читателей?

– Требуя от художника сознательного отношения к работе, Вы правы, но Вы смешиваете два понятия: *решение вопроса* и *правильная постановка вопроса*. Только второе обязательно для художника. В «Анне Карениной» и в «Онегине» не решён ни один вопрос, но они Вас вполне удовлетворяют, потому только, что все вопросы поставлены в них правильно. Суд обязан ставить правильно вопросы, а решают пусть присяжные, каждый на свой вкус.

– То есть рассуждения Ваших героев о жизни, искусстве и литературе, человеческих отношениях, как, например, в «Скучной истории», не имеют ничего общего с Вашими личными убеждениями. Верится с трудом…

– Если Вам подают кофе, то не старайтесь искать в нём пива. Если я преподношу Вам профессорские мысли, то верьте мне и не ищите в них чеховских мыслей. Мнения, которые высказываются действующими лицами, нельзя делать status'ом произведения, ибо не в мнениях вся суть, а в их природе. Я вовсе не имел претензии ошеломить Вас своими удивительными взглядами на театр, литературу и проч.; мне только хотелось воспользоваться своими знаниями и изобразить тот заколдованный круг, попав в который добрый и умный человек, при всём своём желании принимать от Бога жизнь такою, какая она есть, и мыслить о всех по-христиански, волей-неволей ропщет, брюзжит, как раб, и бранит людей даже в те минуты, когда принуждает себя отзываться о них хорошо.

– Немного насчёт Вашей гражданской позиции. Кто Вы по своим убеждениям?

– Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции и кто хочет видеть меня непременно либералом или консерватором. Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником и – только, и жалею, что Бог не дал мне силы, чтобы быть им. Я ненавижу ложь и насилие во всех их видах… Фарисейство, тупоумие и произвол царят не в одних только купеческих домах и кутузках; я вижу их в науке, в литературе, среди молодежи… Потому я одинаково не питаю особого пристрастия ни к жандармам, ни к мясникам, ни к ученым, ни к писателям, ни к молодёжи. Фирму и ярлык я считаю предрассудком. Моё святая святых – это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чём бы последние две ни выражались. Вот программа, которой я держался бы, если бы был большим художником.

– Помимо перечисленного есть ещё и художественность, обязательная для большого художника. Что Вы понимаете под грацией в искусстве и жизни?

– Когда на какое-нибудь определённое действие человек затрачивает наименьшее количество движений, то это грация.

– Иными словами, отсутствие литературной грации в произведении это, когда…

– В затратах чувствуется излишество.

– Ясно. И это, по-видимому, относится к любому виду искусства. А как, по Вашему мнению, виды искусства связаны между собой?

– Мы знаем, что в природе есть а, б, в, г, до, ре, ми, фа, соль, есть кривая, прямая, круг, квадрат, зелёный цвет, красный, синий..., знаем, что всё это в известном сочетании даёт мелодию, или стихи, или картину, подобно тому как простые химические тела в известном сочетании дают дерево, или камень, или море, но нам только известно, что сочетание есть, но порядок этого сочетания скрыт от нас. Кто

владеет научным методом, тот чует душой, что у музыкальной пьесы и у дерева есть нечто общее, что та и другое создаются по одинаково правильным, простым законам. Отсюда вопрос: какие же это законы? Отсюда искушение – написать физиологию творчества, а у более молодых и робких – ссылаться на науку и на законы природы.

– Ну и что же в этом плохого?

– Физиология творчества, вероятно, существует в природе, но мечты о ней следует оборвать в самом начале. Если критики станут на научную почву, то добра от этого не будет: потеряют десяток лет, напишут много балласта, запутают ещё больше вопрос – и только.

– Но Вы ведь не против научного мышления?

– Научно мыслить везде хорошо, но беда в том, что научное мышление о творчестве в конце концов волей-неволей будет сведено на погоню за «клеточками», или «центрами», заведующими творческой способностью, а потом какой-нибудь тупой немец откроет эти клеточки где-нибудь в височной доле мозга, другой не согласится с ним, третий немец согласится, а русский пробежит статью о клеточках и закатит реферат. И в русском воздухе года три будет висеть вздорное поветрие, которое даст тупицам заработок и популярность, а в умных людях поселит одно только раздражение.

– А что же Вы предлагаете тем, кто занимается литературоведением? Писать трактаты в стихах вместо монографий?

– Для тех, кого томит научный метод, кому Бог дал редкий талант научно мыслить, по моему мнению, есть единственный выход – философия творчества. Можно собрать в кучу всё лучшее, созданное художниками во все века, и, пользуясь научным методом, уловить то общее, что делает их похожими друг на друга и что обусловливает их ценность. Это общее и будет законом.

– То, что Вы сказали об общих законах для музыкальной пьесы, дерева и больших произведений литературы и искусства, перекликается с общей теорией систем Людвига фон Берталанфи. Он утверждал, что существуют модели, принципы и законы, свойственные разным системам «независимо от их специфических свойств». На этом основании он создал теорию, разработавшую эти универсальные принципы. Но было это уже гораздо позже – в 1968 году… Возвращаясь к теме творчества, не знаю, в курсе ли Вы, но сегодня у нас гораздо больше пишущих, чем читающих. Интернет открыл новые возможности для тех, кто желает быть услышанным. Что бы Вы посоветовали стихотворствующей молодёжи?

– Для молодежи полезнее писать критику, чем стихи.

– Интересная точка зрения. Совет Ваш непременно передам. Ну а каковы Ваши рекомендации относительно семейной жизни, детей, отношения к женщине?

– Щадить хоть поэзию жизни, если с прозой уже покончено. Ни один порядочный муж или любовник не позволит себе говорить с женщиной грубо, анекдота ради иронизировать постельные отношения… Дети святы и чисты. Даже у разбойников и крокодилов они состоят в ангельском чине. Сами мы можем лезть в какую угодно яму, но их должны окутывать в атмосферу, приличную их чину. Нельзя безнаказанно похабничать в их присутствии… Нельзя делать их игрушкою своего настроения: то нежно лобызать, то бешено топать на них ногами. Лучше не любить, чем любить деспотической любовью. Нельзя упоминать имена детей всуе…

– Спасибо. А какое напутствие Вы дали бы мне?

– Памятуй, что совершенный организм творит. Если женщина не творит, то, значит, она дальше отстоит от совершенного организма… Кроме изобилия материала и таланта, нужно ещё кое-что, не менее важное. Нужна возмужалость – это раз; во-вторых, необходимо чувство личной свободы.

– Да, да, конечно. Пока всё ещё в процессе выдавливания раба и в поисках Моисея… И последний вопрос: а есть ли у Вас какое-то личное желание? Чего бы хотелось больше всего?

– Хотелось бы пожить в Таганроге, подышать дымом отечества… Тянет из нутра наружу… Нужно идти. Пожелав Вам всего лучшего, имею честь быть всегдашним Вашим слугою

А. Чехов.

ЕЛЕНА ЛАЗАРЕВА

В СОЗВЕЗДИИ ДУРАКА

ЧЕМ ДЫШУ

Слишком белый потолок,
Не на север окна…
Братец воду истолок
В ступе – мол, издохну.

И живу я – не живу,
Не скулю, не ною,
То ли брежу наяву,
То ли бредят мною…

Стало боязно бухать –
Ёкает сердечко.
Нервы – рыбья требуха.
И ни Богу свечка,

И ни чёрту кочерга –
Так себе, заноза…
Ты ругай меня, ругай.
Ветер сплетни носит,

Но у Бога на виду –
Чай, глядит немножко,
Я иду себе, бреду –
Дурачок с гармошкой.

Что ни слово – невпопад,
Что ни песня – мимо.
Я не кланяюсь попам –
Верю лишь любимой.

Приголубит, пристыдит,
Заврачует раны.
Я один такой бандит –
Всё кругом бараны.

Поднимают шавки шум:
Как, живым – из боя?!
…Потому ещё дышу,
Что дышу – любовью.

ДЕТИ ГРИБОВ

Знаешь, Светка… Любовь-морковь оказалась выдумкой –
Та, былая. А всё, что после – по-настоящему.
Алкоголь из моей крови постепенно выдохся.
Не покажут мою персону по зомбоящику.

И уже ни врагов, ни братьев – одни товарищи.
Я тамбовской волчицей вою на голой паперти.
В этой чёртовой каше ты добровольно варишься.
Я – устала. Легла дорожка парадной скатертью.

Эти дети грибов… Они из другой песочницы.
Их стихи – как еда из вражеского «МакДональдса».
Понимаю, что иногда и фаст-фуда хочется,
Но пропахли они политикой – сверху донизу.

Рок-н-ролл – как упрёк для грибьего их сознания.
Между строчек у них – сплошной майонез да кетчупы.
Наше место… Не дрейфи, нами же нагло занято,
И пускай графоман застрелится – в шляпке клетчатой.

Наше место – оно с такими же сумасбродами,
Кто живёт по уму и сердцу. Кто верен истине.
Ну, а дети грибов – торгуют на рынке Родиной,
Называя себя борцами – поверишь, искренне.

Та грибница давно опутала землю-матушку
Метастазами чёрной гнили, душевной низости…
Я не пьяная. Мне отравы грибной достаточно.
И развязка – она, поди, постепенно близится.

Я тебе расскажу, как будет. Однажды вечером
Мы восстанем с тобой из пепла, как птицы-фениксы,
И не будет грибов. И блеянья их овечьего.
А поэзия… Что ж, она никуда не денется.

Ты меня предала. Но в координатах вечности
Мы – солдаты одной, богами забытой армии.
Знай, грибная болезнь – из тех, что под корень лечатся.
Только ты берегись – не слушай грибные арии.

К ТЕБЕ

Я созреваю небесным яблоком,
Проецируюсь тёмным облаком
На атлас твоего плеча.
Я отпускаю свои кораблики,
Не меняясь душой, но обликом
Всё древнее. Моя печаль

В том, что, гуляя по кромке пропасти
Мы никак не окрепнем крыльями,
Чтоб на вдохе – и сразу ввысь.
Я прижимаюсь к тебе без робости,
Потаённое всё открыла я,
А наружу – сама прорвись.

Ты постоянна и переменчива,
За незыблемость я не ратую,
За плечом – терпеливый бес.
Мы расставаниями помечены,
И утратами, и возвратами –
Непременно к самим себе.

Я выгораю до самой сущности,
Не бинтую ожоги платьями,
А доспехами – в самый раз.
Ты – до исхода моя попутчица,
Не награда и не проклятие,
И неважно, какая мразь

Нам в беззащитные спины целится,
Я укрою тебя, любимая –
Сочной мякоти не видать.
Ты – расстояний моих владелица,
Иногда проезжаю мимо я
Нужной станции – не беда.

Спи. А планета – она вращается,
Нам неведома горечь зависти,
Наше общее – крепкий ствол.
Ночь. И покуда мы возвращаемся,
Воплощается Божий замысел –
Нелогичности торжество.

СТИХИ О КОНЦЕ ВЕКА

К поэту приходит муза, к соседу приходит белка,
К нардепу приходит призрак разграбленной им страны.
На ветхих воротах рая корявая надпись: «Welcome!»,
Но рай завещали смерти, и все перед ней равны.

Кому-то – медвежий угол, кому-то – весь мир на откуп,
Кому-то ещё немного – и самый последний круг.
А мы выбираем правду, а мы выбираем водку,
А мы выбираем нежность и небо в глазах подруг.

С годами мы только крепче, хотя тяжелеет поступь
И выпито полцистерны за тех, кто ушёл вперёд.
Кому-то – большие сиськи, кому-то – большого босса,
А нам – ничего не надо, и мы переходим вброд.

И нам по колено море, и нам покорятся горы –
За то, что свободны руки, и совестно им грести.
Мы точно не опоздаем на самый последний скорый,
Да только вот нет билетов, но Боженька нас простит.

Кого-то пугает плаха, кого-то пугает воля,
Но ты ничего не бойся, покуда моя рука
Твою согревает руку, и прячутся те, кто возле,
А мы зажигаем звёзды в созвездии Дурака.

Кому-то – кино и немцы, кому-то – постель и кофе,
Кому-то – огарки счастья, кому-то – обрывки пут…
Но каждый из нас по жизни стремится к своей Голгофе,
И правила неизменны: идущий осилит путь.

Кого-то купили оптом, кого-то столкнули лбами,
А кто-то собрал бутылки и в землю зарыл топор.
Я знаю тебя на ощупь, я знаю тебя на память,
Ты знаешь меня навылет, и можешь узнать в упор.

Потомки рабов искусно себе выплетают узы
Из жалких клочков бумаги, и строят сады камней.
К поэту приходит белка. К соседу приходит муза.
К нардепу приходит совесть. А ты – приходи ко мне…

ОЛИНОЧЕСТВО

Одиночество – это петля из прозрачного шёлка,
Это меч самурая – заточенный, но не для битвы.
Одиночество – это когда убивает молитва,
Вместо неба с насмешкой глядит ядовитая щёлка.

И приспущены флаги, и больше не стыдно сдаваться,
И стихи не приносят уже облегчения сердцу,
Мне должно бы, наверное, просто чего-то хотеться.
Но не хочется даже покоя – тем паче, оваций…

Одиночество – форма любви к воспалённому миру.
Соблюдая дистанцию, мы подбираемся ближе…
А любители сладкого что-то настойчиво лижут –
Может быть, оголённое мясо дешёвых кумиров?

Одиночество – это залог выживания сильных.
Одиночество – это уютное гнёздышко слабых.
Я – волчица… А хочешь, мои закалённые лапы
По сугробам дорогу протопчут – кровавым и синим?

Я умею любить. Одинокие это умеют –
Уходя навсегда, дорожить уцелевшим хорошим,
Выпекать запоздалое счастье из маленьких крошек,
От печали в просоленном горле устало немея…

Одиночество – тонкий покров, беззащитная кожа,
Испещрённая шрамами, но сохранившая нежность,
Одиночество – это твоя и моя неизбежность.
А запуганный мир так униженно, рабски скукожен…

Не гасите плевками огонь – я уже догораю,
И останется только седой остывающий пепел,
Он теплее иных очагов – бутафорских, нелепых.
Одиночество – это судьба, а судьбу – выбирают…

СУДЬБА ПОЭТА

Когда слова не для красы,
Когда печаль не для забавы,
Твоя судьба – дурная слава,
Твоя слеза – сестра росы.

Когда душа твоя горит,
И Дантов ад манит прохладой,
Иди на сцену – без бравады,
Но никому не говори

О том, куда ведут мечты,
О том, чем сердце успокоят…
Среди поэтов мы – изгои,
Среди изгоев мы – шуты.

Когда войска одной страны
Бесславно гложут кости мира,
Поэт не может быть кумиром,
Певцом единственной струны.

Когда любимое плечо –
Твоя последняя опора,
Рождают истину не споры –
Не нанимайся палачом.

Изобличая, не кори
Раба – за страх, за праздность – Бога.
Насквозь прогнившая эпоха
Сама себя приговорит.

Не будь ни чёртом, ни святым,
Не верь толпе, лихой на подкуп.
Не поливай кровавым потом
Бессмертной мудрости цветы.

Обиду в сердце не тая,
С котомкой песен за спиною
Шагай по жизни. Остальное –
Уже забота не твоя.

КАТЕРИНА ИВЧУК

МНОГО СЕРЕБРЯНОЙ ПЫЛИ

***

Дэну Ересову

Мир безобразен и беден и строг
У того, чей перевернулся, плывя бурной речкою плот…
У того перевернулся плот,
Кто совладать с течением чёрной и быстрой реки не смог,
Рыбам на корм, с Речкой – на Ты – выходя…
Чтобы не вглубь, не ввысь…
Метко – в себя…

Плот – был, …уплыл
Теперь – же крепко держись
Выноси – вода…

Ты ли не сыт был вчера?
Чёрствым был хлеб?
Мало халвы?

Судьба…

Ты думал плод – твой?
АЗЫ ЕСМЬ ТЬМА?
Зри – али теперь мало
Тебе воды?

Пища была,
Будет ли день
Завтрашний?

Шли письма
В ночь…
АЗЫ ЕСТЬ ДЕНЬ?
АЗЫ ЕСТЬ СВЕТ?

Сравнивай дни –
Не найдёшь
Такой в точности…

Друг мой,
Волос ни седых, ни упавших
Не нужно считать…

Будет ли Цезарь,
Будет ли Кесарь,
Будет ли циник
Циничным точь-в-точь,

Где-то в ИМПЕРИИ
Третьего Рима
родится у тебя дочь.

***

Андрею Тарковскому

Лунатиком
бреду
в ночи
в рубахе
белой.
Иду на
зов,
иду на
лунный
блик.
Среди
кричащих,
шумных
воробьёв,
Я рос
на дереве
упругою,
зелёною
Омелой.
Прими
как
исцеление.
Прими по
капле,
мой белый,
липкий
яд…
Вкус горечи
плодов
моих.

ЛОШАДЬ

Дэну Ересову

Летела лошадь над лесами,
Летела лошадь над полями,

Над реками она летела…
Летела туда, куда давно прилететь хотела…

Вышел месяц – её в свою жемчужную упряжь пытался взять…
Не сумел…её быструю, не сумел её белую – догнать.
Звёзды след её – замели, насыпали много серебряной пыли…
Проскакала за день всего только четыре мили.
Всего только четыре мили…
Ускакала она за гору высокую спать в каменную кровать…
– Баю – баю-баю – бай! Баю – баю-баю-бай! Баю – баю-баю-бай!

Лошадь спит – ухом ведёт и ей снится Большая Чёрная Кобылица, вскармливающая небо…
– Баю-баю-баю – бай! Баю – баю-баю-бай! Баю – баю-баю-бай!

Солнце вышло. В гриву её лучи красные заплетать стало.
Она проснулась, разбежалась – заклубилось, вспенилось жёлтое одеяло…

Летела лошадь над лесами,
Летела лошадь над полями,
И над морями летела… тоже.
А люди тыкали в небо пальцами и говорили –
«Смотри, как на лошадь – это облако в небе – похоже!…».

КРУШЕНИЕ

Валентине Голощаповой

Рифмоплёт,
пренебрегший
ритмом,
размером
и
рифмой.

На ветру
он парит,
словно парус,
не стянутый
рифом.

Словно парус,
не стянутый
рифом
парит
на ветру.

Его сносит
волной
напрямик
к тёмным
сумрачным
рифам.

Вот корабль –
расколотый
в щепки
орех.

Вот на суше –
измучен
лежит
человек.

Рифмоплёт,
пренебрегший
ритмом,
размером
и
рифмой.

В голове его – ветер,
в волосах его – ветер.
Он парит…
Словно парус,
не стянутый
рифом.

85-Й

Весна…
Мы с бабушкой
с утра
стоим
в очередях
и учим
буквы.

– Катя, это –
«ГАСТРОНОМ».
Читаю –
«ГА-СТРО-НОМ».

Это –
«МАГАЗИН».
Читаю –
«МА-ГА-ЗИН».

Читаю –
«МО-ЛО-КО»,
«ХЛЕБ».

Вдруг старик
Кричит –
«Женщина,
куда вы
лезете?!».

– «Мне батон
купить
и только.
Дома болен
сын».

– «Женщина,
мы все
больны,
займите
очередь!».

Так день
За днём.

Батоны,
буквы,
гастроном.

Вечером
мне бабушка
рассказывает
про Ленина.

О том, как
он был
в ссылке,
как любил
детей…

А на ночь
учим
«Отче Наш»
на память…

Две тысячи
одиннадцатый год.
За окнами – капель.
Весна.
Бабули нет уже
пятнадцать лет.

Пишу,
тетрадь мараю.
Строка к строке –
сыр, молоко,
батон…
Все это
повторять
я не устану…

И в церкви
«Отче Наш».

И Ленин
в мавзолее
вечно жив.

И мама
дома
моет
раму.

***

У природы всё
Так как нужно…
Всё ко времени и
Всё впопад.
И тополиный снегопад
И душистые грозди сирени,
Те, что были не сорваны –
Завяли и потускнели –
С новым маем
Завяжутся и на
Крыльях пчелы в
Небеса полетят.
Вот густой на поляне пырей,
И за ним почти не виден
Желторотый одуванчик –
Одиночка-мальчик.
Но вот уже он сорван –
Ветер подхватил и уносит
Вдаль его седое семя.
У природы всё впопад.
У природы всё ко
Времени.

АЛЕКСАНДР ТАРАСУЛЬ
ЕВГЕНИЙ ХАИТ
ВИКТОР ЯВНИК

УРАГАН ПО ИМЕНИ ОДЕССА

1-я картина

На закрытом занавесе после второго звонка звучит объявление на английском языке без перевода. После третьего звонка это же объявление звучит уже на русском языке, но с очень сильным американским акцентом. Видимо, говорит американец, который не знает русского языка и читает по бумажке транскрипцию кем-то написанного русского текста:

…внимание! внимание! ураган «Сэнди» движется с небывалой скоростью 50 миль в час. через 30 минут он достигнет Нью-Йорка. волна высотой 5 метров накроет побережье Бруклина, Лонг-Айленда, нижнего Манхеттена и Нью-Джерси. ожидается сильное наводнение. мы обращаемся к русскоязычному населению Брайтон Бич. убедительная просьба немедленно эвакуироваться. повторяем! немедленно эвакуироваться!!! напоминаем! метро не работает. тоннели и мосты перекрыты. мобильная связь отключена. стационарная связь крайне ненадежна. все дома переведены на резервное энергоснабжение. работающими остаются только радиоприемники фм диапазона. ближайший эвакопункт находится на 7-м Брайтоне. просьба брать с собой только документы и тёплые вещи.

Объявление повторяется два-три раза, по мере заполнения зала зрителями. Когда зал заполнен и начинает гаснуть свет, объявление звучит уже с некоторым паническим надрывом.

Голос из радиоприемника: повторяем! специально для еврейских граждан русской национальности!!! немедленно эвакуируйтесь! чтоб вас чёрт побрал! вы же все утонете вместе со своими бебехами! через 30 секунд к вам обратится лично мэр Нью-Йорка Майкл Блумберг!

Занавес поднимается. Мы слышим ураганный вой ветра и шум ливня. На сцене выстроена малогабаритная Нью-Йоркская студия, хаотично загроможденная старой мебелью. На заднике – большое окно, выходящее на бушующий океан. В центре комнаты на тумбочке стоит телефон, а рядом с ним старый радиоприёмник со светящейся шкалой. Из радиоприёмника раздаётся взволнованный голос Блумберга на ломанном русском языке.

Голос из радиоприемника: господа – бывшие товарищи! я Майкл Блумберг лично обращаюсь к мистеру гольденбергу с 5-го брайтона, миссис коган с 3-го брайтона, к мистеру и миссис шапиро со 2-го брайтона… немедленно спасайтесь!!! вас уже заливает!!!

На этих словах на сцену выезжает Мария Соломоновна Шапиро в инвалидной коляске и кричит куда-то за сцену.

МАНЯ: Миша! Ты где? Тут тебя мэр Нью-Йорка разыскивает!!!
МИША: Я слышу. Иду! *(голос из-за кулис)*

Миша выходит на сцену с громадной сумкой и чучелом экзотического животного. Нагружает всё это на руки жене и начинает толкать её коляску к выходу из квартиры.

МАНЯ: Миша, что ты мне это суёшь?
МИША: Маня, это любимая скульптура моей покойной мамочки – «суслик на охоте». Я без неё шага не сделаю.

МАНЯ: Куда ты меня толкаешь?
МИША: В эвакуацию!
МАНЯ: Я не поеду.
МИША: Что значит – не поеду? Мэр сказал, что ехать надо!

Маня нажимает на тормоз коляски и Миша резко останавливается.

МИША: Немедленно сними коляску с тормоза или через пять минут мы будем жить, как на яхте Абрамовича!
МАНЯ: То есть…
МИША: Ну практически посреди океана! А ещё через десять минут наша квартира превратится в каюту Титаника!
МАНЯ: Во-первых, у нас четвёртый этаж, а во-вторых, ты не похож на Ди Каприо.
МИША: Так! Во-первых, по поводу Ди Каприо – это спорно. А во-вторых – сними коляску с тормоза!
МАНЯ: Я никуда не поеду!!!
МИША: Но почему?
МАНЯ: Потому что сейчас весь интернет говорит о нашем урагане. А значит, наш сын обязательно нам позвонит! И если мы не возьмём трубку, он будет волноваться!!!
МИША: А если мы утонем, он не будет волноваться?
МАНЯ: Мы можем утонуть! Но наш сын не должен волноваться!
МИША: Маня, и в чём здесь логика?
МАНЯ: А в том, что даже если мы утонем, мы должны быть дома и взять трубку!

Раздаётся телефонный звонок. Все телефонные переговоры мы слышим на полную громкость, так как в телефоне установлена громкая связь, как это часто бывает у пожилых людей.

МАНЯ: О! Я же говорила. Это звонит наш мальчик!

Миша хватает трубку.

ГОЛОС В ТЕЛЕФОНЕ *(как бы продолжая прерванный разговор)*: …простите, нас разъединили, связь очень плохая. …так я продолжаю – ваши фьючерсы на опцион по акциям боинга на 93 миллиона долларов упали на 38 процентов. кроме того, маржа по вашему инкому составила 33 миллиона по курсу иены на время открытие азиатской биржи. … что вы мне по этому поводу можете сказать?
МИША *(прижимая трубку к животу, смотрит на жену)*: Маня! Что ты им по этому поводу можешь сказать?
МАНЯ: Пусть идут в задницу!
МИША *(снова в трубку)*: Вам тут передают, чтоб вы шли в жопу вместе со своей маржой!

Миша вешает трубку. А этот момент оживает радиоприёмник. Мы слышим бодрый мужской голос с сильным американским акцентом.

Голос из радиоприемника: внимание! эвакуация полностью прекращена!!!
МАНЯ: О!
Голос из радиоприемника: …с этого момента госдепартамент снимает с себя ответственность за жизнь и здоровье неэвакуировавшихся еврейских граждан русской национальности в количестве двух человек!
МИША: Ну всё! Нам всем «……», Маня!

После этого представитель госдепартамента, видимо, передаёт микрофон обычному диктору американского русского радио «Брайтон-Бич ФМ». Звучит знакомый до боли голос Игоря Кириллова.

Голос Кириллова: С вами «Брайтон-Бич фм» и я, ваш старый ди-джей, Игорь Кириллов. Для вас, оставшихся на переднем крае борьбы с ураганом – поёт Иосиф Кобзон. Исполняется «Я люблю тебя, жизнь». Слова Ваншенкина, музыка Колмановского.
МИША: оцем поцем!

Звучит песня. Гремит гром, молнии. Миша и Маня, обнявшись, смотрят на наступающий океан, с подчёркнутым драматизмом.

МИША: Какие всё-таки молодцы эти американцы!
МАНЯ: Ты что, с ума сошёл? При чём здесь американцы!
МИША: Ну как же… им всё-таки можно доверять! Сказали, что через пять минут вода будет здесь и вот, пожалуйста. Вода уже здесь, поднялась до второго этажа!

МАНЯ: С чего ты взял?
МИША: Я же не слепой! По улице плывёт рояль Гольденфарбов с первого этажа.
МАНЯ: Да!
МИША: Да, Маня! Рояль-то плывёт, а вот мы уже приплыли! Спасибо тебе и нашему нервному сыночку.
МАНЯ: Что ты имеешь против нашего сына?
МИША: Я ничего не имею – просто мне совершенно не улыбается умереть в водоёме. Причём не в нашей родной «Аркадии» а в этом ихнем задрипанном атлантическом океане!
МАНЯ: А что тебе не нравится? По-моему, это не самый плохой вариант.
МИША: Маня, что ты имеешь в виду?
МАНЯ: Утонуть – это гораздо лучше, чем умереть от инфаркта или, не дай Б-г, от инсульта!
МИША: Ты имеешь в виду «дешевле»?
МАНЯ: И это тоже. Но я смотрю дальше. Если мы – дай Б-г – утонем…
МИША: …типун тебе на язык!
МАНЯ: …не мешай мне рассуждать! Итак, если мы утонем, то это уже несчастный случай. А, как написано у нас в страховке, это обстоятельство непреодолимой силы!
МИША: Ну?!
МАНЯ: Что «ну»?! Значит, и за тебя, и за меня наш сын получит хорошие деньги… ну, за меня больше!
МИША: Что ?!!!
МАНЯ: Ничего, просто тогда наш сынуля сможет наконец-то купить себе машину, о которой он так долго мечтал!
МИША: Маня, посиди минутку, никуда не уходи.

Маня удивлённо смотрит на свои парализованные ноги.

МИША *(обращаясь за кулисы)*: Люди!!! Посмотрите! Моя жена окончательно свихнулась!!
МАНЯ: Ты к кому обращаешься? Все уже давно эвакуировались.
МИША: Правильно! Все давно эвакуировались! А мы остались! Причём из-за тебя и твоего нервного сына! И так всегда. Мы и эмигрировали-то для того, чтобы ему стало лучше. А теперь мы здесь, а он где?
МАНЯ: Где?
МИША *(ищет)*: Как будто ты не знаешь? В Одессе! У него там бизнес!
МАНЯ: Но почему он не звонит?
МИША: Так позвони ему сама!
МАНЯ: Ты же слышал – они отключили международную линию на набор!
МИША: Правильно! Они отключили международную линию на набор! Я счастлив! Теперь мы должны сидеть по второй этаж в воде, и в прямом смысле ждать у моря погоды!!!
МАНЯ: Миша, я так волнуюсь, накапай мне корвалолу.
МИША*(взволнованно)*: А где он?
МАНЯ: На месте.
МИША: А где место?
МАНЯ: В спальне на тумбочке.

Миша уходит за корвалолом в другую комнату. В этот момент снова раздаётся телефонный звонок. Маня подъезжает на коляске к телефону и берёт трубку.

МАНЯ: Алё.
ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Я давно люблю вашего мужа.
МАНЯ: Кто это?
ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Это неважно! Уйдите с нашей дороги!
МАНЯ: Я готова. Но что вы в нём такого нашли?
ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Он очень хороший. нежный, ласковый, красивый. Тонкий. Интеллигентный. Он дарит такие дорогие подарки! А как он хорош в постели!!!
МАНЯ: И как?
ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Вы знаете, что такое тантрический секс? Когда испытываешь оргазм уже только от прикосновения к его стальным бицепсам!

На этих словах заходит Миша.

МИША: О ком это вы говорите ?!!!
МАНЯ *(отставляя трубку от уха)*: О тебе!

Миша резко подбегает, выхватывает у жены трубку и бросает её на рычаг.

МИША: Маня, только не подумай, что это правда!
МАНЯ: Даже если бы она позвонила тридцать лет назад, я бы тоже не подумала, что это правда! Ты принёс корвалол?

Миша убегает за кулисы. Снова раздаётся телефонный звонок.

МАНЯ: Возьми трубку!

Не дождавшись, Маня сама снимает трубку. Она даже ничего не успевает сказать – вдруг из трубки раздаётся механический голос.

ГОЛОС: С вами говорит автодиспетчер телефонного узла связи. Просим извинить за доставленные неудобства при соединении с вашими абонентами. …с вами говорит автодиспетчер узла…

Маня вешает трубку. За окном слышен раскат грома. Блещет разряд молнии. Порывом ветра окно распахивается.

МИША *(появляясь на сцене, с радостным криком)*: Какое счастье!
МАНЯ: Что – вода ушла?
МИША: Нет. Затопило ресторан этой сволочи Дианы! С этими её танцульками в три часа ночи под Стаса Михайлова! Как я их обоих ненавижу!

Неожиданно вновь включается радиоприемник.

ИГОРЬ КИРИЛЛОВ: В эфире «Брайтон-Бич фм»! Для вас, жертвы урагана! Похоронное бюро «…в светлый путь» сообщает о беспрецедентных скидках! Для выживших – 20 процентов на каждый гроб! А для утонувших – 80 процентов на душу утопленника!!!

ЗАТЕМНЕНИЕ

2-я картина

На сцену Миша вывозит коляску со спящей Маней под перезвон Одесских курантов.

ИГОРЬ КИРИЛОВ: Нью-Йоркское время – 3 часа пи эм.

На пустой сцене стоит Миша и набирает в шприц лекарство из небольшой ампулы.

МИША: Господи, что я делаю в этой стране? пи эм ? а эм ? – это темно или светло? 78 градусов по Фаренгейту – это жарко или холодно? В Одессе я имел 160 сантиметров – и я знал, что я не очень высокий. А здесь – я имею 5 футов и 2 дюйма – и я не знаю, может быть, я уже вырос и пора вынимать стельки из моих румынских сандалет? *(поворачивается к залу)* А что такое? Премьер-министр Медведев может носить стельки, а я нет?.. Единственное, что остается неизменным – это давление. 180 на 120!!! Там не могли это вылечить, потому что не было лекарств – а здесь не могут это вылечить, потому что не могут вылечить! Маня! Пора делать укол!

Маня не реагирует, делает вид, что спит.

МИША: Маня, кому я говорю?! Что до стенки? Давай делать укол!
МАНЯ *(как бы просыпаясь)*: Куда?
МИША: Я бы тебе сделал в язык, но доктор говорит, что надо в другое место! Давай поворачивайся!
МАНЯ: А экипировка?
МИША: Точно! Можно же какую-то заразу подцепить!

Миша надевает медицинскую маску, становится за коляску и, немного наклонившись над Маней, со шприцем производит там какие-то манипуляции. Коляска немного откатывается вперёд.

МИША: Маня, ты не помнишь, куда я делал в прошлый раз?
МАНЯ: Тебе там виднее, если не помнишь, отмечай крестиком!

Миша начинает прицеливаться.

МАНЯ *(вскрикивает)*: Ай!!!
МИША: Что «ай»? Я ещё ничего не делал! Моя покойная мамочка говорила, что так, как делает уколы Миша Шапиро, даже сам Склифосовский не делал!
МАНЯ: Ты что, делал Маме уколы?
МИША: Нет, но она слышала, как ты кричишь.

Делает укол.

МАНЯ: Почему ты всегда делаешь так больно?
МИША *(вылезая из-под кресла)*: Ну что ты хочешь? Я же тоже должен получать от процесса хоть какое-то удовольствие!
МАНЯ: Знаешь, кто ты? Ты старый, маленький извращенец!
МИША: Маня, если меня никогда не интересовали другие женщины кроме тебя, то теперь это уже считается извращением?
МАНЯ: Считай, что я тебе поверила!
МИША: Маня, а ты мне когда-нибудь изменяла?
МАНЯ: Да! С Цискаридзе!!! По телевизору!
МИША: Когда ты танцевала в кордебалете нашего оперного театра – не родился ещё не только твой Цискаридзе, но и Цискаридзына-Мама и Цискаридзына-папа! По поводу их бабушки и дедушки не знаю.
МАНЯ: Ты! Ты смеешь напоминать мне о возрасте! Да ты гораздо старше меня! На целых три месяца!
МИША: Да я не спорю. Ты всегда была моложе чем я, красивее чем я – да и балерина ты была – лучше, чем я …певец.
МАНЯ: Да!!!
МИША: Да. Ещё немного, и ты из пятнадцатого лебедя в третьем ряду кордебалета превратилась бы в умирающего лебедя!!!
МАНЯ: Как тебе не стыдно? Мне не давали партию умирающего лебедя из-за моей национальности!
МИША: Ага! А у Майи Мойшевны Плисецкой значит была другая национальность?
МАНЯ: Нет! Просто у меня муж – великий солист хора из предпоследнего ряда! А у Плисецкой муж – великий композитор Салтыков-Щедрин!!!
МИША: Не Салтыков-Щедрин – а Родион Щедрин. Салтыков-Щедрин это певец!
МАНЯ: Это не важно! Посмотри на мои руки. Разве они хуже, чем у Плисецкой?

Маня, сидя в инвалидном кресле, начинает делать руками движения, чем-то напоминающие движения Майи Плисецкой в партии «умирающего лебедя» Сен-Санса.

МИША: Для меня – твои руки – лучше!!! Это ж не Плисецкая 30 лет назад согласилась пойти со мной на свидание. Хотя уже тогда я был маленький, щупленький и старше тебя на целых три месяца!

Не обращая внимания на извинения мужа, Маня продолжает, сидя в инвалидном кресле, без музыкального сопровождения, «танцевать руками» «умирающего лебедя» Сен-Санса. Видя это, Миша вдруг начинает насвистывать мелодию Сен-Санса, и у него довольно неплохо получается. Почувствовав поддержку мужа, руки Маня начинают летать над коляской. И вдруг, как будто желая им помочь, из ожившего радиоприёмника начинает звучать финал знаменитого балетного номера. Маня – «умирает» у себя в инвалидной коляске, уронив руки на парализованные ноги, практически так же, как Плисецкая на сцене Ла Скала. Миша тихо отходит к окну и закуривает. Радио снова продолжает говорить голосом Игоря Кирилова.

ИГОРЬ КИРИЛЛОВ: Вы прослушали «умирающего лебедя» Сен-Санса! А вам, господа эмигранты, крепкого здоровья!

Стоящий у окна Миша, что-то заметив, поворачивается к Мане.

МИША: Маня!!!
МАНЯ *(оживая)*: Что ты орёшь? Я же в образе!!!
МИША: Здесь чемодан Вайнштейнов к окну прибило!!!
МАНЯ: Ну так достань его.
МИША: Зачем?
МАНЯ: Вернём Вайнштейнам. Наводнение наводнением, но это не мешает нам оставаться порядочными людьми!

Миша берёт стоящий у окна допотопный огромный зонтик и его изогнутой ручкой достаёт из-за окна, видимо, прямо из воды, старенький, ещё советский чемоданчик.

МИША: Может быть, здесь что-то ценное?
МАНЯ: Конечно. Эти Вайнштейны на всём экономят. Самое ценное, что здесь может быть – это старый лифчик мадам Вайнштейн!

Миша открывает чемодан и достает огромный сиреневый лифчик.

МАНЯ: Ну, я же говорила.
МИША: …Маня! Тут полный чемодан денег!!!

Маня осторожно подъезжает и так же осторожно заглядывает через плечо Миши в чемодан.

МАНЯ: Что мы с этим будем делать?
МИША: Ну, лифчик мы, конечно, вернём. …а деньги..? Маня, ты же что-то там говорила о порядочности!
МАНЯ: Миша, я говорила, что надо быть порядочным человеком, но я же не говорила, что надо быть идиотом!

Миша достает из чемодана несколько пачек денег. Разрывает банковскую упаковку.

МИША: Маня! Деньги мы тоже вернём! …потому что это советские деньги! Здесь полный чемодан червонцев с Лениным!!!

Миша показывает червонцы Мане.

МАНЯ: Но зачем это надо было Вайнштейну??? Господи! Это ж каким надо быть гением – чтобы заработать в СССР миллион рублей! И в то же время – это ж каким надо быть идиотом, чтобы потом вывезти этот миллион рублей в Америку!!!
МИША *(берёт в руки пачку денег)*: Маня, а ты знаешь, когда я был маленький, моя мама работала кассиршей в Оперном театре. Она брала меня с собой на работу, чтобы я мог посмотреть на деньги. И я каждый день видел целые кучи чужих денег и думал, когда я, даст Б-г, вырасту, и эти деньги станут моими, что с ними можно будет сделать.
МАНЯ: Ну и что теперь?
МИША: А теперь я знаю!

Размахнувшись, Миша кидает пачку червонцев в зал. Красненькие бумажки, подхваченные порывом ветра, разлетаются по партеру. В этот момент раздаётся телефонный звонок.

МАНЯ: Это сын!!!
МИША: Это точно он! Когда у нас появляются деньги – он сразу звонит! *(берёт трубку)* АЛЁ…
СОЛИДНЫЙ ГОЛОС: Алё! Это театр «Миллениум» на Брайтоне?
МИША: Это уже не театр! Это уже цирк!!!
СОЛИДНЫЙ ГОЛОС: Почему вы нам заранее не сообщили, что гастроли в Нью-Йорке переносятся из театра в цирк?
МИША: А почему я вам вообще что-то должен сообщать?
СОЛИДНЫЙ ГОЛОС: Потому что в цирке совершенно другой райдер!
МИША: А что такое *райдер*?
СОЛИДНЫЙ ГОЛОС: Вы какой-то неопытный организатор гастролей! Записывайте. Во-первых не 8 полотенец, а 14, во-вторых – всех цирковых животных, и самое главное – слона, надежно запереть. И, кстати, от животных запах, поэтому в гримёрке нашей звезды должны быть 4 флакона с освежителем. А конкретно – *(начинает перечислять)* один с запахом ванили …вы записываете?
МИША: Да, да. Я запоминаю!
СОЛИДНЫЙ ГОЛОС: Хорошо! И три с запахом хвои.
МИША: Это всё?
СОЛИДНЫЙ ГОЛОС: И ещё, самое важное. У вас всегда должен быть запас памперсов!!!
МИША: Что, у нашей звезды недержание?
СОЛИДНЫЙ ГОЛОС: Не шутите над святым! Максим Галкин берёт с собой на гастроли двух своих близнецов Елизавету Максимовну и Гарри Максимовича. А иногда и бабушку… Аллу Борисовну. Поэтому памперсы должны быть разных размеров!
МИША: Это что, сам Максим Галкин говорит???
СОЛИДНЫЙ ГОЛОС: Это директор Максима Галкина!
МИША: Передайте, пожалуйста, трубку Максиму.
ГОЛОС МАКСИМА ГАЛКИНА: Алё! Что вам надо?

МИША *(в этот момент ему беззвучно подсказывает, что он должен сказать звезде)*: Я хотел вам сказать, что моя Маня считает, что Филипп Киркоров – вам в подмётки не годится!!!
ГОЛОС МАКСИМА: И это всё?
МИША: Нет! Ещё ей очень нравится ваша песня в моём исполнении – *(поют)* – единственная моя!..
ГОЛОС МАКСИМА: Что там у вас творится???
МИША: У нас ураган «Сэнди»! *(продолжает петь)*

Рёв урагана заглушает Мишу.

3-я картина

Выход из затемнения. На сцене сидит Маня в инвалидной коляске и чистит у стола рыбу. Слышен голос из радиоприёмника.

ГОЛОС ИГОРЯ КИРИЛЛОВА: Нью-Йоркское время 6 часов пи эм. Температура воздуха – 78 градусов по Фаренгейту, температура воды за окном – 65 градусов по Фаренгейту…

На сцену выходит Миша в рыбацких сапогах с удочкой в руках.

МИША: О! Тёпленькая пошла!
МАНЯ: Что ты собираешься делать?
МИША: Как «что»? Как все евреи во все века! Использовать народную беду в своих личных целях! Должно же быть в урагане что-то хорошее! Если вода за окном – надо ловить рыбу!!! Пока вода не закипела. 65 градусов! Это надо же! *(забрасывает удочку за окно)*
МАНЯ: Да, видимо, до нашей квартиры добрался Гольфстрим!
МИША *(нанизывает на крючок наживку и приговаривает)*: …так, берём крючок «единичку»… я на него брал бычка в Одессе…
МАНЯ: Он брал бычка! Тореадор с Пересыпи!
МИША: Не надо иронизировать! В рыбалке – я действительно тореадор!
МАНЯ: Он хорошо устроился! В Одессе он ходил ловить рыбу далеко на лиман, здесь ходил уже близко – на бодворк*, а теперь ему уже вообще даже ходить не надо!
МИША: Да, потому что я настоящий рыбак!
МАНЯ: Ты? Ты такой же рыбак – как я балери…, ой, тьфу ты!
МИША: Правильно!
МАНЯ: Что – «правильно»? Я действительно – балерина, а у тебя действительно никогда не клевало! Даже эту норвежскую селёдку, которую мы будем сегодня кушать на ужин, поймал не ты!!! А купила я у китайцев в чёрном районе, сидя в очереди за двумя пуэрториканцами!
МИША: Да, теперь уже даже норвежскую селёдку делают китайцы.
МАНЯ *(мечтательно)*: Эх, если бы я вышла замуж за китайца…
МИША: Тогда б ты была не Маня Шапиро – а Маня Цзэдун!!! *(смотрит за окно)* О, смотри! Феррари плывёт по Кони-Айлэнд авеню!!!
МАНЯ: Вот я и говорю: у кого-то плывёт Феррари, а кто-то даже на Жигули никогда заработать не мог!
МИША: Ну заработал бы я, так сейчас вместо Феррари плыли бы мои Жигули. И в чем разница?
МАНЯ: Разница в том, что Жигули бы сразу утонули – а Феррари плывёт!!! Кстати, наш сын очень хорошо смотрелся бы рядом с Феррари.
МИША: Рядом с Феррари хорошо смотрелся бы даже горбатый Шпигельмахер с четвёртого Брайтона!
МАНЯ *(неожиданно хватается за сердце)*: Ну почему не звонит наш мальчик?
МИША: Потому, что в Одессе сейчас ночь! Ночью люди спят. Днём люди звонят, а ночью спят. Ферштейн?
МАНЯ: Сколько тебя можно просить? Дай мне уже корвалолу. У меня щемит сердце. Наш сын всегда передавал мне из Одессы корвалол. Он же всё время передаёт мне корвалол! Наш мальчик. Он такой хороший сын!!!
МИША: Ну кончился корвалол. Что я могу сделать?
МАНЯ: Мне же плохо! Одолжи у соседей.
МИША: Какие соседи? Все в эвакуации!
МАНЯ: Они оставили нам ключ. Пойди и возьми корвалол. Господи, как щемит сердце… он там у них лежит справа от двери, на тумбочке.
МИША: Хорошо. Я сейчас. *(Выходит)*
МАНЯ *(кричит вслед)*: И быстрее! Мне плохо!

Включается радиоприемник.

ГОЛОС ИГОРЯ КИРИЛЛОВА: – …если вам плохо. Если вам одиноко! Если вы не можете больше терпеть – … танцы!!! т а н ц ы!!! от гопака до нижнего брейка! от 5 до 95 лет! школа танцев! всего за двадцать девять девяносто девять! Вы умрёте прямо на танцполе!!!

Звучит музыкальная отбивка и радио замолкает. Входит Миша с виноватым видом. В руках у него характерный целлофановый пакет с подозрительным белым порошком.

МИША: Маня, корвалолу нет! Есть кокаин!!!
МАНЯ *(как будто не осознав слова мужа)***:** Где корвалол? Мне плохо!
МАНЯ: А причём здесь кокаин?
МИША: Вот это вот лежало возле дверей наших колумбийских соседей.
МАНЯ: Так что, у тебя снова в руках миллион! Но на этот раз – уже долларов!
МИША *(рассуждая)***:** Да нет. Здесь копейки… грамм кокаина стоит 100 долларов, но это же розничная цена – у драгдиллеров. А оптовая в два-три раза меньше. Здесь *(показывает пакет)* где-то тысяч на сто пятьдесят. Тем более, многое зависит от качества товара. Маня, ты не знаешь, как они делают… эту… ну как её… кокаиновую дорожку?
МАНЯ: Конечно, знаю. Открой пакет, только аккуратно. Не рассыпай, это деньги!
МИША: Открыл.
МАНЯ: У тебя есть карточка?
МИША: Конечно. *(Достает из кармана фотографию)* вот. Мы с Мамой на экскурсии в Дубоссарах. Я справа.
МАНЯ: Да нет, кредитная карточка.
МИША: «Сити-банк» подойдёт?
МАНЯ: «Чейз Манхеттен» было бы лучше! Раздели карточкой порошок и сделай две дорожки. Так! У тебя деньги есть?
МИША: На карточке?
МАНЯ: Да нет, наличные!
МИША: Вот, мелочь осталась.
МАНЯ: Бумажные!
МИША *(отворачиваясь)*: ну есть. Хотел тебе на восьмое марта подарок купить.
МАНЯ: Сворачивай!

Миша пытается свернуть из купюры кулёчек.

МАНЯ: Да не для семечек! В трубочку сворачивай!
МИША: Дальше я знаю! Надо дуть!
МАНЯ: Да нет, надо нюхать.
МИША: Маня, откуда ты всё это знаешь?
МАНЯ: Я же смотрю первый российский канал. Там это каждый день показывают!

Миша вкладывает купюру в нос и пытается понюхать порошок.

МАНЯ: Стой! Сперва надо попробовать.
МИША: А как?
МАНЯ: Плюнь на палец.

Миша пытается плюнуть на её палец.

МАНЯ: Да нет, на свой! Теперь пробуй!
МИША: Маня! Может, ты попробуешь?
МАНЯ: Ты принёс, ты и пробуй!

Миша начинает тереть мизинцем зубы и отплёвываться. У него изо рта идут мыльные пузыри.

МИША: Маня! Это стиральный порошок!
МАНЯ: А что ты хотел чтоб там было, если наши колумбийцы всей семьёй из 23 человек работают в прачечной, в подвале!

Раздаётся телефонный звонок.

МАНЯ *(прерывает себя на полуслове)***:** Это наш мальчик. Выплюнь эту гадость и возьми трубку!
МИША *(берёт трубку, всё ещё отплевываясь)***:** Алё!

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ГОЛОС *(практически без акцента)*: С вами говорят из государственного департамента Соединенных Штатов Америки!
МИША: Вы по поводу кокаина?
МАНЯ *(кричит, так чтоб её услышали в трубке)*: Не слушайте его – это не кокаин! Это стиральный порошок!
ГОЛОС: С вами будет говорить президент Соединенных Штатов Америки Барак Обама!!!

Из динамика на полную громкость звучит гимн США. Миша прикладывает руку к виску, «отдавая честь». Затем то же самое делает с рукой Мани.

ОБАМА *(говорит по-английски, но кто-то синхронно переводит его на русский язык)*: Хеллоу! У меня к вам один вопрос! У вас вода уже есть?
МИША *(вскакивая)*: Спасибо, мистер президент! Есть! И горячая, и холодная!!! Не то что в Одессе, когда мы после двенадцати пи эм не могли даже помыться!
ОБАМА: В каком районе вы проживаете?
МИША *(докладывает, снова приложив руку к голове)*: Канатная угол Успенской… ой, нет это в Одессе. …а здесь вы же будете ехать из Манхеттена, тогда берёте трейн «q» или «в». Кдете до Кони-Айленд. Там выходите и мимо «берты» и «нового одесского привоза» до второго Брайтона. А там зелёный дом. Спросите Маню и Мишу, вам даже любой чёрный покажет. Кстати, мистер президент! Все сбежали, а мы с Марией Соломоновной остались выполнять свой супружеский долг. …ой, тьфу! гражданский долг!
ОБАМА: Сенкью!!!
МИША: Мистер президент, у меня к вам тоже один вопрос?
ОБАМА: Плиз!
МИША: Не надо переводить, я понял. Мистер президент, скажите, почему чёрный афроамериканец может стать президентом США, а белый советский еврей – нет?

Раздаются короткие гудки.

МИША: О, бросил трубку! Я загнал его в тупик.
МАНЯ: А что ты хотел, чтоб он тебе ответил?
МИША: Ну, что-нибудь приличное, типа, «фак'ю»!
МАНЯ: Ты жлоб! И никак не можешь привыкнуть, что мы живём в самой демократической стране в мире! Мог ли ты, Миша, представить себе, что в Советском Союзе тебе позвонит Брежнев!
МИША *(пародирует)*: Ага! Здравствуйте Мойша… «уезжайте в свой» израилевич… с вами говорит дорогой Леонид Ильич…
МАНЯ: А я всё равно считаю, что мы правильно уехали!
МИША: Что правильно? Там нас уважали, а здесь унижают!
МАНЯ: Конечно… я помню: как только в Нью-Йорке меня спустили с самолёта на специальном лифте для инвалидов – так сразу унизили! А потом втоптали наше человеческое достоинство в грязь, дав пособие и бесплатную медицину!
МИША: Ага! А ещё талоны на еду! Как будто мы с первого взгляда похожи на нищих!!!
МАНЯ: А в Союзе нас все принимали за серьёзных обеспеченных людей! Ты помнишь, как этот толсторожий таможенник, майор с прекрасной европейской фамилией Квазиморда… как он три часа разбирал мою инвалидную коляску по винтику, в поисках бриллиантов! Я никогда – ни до, ни после – не испытывала за нас такой гордости!!!
МИША: Какой гордости ?
МАНЯ: Ну как же? Представить себе, что у нас могут быть бриллианты – мог только майор Иван Петрович Квазиморда, да и то – не от глупости, а от жадности!
МИША: При чём здесь это? Просто когда вокруг тебя 250 миллионов нищих, то ты даже в трёхчасовой очереди за сыром чувствуешь себя полноценным человеком!
МАНЯ: Миша, ты клевещешь на эту страну только потому, что тебя не взяли в хор местной синагоги.
МИША: Зачем ты по больному? Ты же прекрасно знаешь, что это не из-за голоса, а из-за того, что у меня не было справки об обрезании! А посмотреть живьём местный раввин отказался!
МАНЯ: Ага! Через микроскоп!
МИША: Зачем ты так?
МАНЯ: Ты что, не понимаешь, что произошла трагедия! Исход!!! Исход миллионов людей с насиженных мест. С родины! Исход, как во времена Моисея!
МИША: Ну да – исход за сырокопчёной колбасой!
МАНЯ: Прекрати! Я уехала не поэтому!!!
МИША: А почему?
МАНЯ: А ты почему уехал?
МИША: А я уехал, потому, что ты хотела уехать!

МАНЯ: А я уехала потому, что ты хотел!
МИША: Я уехал потому, что знал, что ты без меня не сможешь!
МАНЯ *(снова хватаясь за сердце)*: Это ты! Ты без меня не сможешь!
МИША *(видя состояния жены, сразу утрачивает веселость)*: Хорошо. Это я без тебя не могу!!!
МАНЯ *(тоже примирительно)*: И тебе здесь нравится!
МИША: Мне здесь шикарно! Особенно сейчас!

В этот момент за кулисами неожиданно раздаётся плач ребенка. Маня резко оборачивается, как гончая, почуявшая зайца.

МАНЯ: Ты тоже слышишь, или мне кажется?
МИША: Там ребёнок плачет.
МАНЯ: Пойди, посмотри. Только осторожно!

Миша уходит за кулисы.

МИША *(кричит из-за кулис)*: Здесь внизу люлька плавает.
МАНЯ: Там ребёнок???

Миша выходит из-за кулис с люлькой в руках. С люльки капает вода. Из неё раздается плач ребенка.

МАНЯ *(нежно и настойчиво протягивает руки к люльке)*: Дай сюда!

Миша безропотно передаёт люльку Мане. Она роется в пелёнках и вдруг вскрикивает.

МАНЯ: Ой! Он же чёрный!!!
МИША *(смотрит в люльку)*: Ну да. Как в кино – у белой женщины чёрный ребенок! *(склоняется над люлькой и поёт)* Спят медведи и слоны… Дяди спят и тё-о-ти…

Ребёнок перестает плакать. Вдруг Маня хватается за сердце и откидывается на спинку коляски. Люлька остается лежать у неё на коленях.

МИША *(резко обрывая колыбельную, отчего ребенок снова начинает плакать)*: Маня, тебе плохо? Маня, очнись !!! …тебе плохо? очнись!.. Маня …Маня, не умирай!

Миша подбегает к телефону. Дрожащими руками, всё время ошибаясь в цифрах, набирает номер.

МИША: Алё! Это 9-1-1? Алё 9-1-1!
ЖЕСКИЙ ГОЛОС *(очень эротичный и сексуальный)*: Вас приветствует «русский секс по телефону в Америке»! С кем бы вы хотели иметь секс во время урагана!
МИША: Чёртов телефон! Я звоню в скорую!
ЖЕНСКИЙ ГОЛОС *(игриво)*: А-а-а! Понятно! Я медсестра в коротком халатике… Я уже без трусиков…
МИША (таким голосом, что девица сразу понимает, что это уже не шутки): Слушай, ты!.. проститутка *(акцентирует это слово)*! У меня жена умирает. Соедини меня с 9-1-1!
ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (из бляди, как по мановению волшебной палочки, превращаясь в сердечную русскую женщину): Не кричите! Я попробую!
МИША: Как?!!!
ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Я позвоню с другого телефона и соединю трубки!
МИША: Молодец девочка! Давай!!! Только быстрее!

Слышен тоновый набор номера. Затем стук прикладываемых друг к другу трубок.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Говорите! Я соединила! Это 9-1-1!

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: это 9-1-1!!! Напоминаем! По федеральному закону наш разговор записывается.
МИША *(кричит)*: У меня жена умирает!!! Пришлите машину!!!
ОФИЦИАЛЬНЫЙ ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Адрес.
МИША: 2-й Брайтон, зелёный дом на углу Брайтон-Бич авеню, 4-й этаж, 18-я квартира!!!
ОФИЦИАЛЬНЫЙ ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Мы не можем прислать машину – у вас там вода!
МИША *(отчаянно)*: Так пришлите лодку!!!

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Какую лодку? У вас там океан!!!
МИША *(с яростью последнего шанса)*: Пришлите подводную лодку!!! Мне всё равно! Она же умирает!!!
ОФИЦИАЛЬНЫЙ ЖЕНСКИЙ ГОЛОС *(равнодушно)*: Мы ничего не можем для вас сделать!
МИША *(хватаясь за соломинку)*: Значит так! Здесь у меня чёрный новорожденный подкидыш! Мы с женой его спасли! Если вы сию минуту не приедете, вас посадят за расовую дискриминацию!!!
ОФИЦИАЛЬНЫЙ ЖЕНСКИЙ ГОЛОС *(испуганно)*: Хорошо! Мы приплывём!
МИША *(кричит сквозь слезы)*: Маня, подожди… Не умирай! Они приедут!!!

(Плачет ребёнок)

МИША (берёт жену за руку и нащупывает пульс): 130… это очень много!!

(Ребёнок плачет сильнее)

…прекрати плакать! Если не можешь помочь, то хотя бы не мешай! – *(рёв усиливается)* – слушай, пацан, помолчи, мы же с тобой одной крови! Евреи это те же чёрные …только белые! – *(ребёнок ревёт)* – ну, хорошо, извини! Не чёрные, а афроамериканцы! – *(плач прекращается)* – (снова щупает пульс) – 115!!! Уменьшился!! Спасибо, Господи!!! – *(ребёнок начинает плакать)* – и тебе спасибо!!! – *(ребёнок успокаивается)* – но тебе, Господи, больше!! Что же делать? Может, помолиться? Но я не знаю ни одной молитвы. Прости, Господи, меня папа не научил. А его – его папа не научил. Может, если бы дедушка хоть одну молитву знал, с фронта бы живой вернулся. Помоги, Господи!!!

(Считает пульс)

МИША: Сто… он нас услышал!
ГОЛОС: Внимание! Внимание!

Миша поднимает голову вверх.

МИША: …и ответил!!!
ГОЛОС: Откройте окно! Откройте окно!!! С вами говорит служба 9-1-1!!!

Снизу окно и часть квартиры освещаются сильным прожектором.

ГОЛОС: Объявляем порядок эвакуации! Сначала эвакуируется ребёнок! Потом женщина! Потом все остальные!!!
МИША *(кричит вниз)*: Сначала эвакуируется моя жена!
ГОЛОС: Кто это говорит?
МИША: Это «все остальные» говорит!!! Сначала эвакуируется моя жена!!!

В этот момент из инвалидной коляски, где всё ещё с закрытыми глазами сидит Маня, раздаётся загробный голос.

МАНЯ *(не открывая глаз)*: Миша, я никуда не поплыву! Меня укачивает!
МИША *(резко поворачивает голову от окна к коляске)*: Маня это ты? Как ты себя чувствуешь? Ты жива?
МАНЯ *(открыв глаза)*: Не с твоим счастьем! Я же сказала – я никуда не поплыву!
МИША: Маня! Ты столько была без сознания! Давай поедем в больницу!
МАНЯ *(уже нормальным голосом)*: Миша, ты что, хочешь, чтобы меня стошнило прямо на службу спасения?! Чтобы потом всё ФБР говорило о том, что Маня Шапиро не умеет себя вести и плохо выглядит?!
МИША: Маня, не дури!!!
ГОЛОС *(в сильном нетерпении)*: Немедленно передайте ребенка!!!
МИША *(в окно)*: А я сказал, что сначала пойдёт женщина!!!
МАНЯ: Я лучше умру, чем сяду в лодку!
ГОЛОС: Отдайте ребёнка! Или пойдете под суд!

Миша пытается взять у Мани с колен люльку с почему-то затихшим младенцем.

МИША: Маня, давай отдадим уже им этого байстрюка! А то ж не успокоятся!
МАНЯ *(с обожанием смотрит на младенца)*: Миша, посмотри, какой красавчик! Может быть, мы его усыновим?
МИША: Ты с ума сошла!
МАНЯ: Ты прав, наш родной мальчик может обидеться!
МИША *(кричит вниз)*: Забирайте вашего Манделу!

Миша берёт люльку и, перегнувшись через подоконник, передаёт её кому-то внизу.

ГОЛОС: Теперь давайте женщину!
МИША: Женщина решила остаться со «всеми остальными».
ГОЛОС: Значит, вы отказываетесь от эвакуации?
МАНЯ И МИША *(кричат хором)*: Да!!!
ГОЛОС: Предупреждаю, наш разговор записывался! С этого момента ответственность за вашу жизнь вы берете на себя!
МИША: Можно подумать, что раньше ответственность за нашу жизнь была на Брежневе, Путине, Януковиче или Обаме!

Прожектор за окном гаснет. Вой полицейской сирены удаляется и вскоре затихает. В этот момент раздаётся телефонный звонок.

МИША: О! Интересно, кто звонит после Обамы?
МАНЯ *(снова впадая в беспокойство)*: Возьми трубку, это точно он!
МИША: Алё! Это Меркель? Анджелочка?
ГОЛОС: Поц! Это твой сосед напротив – Лёня ! Дозвонился до тебя только с 30-го раза! Слушай, Миша, ты видел, что творится на улице???
МИША: Слушай, Леня, я всегда знал, что ты придурок! Но чтобы до такой степени! Ураган тут уже 10 часов, а ты только заметил?
ЛЕНЯ: Так я вообще не тут! Я уже неделю у своих родственников под Бельцами!
МИША: Так чего ты звонишь? У вас же сейчас три часа ночи!
ЛЕНЯ: Как чего?! Чтоб ещё раз порадоваться, что вы там – а я тут!
МИША: Ну, теперь ты счастлив?
ЛЕНЯ: Да! Теперь смогу заснуть спокойно.

Миша кладёт трубку.

МИША: Какой всё-таки этот Лёня мудак! Тьфу! Тьфу! Тьфу! Чтоб его не сглазить!
МАНЯ: Миша, ты видишь, этот придурок Лёня дозвонился, а наш мальчик всё не звонит и не звонит!

Порыв ветра захлопывает окно. Свет медленно гаснет.

** Деревянный настил для прогулок, вытянутый вдоль пляжа в Брайтоне на несколько километров.*

4-я картина

Из затемнения мы выходим под звук радио.

ГОЛОС ИГОРЯ КИРИЛОВА: Нью-Йоркское время – 10 часов пи эм. Молодежь уже собралась на дискотеку, а вы, дорогие пенсионеры, готовитесь ко сну. Всё у вас будет хорошо! Приятных вам сновидений! Как говорится, спите спокойно, дорогие товарищи!

На этих словах Миша выдвигает стол вперёд.

МИША: Маня, что ты его слушаешь? Какой «спите спокойно»? Мы сегодня ещё не кушали. Я голодный. Ты будешь кушать?
МАНЯ: Я не буду!
МИША: А я буду!
МАНЯ: Хорошо, только немножко.

Миша начинает накрывать на стол.

МИША: Форшмак и икра из синих. Будешь, Маня?
МАНЯ: Там чеснок. На ночь не буду.
МИША:Аа я буду!

Появляется с фаршированной рыбой.

МИША: Фаршированная рыба гефилте фиш. Будешь?

МАНЯ: Я не буду. Я приняла лекарство.
МИША: А я буду!

Появляется с графинчиком водки и минеральной водой.

МИША: Ну, это *(показывает на графин)* Ты точно не будешь. Я тебе водички принёс. Боржом чикагского разлива. Фима с Лёвой льют прямо из озера Мичиган.

Относит поднос. И появляется со статуэткой Венеры Милосской. Статуэтка вся в тине, с неё капает вода.

МАНЯ *(отрываясь от таблеток)***:** Миша, кто это?
МИША: Маня! Я только что спас мировое искусство!!! Это Венера Милосская из Парижа!
МАНЯ: Миша! Где Брайтон, а где Париж?!! Это уже какой-то всемирный потоп получается!
МИША: Подожди! Тут у неё на ноге какая-то бирка с ценой!
МАНЯ: Какая цена, Миша?! Это же не проститутка.
МИША: Откуда я знаю, кто она по специальности? Точно, цена есть! Девять долларов девяносто девять центов!!! Sale 70%.
МАНЯ: А-а-а! Тогда она точно из Парижа! Миша, зачем ты её притащил?! Она уже третий год стоит в витрине бутика «Париж». С этой их рекламой «весь Париж за десять долларов».
МИША: Слушай, я всё время думаю, откуда я её знаю? А я её по отбитым рукам узнал.
МАНЯ: Успокойся! У той в Париже они тоже отбиты!
МИША: Вот за это надо выпить!

Миша ставит скульптуру на стол. Достаёт бутылку водки.

МАНЯ: За что выпить???
МИША: Ну… чтоб у неё руки не болели! *(выпивает)*
МАНЯ: Миша, тебе же нельзя пить! У тебя давление.
МИША *(разливает водку по рюмкам)*: Ой! Какое давление? Кто его здесь умеет мерять? Ну, по такому поводу… *(обращается к статуе)* Давай, Венера, попробуй икорку из синеньких. У вас в Париже такой нет! *(Кладет ей в тарелку баклажанной икорки)* …А вообще у вас в Париже синие есть?
МАНЯ: У них в Париже только голубые есть!
МИША *(обращаясь к Венере)***:** …и ещё у них там есть арабы. У них там скоро вместо «Собора» будет «Мечеть Парижской Богоматери»!!!

Миша снова наливает себе полную рюмку водки.

МИША: …и вообще, если арабская весна до зимы не закончится, то скоро настоящего живого француза можно будет встретить только на кладбище… Пер-лашез! Ну, за французов! *(Маня перебивает его)*
МАНЯ: Миша, не пей! Когда ты выпьешь, ты храпишь! А когда ты храпишь на Брайтоне, весь Манхеттен не спит!
МИША: Манхеттен никогда не спит. Давай, за французов, чтоб земля им была пухом *(поднимает рюмку)*. Не чокаясь!!! *(Выпивает залпом)*
МАНЯ: Миша, кстати, ты сказал нашему мальчику, чтоб он заплатил женщине, которая ухаживает за могилами наших родителей? У моего папы давно надо было ограду подкрасить.
МИША *(наливает себе ещё одну рюмку)***:** Да наш сынуля забыл бы об этом на второй день. Что, я его не знаю! Я ещё месяц назад передал деньги для Валентины, через Игоря. Он ещё рассказывал, что главный менеджер еврейского кладбища сильно ему жаловался на жизнь. Мало, говорит, что все евреи разъехались, так ещё и не мрут!!! Ну, Сеня его начал утешать, мол, ничего, они исправятся!!! Так этот ему отвечает: «Да, от вас дождешься!!!». … Ну что, давай, Маня, ещё по одной… за «не дождетёсь!».
МАНЯ: Так ты ж мне не налил!
МИША: Я тебе накапал! Как говорится кому – холагол, а кому – водочка! *(Выпивает)* Маня, положи мне твоей фаршированной рыбы!

Маня кладёт мужу на тарелку голову. Миша закусывает.

МИША: А! Тот же вкус, что и в Одессе!
МАНЯ: Да, только там я её делала из щуки и коропа – а здесь – из дорады и сибаса!
МИША: Потрясающе!
МАНЯ: Но у меня есть один секрет! Здесь я натругиваю в фарш ещё немного авокадо!
МИША: О! Точно, как моя Мама в Одессе!

МАНЯ: Что? Твоя мама даже не знала, как включается примус!
МИША: Не трогай мою Мамочку!

Миша берёт ещё один кусок.

МАНЯ: Тебе же доктор запретил много есть! Ты знаешь, сколько калорий в фаршированной рыбе?
МИША: Конечно, знаю.
МАНЯ: И сколько конкретно?
МИША: В ней все калории еврейского народа!!!
МАНЯ: Ну, ты философ. Аристотель с Молдаванки!
МИША: Ты знаешь, Маня, за что я на тебе женился? За твою фаршированную рыбу! Давай ещё по граммульке за тебя!

Миша выпивает третью рюмку. Маня укоризненно на него смотрит.

МИША: Что ты смотришь на меня, как солдат на Министра обороны! Лучше положи мне своего знаменитого форшмачка! Вот этого с аризонской семеринкой!

Смачно закусывает и снова наливает.

МИША: Нет, Маня. Я на тебе женился не из-за фаршированной рыбы!
МАНЯ: Ну наконец-то, дождалась!
МИША: Я на тебе женился из-за твоего форшмачка!
МАНЯ: Ага! А ты знаешь, за что я за тебя вышла замуж?
МИША: За что?
МАНЯ: Честно сказать???
МИША: Конечно, честно!
МАНЯ: Сама не знаю! Чёрт попутал! За мной вообще ухаживал солист из филармонии. Такой солидный, положительный человек. Я его недавно видела по телевизору. Он теперь депутат Верховной Рады.
МИША: Да, я его тоже видел. Теперь он в вышиванке ходит!
МАНЯ: Ну и что? У человека появилось национальное самосознание. Что в этом плохого?
МИША: Нет, ничего! Просто я этого патриота перед нашим отъездом из Одессы встретил в бане на Комитетской. Мы с ним в парилке на одной полке сидели!
МАНЯ: Не вижу связи между патриотизмом и баней!
МИША: А связь, Маня, самая прямая. Я ему тогда сказал, практически, как у Жванецкого «вы товарищ Семёнов, бывший Гиммельфарб, либо крест с груди снимите, либо трусы наденьте!».
МАНЯ: Миша! Не юродствуй!
МИША: Так, ладно, не строй из себя не знаю кого. Давай лучше выпьем «за тех, кто в море», то есть за нас!
МАНЯ: Нет, за нас не надо! Давай лучше за нашего сына!
МИША: Давай! Будем здоровы! Ле хаим!

Миша залпом выпивает рюмку. Вместо закуски раздаётся звонок телефона. Миша встаёт, чтобы взять трубку.

МАНЯ: Стой! *(Возглас Мани останавливает мужа на полушаге)***:** Я сама возьму трубку! Ты пьяный, испугаешь ребёнка.

Маня подъезжает к тумбочке и нервно хватает телефонную трубку.

МАНЯ: Алё!
ГОЛОС ЛАРИСЫ ДОЛИНОЙ: Здравствуйте! Это Бруклин?
МАНЯ: Да, кто это?
ГОЛОС ЛАРИСЫ ДОЛИНОЙ: Извините, я всё время звоню в Бруклин и не туда попадаю. Вас беспокоит Лариса Долина!
МАНЯ: Ой! Ларочка, боже мой! Может быть, вам что-то нужно?
ГОЛОС ЛАРИСЫ ДОЛИНОЙ: Простите ещё раз, я не могу дозвониться до своих друзей. У нас тут всё время передают по новостям всякие ужасы! Про ураган, про наводнение! Что там у вас на самом деле слышно?
МАНЯ: Ой, у нас все хорошо! Такие мелочи! Вода поднялась только до второго этажа!
ГОЛОС ЛАРИСЫ ДОЛИНОЙ: Но жертвы есть?
МАНЯ: Да нет, что вы, я вам гарантирую, что с вашими всё хорошо!
ГОЛОС ЛАРИСЫ ДОЛИНОЙ: Но откуда вы знаете?

МАНЯ: А что, вы хотите, чтобы я сказала, что с ними все плохо?
ГОЛОС ЛАРИСЫ ДОЛИНОЙ: Спасибо, не надо!
МАНЯ: Вот видите!.. Ларочка, подождите, не бросайте трубку.
ГОЛОС ЛАРИСЫ ДОЛИНОЙ: Да.
МАНЯ: Давайте споём.
ГОЛОС ЛАРИСЫ ДОЛИНОЙ: Что, по телефону?
МАНЯ: Ну, по телевизору я уже с вами не раз пела!
ГОЛОС ЛАРИСЫ ДОЛИНОЙ *(принимая игру)*: Ну, хорошо. А что мы с вами будем петь?

Миша шёпотом подсказывает жене.

МАНЯ: Муж подсказывает, «погода в доме»!

Совершенно неожиданно для Миши и Мани из трубки раздаётся «Погода в доме», исполняемая а капелла Ларисой Долиной. Они начинают трогательно подпевать, как это было в фильме «Мимино». В какой-то момент связь обрывается.

МИША: Ну вот! Только начали получать от этого урагана хоть какое-то удовольствие…

Вдруг включается радио и Лариса Долина заканчивает песню уже по радио, но на этот раз в профессиональной оркестровой аранжировке.
Шум урагана заглушает аплодисменты, звучащие после песни.
Затемнение.

5-я картина

На сцену выезжает Маня, на лице у неё маска из огурцов.

МАНЯ: Миша, закрой дверь на цепочку, это Америка!

На сцене появляется Миша в смешной пижаме. Рассматривает Маню.

МИША: Слушай, Маня! А в клубничке ты выглядишь сексуальнее. Можно, я у тебя огурчик со щеки съем?

Не дожидаясь разрешения, берёт ломтик огурца с её лица и начинает хрумкать.

МАНЯ *(оценивающе глядя на него)*: Миша, что ты делаешь?
МИША *(продолжая жевать)*: Жалко, что не малосольный!
МАНЯ: Оболтус! Ты нарушил целостность моего лица!
МИША: Я вообще не понимаю, для кого ты делаешь эти маски? Здесь же в радиусе десяти километров кроме меня и дельфинов нет ни одного мужчины!
МАНЯ: Дорогой Миша! Ты хоть и птица-говорун, но никогда не отличался умом и сообразительностью! Запомни! Женщина хочет быть красивой в первую очередь… для зеркала, во вторую очередь для себя и только в третью для таких дельфинов, как ты!
МИША: Тоже мне русалка с огурцами! Только не надо вот это вот про зеркало! Я помню, как ты из кордебалета строила глазки этому балеруну из «Жизели», у которого всё время лопались лосины на причинном месте.
МАНЯ: Ты просто ему завидуешь!
МИША: Я завидую? Я же сам видел, как он закладывал себе в рейтузы кроличью лапку, чтобы выглядеть половым гигантом!
МАНЯ: Сколько можно меня к нему ревновать? Давно выяснилось, что он был голубой!
МИША: Что ты говоришь? Тогда он был ещё не голубой! У него была жена и двое детей. Это потом ему открыли глаза на его ориентацию!
МАНЯ: А ты продолжаешь к нему ревновать!
МИША: Чего вдруг? Я же знаю, что из «голубых» назад в нормальные ещё никто не возвращался!
МАНЯ: Всё! Хватит! Пошли спать.

Неожиданно врывается бодрый голос Игоря Кириллова из радиоприёмника.

ГОЛОС ИГОРЯ КИРИЛЛОВА: Дорогие друзья! Нью-Йоркское время – полночь. И нам сообщили, что в самом центре урагана находится мужественная пара наших соотечественников…
МАНЯ: Миша! Это о нас!

ГОЛОС ИГОРЯ КИРИЛЛОВА: Михаил и Мария Шапиро! Наших радиослушателей интересует, как они там? И вот мы решили им позвонить…

Раздаётся телефонный звонок.

МИША: Маня! Это с радио! Возьми трубку!
МАНЯ: Сам возьми! Я им не верю!
МИША: А вот я этому Игорю Кириллову очень доверяю!
МАНЯ: Чего это вдруг?
МИША: Ну как же? Он столько лет читал по телевизору некрологи и ни разу не обманул!
ИГОРЬ КИРИЛЛОВ *(очень обеспокоенно, с душой)*: Никто не берёт трубку! Может быть, с ними что-то случилось?
МАНЯ: Миша, возьми трубку! Люди волнуются!!!

Миша берёт трубку.

МИША: Алё, это «Брайтон-Бич ФМ»?
ИГОРЬ КИРИЛЛОВ: А как вы догадались?
МИША: А мы вас вместе с Маней слушаем.
ГОЛОС КИРИЛЛОВА: Это приятно!
МИША *(кричит, как в «Поле Чудес»)*: Пользуясь случаем, я хотел бы передать привет всем, кто меня знает *(начинает перечислять смешные еврейские фамилии, пока его не перебивает Маня)*
МАНЯ: …И от меня передай!
МИША: …И от Мани тоже привет!
ГОЛОС КИРИЛЛОВА *(в стилистике Малахова из программы «Пусть говорят»)*: Но мы знаем, что ваша жена была солисткой балета!
МАНЯ *(смущенно поправляет диктора)*: Кордебалета.
МИША *(отмахивается от скромной супруги)*: Да, да! Балета!!! Она ещё плясала лебедя, который себя плохо чувствовал, заболел и впоследствии умер… умирающего лебедя.
ГОЛОС КИРИЛЛОВА: Потрясающе! Как Майя Плисецкая и Анна Павлова! И в этой связи у меня неожиданный вопрос. Давно ли вы, Миша, приглашали свою жену на танец?
МИША *(смущённо, глядя на инвалидную коляску)*: Ну-у-у… в силу некоторых обстоятельств – довольно давно!
ГОЛОС КИРИЛЛОВА *(возвышенно, с награнным пафосом)*: Ну, тогда прямо сейчас! Несмотря ни на какие обстоятельства! Несмотря на вой урагана! Несмотря на наводнение! …Пригласите свою Маню… прямо сейчас на танец!!! «Наше радио» дарит вам танго!

Из радиоприёмника звучит знаменитое танго «Kiss of the fire» в исполнении Луи Армстронга.

МИША *(смущённо)*: Красивая музыка.
МАНЯ: Да. Очень!
МИША: Ну что, Маня, давай!
МАНЯ *(не очень уверенно)*: Ты что, обалдел?!
МИША: Давай ! Это же для нас!!!
МАНЯ *(уже практически соглашаясь)*: Но я не могу…
МИША: Да всё ты можешь!

Миша становится перед женой на одно колено, очень трогательный в своей смешной пижаме.

МИША: Девушка! Разрешите вас пригласить на танго!!!
МАНЯ *(прямо с инвалидной коляски протягивает ему руку)*: Разрешаю!

Супруги танцуют танго. Учитывая, что дама находится в инвалидной коляске – зрелище это довольно странное, но очень трогательное. Миша крутит коляску с женой. Держит её за руку, ведёт, как и положено страстному мачо, в таком танце, как танго.

Идёт набор танцевальных па, специально поставленных для этой необычной пары. Вдруг танец прерывает телефонный звонок.

МАНЯ *(возвращаясь в своё обычное нервное состояние)*: Миша! Возьми трубку! Это точно он!
МИША *(хватая трубку)*: Алё! Алё!!! *(Обращаясь к жене)* Маня, это наверное не он.
МАНЯ: Это он! Я чувствую, что это он.
МИША: Говорите! Вас не слышно. Говорите громче! *(Мане)* Там никого нет.

МАНЯ *(выхватывает у мужа трубку)*: Это он! Алё! Это Мама!!! Ты меня слышишь, сынок… Почему он молчит? Алё! Это он! Я чувствую – это он!!! *(Кричит в трубку)* Алё! Сыночек, у нас всё хорошо. Мы не утонули! Не волнуйся!! Алё! Почему ты молчишь???
МИША *(очень резко):* Прекрати истерику! Это не он!
МАНЯ: Это он! Просто плохая связь!
МИША: Маня, прекрати! У тебя снова будет приступ!!!

Миша отключает телефон.

МАНЯ: Зачем ты это сделал!?
МИША: Это был не он! Успокойся!
МАНЯ: Я не успокоюсь! Это был он! Ты никогда не любил его! Никогда!!! Я тебя ненавижу!!!

Маня резко разворачивается на коляске и уезжает за сцену. Миша закуривает и медленно выходит на авансцену.

МИША: Они переживают по поводу урагана! Несчастные люди… у меня каждый божий день ураган! тайфун! смерч!
А я счастлив!.. Да… Как-то в молодости я прочитал одно определение счастья – «…и юной девушки услышать пенье вне моего пути, но вслед за тем, как у меня дорогу расспросила…»…
…Вы будете смеяться, но у меня так и было. 35 лет назад, когда я проходил мимо нашего Оперного театра, ко мне подошла юная девушка и спросила, как пройти на Дерибасовскую? Вы себе представляете: как в анекдоте! И я подробно объяснил. Только такой идиот, как я, мог начать объяснять потомственной одесситке, как пройти на Дерибасовскую от Оперного театра!
Но с тех пор я счастлив! А что вы хотите – худой, нищий, робкий и беспартийный певец в хоре оперетты… у меня даже мысли не было, что со мной хочет познакомиться будущая Анна Павлова.
…с тех пор я счастлив.
…а она меня ненавидит!
…глупости… просто она любит сына больше, чем меня! Это так естественно… Мать всегда больше всех любит своего ребенка. Это так естественно…
… но у нас нёт ребенка… и никогда не было.
…никогда не было!
…вот уже тридцать лет мы живём втроём – я, она и никогда не существовавший сын!!!
…вы не думайте – она не сумасшедшая. Она самая лучшая. Это я виноват! Я боюсь её разочаровать. Я всю жизнь боюсь её разочаровать, потому что мне жалко себя! Не её – а себя!!!
…Я эгоист! Я без неё пропаду. А она пропадет без нашего сына!
…Я сам уже иногда думаю, что он существует. И тогда, чтоб окончательно не сойти с ума, я смотрю эту справку. *(Достаёт из бокового кармана истлевшую от времени бумажку. Читает)* …операция прошла успешно! Диагноз – «паралич нижних конечностей, а также невосстановимое бесплодие»… Чтоб они провалились! Почему, если операция прошла успешно – диагноз: паралич и бесплодие?!

Пауза. Полная тишина. В полной тишине раздается длинный резкий телефонный звонок. Так раньше звонила междугородняя, без пауз между звонками. Из-за кулис медленно выезжает Маня на коляске и подъезжает к телефону.

МАНЯ: Але! Кто это?
ГОЛОС: Мама, это я!

Маня медленно встаёт с коляски, резко отталкивает коляску назад и делает два шага вперёд, как будто снова научилась ходить. Останавливается.

МАНЯ: Здравствуй, мой мальчик!

Звучит нарастающий рёв урагана. Свет начинает медленно меркнуть.

ЗАНАВЕС

АЛЕКСАНДР СЕНКЕВИЧ

«МЫ СТОИМ, ГДЕ ПРИЧАЛЕНЫ ЛОДКИ…»

ДАВИД

1.

Там каждый род стоял особняком,
в чужие лица глядя исподлобья,
и каждый жил в сумятице, бегом,
всё, что вокруг, уродуя и гробя.

Когда же Голиаф, свиреп и рыж,
сиял пред ним, как солнце в медном тазе,
взметнулся из пращи речной голыш
и великану угодил в межглазье.

Он шёл к любви сквозь тысячи застав,
через трясины, хляби и потоки…
Свою гордыню властно обуздав,
обрёл себя, потерянного, в Боге.

2.

Поэзия возносит к облакам,
и, потерявши землю под ногами,
небесными продутый сквозняками,
к совсем другим пристану берегам.

И вот тогда с заоблачных высот
увидев мир с уродливой изнанки,
а в нём людей, что, злобясь от забот,
себя ведут, как скорпионы в банке,
я вспомню, как молоденький пастух
своей игрою на простецкой лютне
смягчил Саула очерствелый дух
и смуту внёс в размеренные будни,
и стал певцом, идущим напролом.
В азарте страстном веры и прорыва
он прозвучал раскатистей, чем гром.
Пропетый им восторженный псалом
по сердцу бил, как по лицу крапива.
И почивал Господен дух на нём,
что силы дал, прозренье и величье.

Для всех других сменялся день за днём,
не изменяя тусклого обличья.

ОДА КОТУ, КОТОРЫЙ ЖИВЁТ В ПАРИЖЕ В КВАРТИРЕ КИРЫ САПГИР

Твои зрачки струятся желтизной, –
горят леса в глухих верховьях Нила.
А, может, прежде в них похоронила
богиня Бастет[1] нестерпимый зной,

когда ты с ней у вечных пирамид
часами вёл пространные беседы
о кознях тех, кто вмиг накличет беды
на весь ваш род. Его судьба хранит.

Те существа пред вами мельтешат.
И застят свет, и не дают покоя…
У них одно желание благое:
плодить бесцельно сереньких мышат.

Всё это было много лет назад,
когда на трон взвели Тутанхамона.
Сейчас сказали б, что во время *оно*,
но до сих пор тебя мышата злят.

Ступаешь ты, как будто на балу,
медлительно, неслышно и вальяжно,
и, оглядев свои владенья важно,
приляжешь, растянувшись на полу.

Ты – воплощенье дикой красоты,
чего б ни сделал – ты всегда прощаем.
Опять прыжок – и бьётся чашка с чаем,
а ты сухим выходишь из воды.

[1] Бастет – в древнем Египте богиня любви, брака и плодородия. Изображалась в виде женщины с головой кошки.

НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ХУДОЖНИКА СЕРГЕЯ ЧЕПИКА

Беззвёздна ночь. Стоит жара.
Передвигаемся с опаской.
И донимает мошкара
с пруда, подёрнутого ряской.

И всё равно мы будем те,
кто, оказавшись в липком мраке,
не поддаётся темноте,
как белоснежный лист бумаги.
Кто, пересилив боль тоски,
преображает всё на свете:
тяжёлых красок многоцветье
в почти бесплотные мазки
и этот воздух, что волною
накатит и коснётся рук
и, превратившись в склизкий звук,
вдруг станет ниткою льняною.

И мы, доживши лет до ста,
не растеряем веру в чудо,
в ту жизнь, что, взявшись ниоткуда,
заполнит пустоту холста.

ПАМЯТИ КОНСТАНТИНА ПОЛОЗОВА

1. ЛЕТООСЕНЬ

Когда туманов белизна
разбавит темень фиолета,
когда опухшее от сна
на сквозняках продрогнет лето,
тогда, да, именно тогда,
предвосхищая волю Божью,
стоячевязкая вода
подёрнется предсмертной дрожью,

и запылает тёмный бор,
дремучий, девственный и тесный,
и, не найдя себе подпор,
прогнётся низко свод небесный.

Тогда, да, именно тогда
предвестьем тьмы и запустенья
сойдёт на души немота,
поблекнут листья и растенья.

Как размягчение ума,
как рыхлость прежде твёрдых дёсен,
наступят вскоре летоосень
и многоснежная зима.

2. СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЕ

По осени туманы окружат
мерцающей и зыбкою оградой,
и выльется на голову ушат
небесной влаги, светло-мутноватой.

И этот дождь под хриплый вскрик ворон,
разводы в лужах наобум рисуя,
омоет тех, кто смертью осквернён,
кто прожил жизнь нахраписто, но всуе.

Коснётся дождь артезианских вод,
что хлынут вверх, венчая Кали-югу[1],
а также тех, чьи души наперёд
причислены к Божественному кругу.

И запоёт осипшая свирель,
гладь водную вздымая и тревожа,
и всё живое в мрачную купель
погрузится, и мы с тобою тоже.

О, как Земля опасна и тесна!
Но я не верю в ночь и умиранье.
В сладчайший миг зачатия и сна
возникнет жизнь, неведомая ране.

[1] Кали-Юга – в ведийской и индуистской мифологии четвёртая эра в развитии человечества, «тёмный», «грешный» век.

***

Мы стоим, где причалены лодки
и где вклинилась в реку коса.
Этот миг мимолётно короткий
словно пыль, что туманит глаза.

Для меня приготовлены вёсла
и отвязана лодка уже.
Почему я, меняя ремёсла,
ничего не нашёл по душе?

И зачем мы с тобою застряли
в этой богом забытой дыре?
Чья-то тень промелькнула в астрале,
испарившись, как снег в октябре.

Всё, что будет, смиренно приемлю.
Но куда мне отсюда грести?
Высыпается струйкой на землю
моя жизнь, как песок из горсти.

БОРИС СУСЛОВИЧ

ЦЕПОЧКА ПОСЛЕДНИХ СЛЕДОВ

27 ЯНВАРЯ 1837 ГОДА

«И мнится, очередь за мной…»
1831

Проснуться около восьми –
Не поздно и не рано –
Уже с догадкой: чёрт возьми,
Дуэль-то из романа!
Другой едва ли сочиню,
Пусть даже уцелею.
Понять бы мне судьбу мою
И примириться с нею
Хоть напоследок… За стеной
Разбаловались дети.
Ужели очередь за мной?
Да ни за что на свете!

***

Неделя начинается дождём,
стекающим с насупленного неба,
а мы, как заводные, снега ждём –
хрустящего рождественского снега,
хоть в палестинах наших его нет
ни в декабре, ни в январе, ни в марте.
…Лишь в мартобре повсюду валит снег
в стране, не обозначенной на карте.

ЦЕПОЧКА ПОСЛЕДНИХ СЛЕДОВ

Из пушкинской тетради

АУДИЕНЦИЯ
(триптих)

ЦАРЬ

В глазах, похоже, интерес.
Вполне почтителен. Серьёзен.
Дался ему малыш д'Антес.
Как там: «Лета – к суровой прозе»?
Всех клонят, кроме самого.
Отец семейства, Б-же правый…
Всё озорство. Всё баловство.
Как будто не хватает славы.

ГЕНЕРАЛ

Уразуметь бы, государь,
Как нам избавиться от бредней.
Дуэли часты были встарь,
Да и сегодня – не последний.

Ну, сколько можно: десять лет
Хожу за ним, как мамка, следом…
Хоть подноси ему обед.
Хоть рюмку водки за обедом.

ПОЭТ

Василь Андреевич, родной,
Зачем ты выхлопотал встречу?
Хотя бы будь доволен мной:
Ни сном, ни духом не перечу.

Готов держать с тобой пари –
Я им ни капельки не нужен:
Они у времени внутри,
А я, считай, уже снаружи.

ДУЭЛЬ

Утоптанный наскоро снег
Стать ложем предсмертным готов.
Короткий, как выстрел, разбег –
Цепочка последних следов.

И голос внутри произнёс:
«Такая вот, брат, канитель…»
И темень целует взасос,
Как пуля, попавшая в цель.

УХОД

Ничуть не сдерживая прыть,
Мне жизнь показывает спину…
Успеть бы только всех простить,
Как велено христианину,
И можно на краю земли
Побаловать себя немножко –
Поесть мочёную морошку
Из сладких пальцев Натали.

ВДОВА

Наивно верить глупым снам,
Что рядышком – оживший Пушкин,
И просыпаться по ночам,
И комкать мокрые подушки,

И в окруженье пустоты
Брести, как привиденье, к детям –
И, будто пребывая в нетях,
Уткнуться в мужние черты.

ТАДЖИКСКАЯ ПОЭЗИЯ

в переводах Темура Варки в таджикского-фарси

От редакции: Темур Варки – поэт, переводчик с фарси, журналист. Родился в столице Таджикистана – Душанбе в 1962 г. Закончил факультет русского языка и литературы Таджикского госуниверситета в 1984 г. Публиковался в журналах «Памир», «Дружба народов», «Мост», интернет журналах «Порт-Фолио», «Точка зрения», альманахе «Поэзия 21 век». Живёт в Душанбе и в Москве. Призёр и победитель ряда открытых международных сетевых поэтических конкурсов.

ДЖАЛОЛИДДИН РУМИ

РАВ, ОН РУБОБИРО БИГӢ

Рав, он рубобиро бигӣ, мастон саломат мекунанд,
В-он мурғи обиро бигӯ, мастон саломат мекунанд.
В-он мири соқӣро бигӯ, мастон саломат мекунанд.
В-он умри боқӣро бигӯ, мастон саломат мекунанд.
В-он мири ғавғоро бигӯ, мастон саломат мекунанд.
В-он суду савдоро бигӯ, мастон саломат мекунанд.
Эй маҳ зи рухсорат хиҷил, мастон саломат мекунанд.
Эй роҳату ороми дил, мастон саломат мекунанд.
Эй ҷони ҷон, эй ҷони ҷон, мастон саломат мекунанд.
Эй ту чунину сад чунон, мастон сал-омат мекунанд.
Эй орзу, эй орзу, мастон саломат мекунанд.
Эй пардаро бардор з-ӯ, мастон саломат мекунанд.
Сад шаҳ фидойи рӯйи ту, мастон саломат мекунанд,
Маҳ хошарӯби кӯйи ту, мастон саломат мекунанд.
Эй нест карда ҳастро, мастон саломат мекунанд,
Бишнав саломи мастро, мастон саломат мекунад.

ИДИ И ПЕРЕДАЙ ФЛЕЙТИСТУ

Иди и передай флейтисту: Приветствуют тебя хмельные!
И той плывущей вольно птице: Приветствуют тебя хмельные.
И старшему по винам чистым: Приветствуют тебя хмельные.
Остатку жизни многолистной: Приветствуют тебя хмельные.
И передай главе бедлама: Приветствуют тебя хмельные.
Торговцам истиной у храма: Приветствуют тебя хмельные.
И страсти неразменной самой: Приветствуют тебя хмельные.
Луна в твой лик смотреть не смеет. Приветствуют тебя хмельные.
Покой души, блаженство с нею. Приветствуют тебя хмельные.
Скажи душе, души роднее: Приветствуют тебя хмельные.
Источник сотен треволнений, приветствуют тебя хмельные.
И ты, мечта мечты, мечтою приветствуют тебя хмельные.
Давай покров твой приоткроем, приветствуют тебя хмельные.
Тебе тут присягают строем, приветствуют тебя хмельные.
Метельщик месяц беспокоен, – приветствуют тебя хмельные.
Ты превратишь в ничто любого, приветствуют тебя хмельные.
Услышь меня, меня хмельного: Приветствуют тебя хмельные!

ХАФИЗ ШИРАЗИ

***

Тӯ ҳамчу субҳиву,ман шамъи хилвати саҳарам.
Табассуме куну ҷон бин, ки чун ҳамесупорам.

Чунин ки дар дили ман доғи зулфи саркаши туст,
Бунафшазор шавад турбатам чу даргузорам.

Бар остони муродат кушодаам дари чашм,
Ки як назар фиғонӣ, худ фиғандам аз назарам!

Чӣ шукр гуямат, эй хайли ғам, афокаллоҳ,
Ки рӯзи бекасӣ охир намерави зи сарам?!

Ғуломи мардуми чашмам, ки бо сияҳдили
Ҳазор қатра биборад, чу дарди дил шуморам.

Ба ҳар назар бути мо ҷилва мекунад, лекин
Кас ин карашма набинад, ки ман ҳаменигорам.

Ба хоки Ҳофиз агар ёр бигзарад чун бод,
Зи шавқ дар дили он тангно кафан бидарам!

***

Ты – румянец зари, я же – утро стыдливой свечи.
Улыбнись, провожая ту жизнь, что тебе я вручил.

Сердце так эти кудри опутали и оплели! –
Расцветут над могилой фиалки. Не спрашивай, чьи.

У порога желаний твоих встал я чутким ловцом.
Уронила ты взгляд, и глаза потерял я в ночи.

Благодарность какую, о мука, Аллаху воздать? –
В одиночества день он с тобою нас не разлучил.

Я глазам не хозяин. Из чёрных сердечек зрачков
Капель тысячу я отсчитаю в уплату кручин.

Сокровенный бутон мой цветёт у людей на виду.
Но проходят слепцы. И не видят, что я различил.

Если ты над могилой Хафиза пройдёшь ветерком,
Саван душный порву. Как ладони твои горячи.

ЮСУФИ ГУМГАШТА

Юсуфи гумгашта боз ояд ба Қанъон, ғам махӯр.
Кулбаи эҳзон шавад рӯзе гулистон, ғам махӯр.
Ай дили ғамдида, ҳолат беҳ шавад, дил бад макун
В-ин сари шӯрида боз ояд ба сомон, ғам махӯр.
Гар бахори умр бошад. боз бар тахти чаман
Чатри гул бар сар кашӣ, ай мурғи хушхон, ғам махӯр.
Даври гардун гар ду рӯзе бар муроди мо нарафт,

Доимо яксон набошад ҳоли даврон, ғам махӯр.
Ҳон машав навмед, чун воқиф найи аз сирри ғайб
Бошад андар парда бозиҳои пинҳон , ғам махӯр.
Ай дил, ар сейли фано бунёди ҳастӣ барканад,
Чун туро Нӯҳ аст киштибон зи тӯфон, ғам махӯр.
Дар биёбон гар ба шавқи Қаъба ҳоҷӣ зад қадам,
Сарзанишҳо гар кунад хори мағелон, ғам махӯр.
Гарчи манзил бас хатарнок асту мақсад бас баъид,
Ҳеҷ роҳе нест, к-онро нест поён, ғам махӯр.
Ҳоли мо дар фурқати ҷонону иброми рақиб,
Ҷумла медонад Худои ҳолгардон, ғам махӯр.
Ҳофизо, дар кунҷи фақру хилвати шабҳои тор,
То бувад вирдат дуъову дарс Қуръон, ғам махӯр.

ЗНАЙ, ЮСУФ

Знай, Юсуф в сады вернётся в Ханаане, не горюй.
В скорби дом прольются трели, роз дыханье, не горюй.
Сердце, что познало горе, не казни, не будь жестоким.
Пусть избавится твой разум от терзаний, не горюй.
Вновь весна луга расстелет для тебя. На троне луга
Пой же в венчике из лилий, в час венчанья не горюй.
Если звёздный круг сегодня глух к трепещущим надеждам,
Переменчив он, догонит ожиданья, не горюй.
Не грусти, не падай духом, – ты не вхож в покров незримый.
До поры хранит награды полог тайны, не горюй.
Если тлен несущий ливень рушит бытия основы,
Сердце вверь ковчегу Ноя без метаний, не горюй.
Если же в песках ведом ты в хадже страстью по Каабе,
Будь шипами мугеляна ты изранен, не горюй.
Как бы ни был путь опасен, ну а цель недостижима,
Нет путей без окончаний, до прощанья не горюй.
Мне даны разлука с милой и назойливый хулитель.
Видит всё вершитель судеб, все старанья, не горюй.
Что ж, Хафиз, пока находишь в келье мрачными ночами
Утешение в молитве и Коране, не горюй.

—

САДИ ШИРАЗИ

ЭЙ СОРБОН

Эй сорбон, оҳиста рон, к-ороми ҷонам меравад,
В-он дил, ки бо худ доштам бо дилситонам меравад.

Ман мондаам маҳҷур аз у бечораву ранҷур аз у.
Гуи ки неше дур аз ӯ дар устухонам меравад.

Гуфтам ба найрангу фусун пинҳон кунам рози дарун
Пинҳон наметонад, ки хун бар остонам меравад.

Маҳмил бидор, эй сорбон, тундӣ макун бо корвон,
К-аз ишқи он сарви равон, гуи, равонам меравад.

Ӯ меравад доманкашон, ман заҳри танҳои чашон,
Дигар мапурс аз ман нишон, к-аз дил нишонам меравад.

Баргашт ёри саркашам, бигзошт айши нохушам.
Чун мичмаре пуроташам, к-аз сар духонам меравад.

Бо он ҳама бедоди ӯ в-ин аҳди бебунёди ӯ,
Дар сина дорам ёди ӯ ё бар забонам меравад.

Боз ою дар чашмам нишин, эй дилситони нозанин,
К-ошубу фаръёд аз замин бар осмонам меравад.

Шаб то саҳар менагнавам в-андарзи кас мешнавам,
В-ин раҳ на косид меравам, к-аз каф инонам меравад.

Гуфтам: бигирям, то ибил чун хар фурӯ монад ба гил,
В-ин низ натвонам, ки дил бо корвонам меравад.

Сабр аз висоли ёри ман, баргаштан аз дилдори ман,
Гарчи набошад кори ман, ҳам кор аз онам меравад.

Дар рафтани ҷон аз бадан гуянд ҳар навъе сухан,
Ман худ ба чашми хештан дидам, ки ҷонам меравад.

Саъди, фиғон аз дасти мо, лоиқ набуд эй бевафо,
Тоқат намеорам ҷафо, кор аз фиғонам меравад.

О, КАРАВАНЩИК!

О, караванщик, тише звон! То жизнь со мной прощается.
Вослед усладе сердце вон, – душа, постой! – прощается.

Оставлен, сир я и разут, ничем уже не дорожу.
Пронзаем жалом, что в грозу во мне с тобой прощается.

Лукавил я и делал вид, что весел, ветрен, деловит.
Но сокровенное кровит в проём дверной, прощается.

Эй, караванщик, мягче шаг! Там в паланкине спит душа.
Тут от любви к ней, не дыша, едва живой прощается.

Там ветер полами смущён, тут яд разлукой замещён.
Я растворён и разлучён, мой луч свечой прощается.

А если вспыхнешь предо мной, сгорю в блаженстве, сам не свой
Сродни кадильнице, густой дым с головой прощается.

Но милой гнёт приняв, к суду я равнодушен на беду.
В груди тебя ценя, в бреду язык с ценой прощается.

Вернись, предстань же наяву, – свою прелестницу зову.
Воззванья в небеса плывут, мятеж с землёй прощается.

Ночами маюсь, ночь слова доносит, кругом голова.
Плетусь без цели, жив едва, а путь с уздой прощается.

Молил в слезах я: пусть верблюд устанет свой нести сосуд. –
Но тщетен был мой тяжкий труд, что с пустотой прощается.

Живу мечтой о встрече с ней, не сплю ночей, не помню дней.
И будь, что будет, мне видней, – ей нрав крутой прощается.

Я слышал много разных слов, как души покидают кров.
И сам вот вижу меж миров, как жизнь со мной прощается.

Оставь свой ропот, Саади! Рыдай и сам себя суди!
Терпеть не в силах. Боль, уйди! И плача, боль прощается.

ЛОИК ШЕРАЛИ

МОДАРНОМА, 1979

Дар қиёси гури мардон пештар
Гури занро жарфтар мекофтанд
Гуи ӯ дорад гуноҳҳои азим –
Аз шариат хилаҳо меёфтанд.

Гури занро жарфтар мекофтанд,
То жарфтар пинҳон шавад.
То зи хоки ӯ наруяд сабзае –
Боиси маъсияти покон шавад.

Бехабар аз он ки зан модар бувад,
Ҷурмаш он бошад, ки инсон зодааст.
Бар чунон одатшиносони дурушт
Ӯ насиби зиндагонӣ додааст.

Бехабар аз он, ки модар холиқ аст,
Зиндагӣ ёбад аз ӯ такрорҳо.
Аз гуноҳи ҷумла фарзандони худ
Мекашад дар гур ҳам озорҳо...

Бехабар аз он, ки зан – ҷони ҷаҳон
Чашмашонро бар ҷаҳон бикшодааст.
Гар гуноҳе дорад, он ҳам ин бувад,
К-он чунон ноқадрдонон зодааст...

***

Такой был в годы прежние обычай, –
Копать поглубже женщинам могилу,
И ради соблюдения приличий
Кивнуть на шариат притом любили.

И хоронили женщину поглубже,
Чтоб, мол, получше скрыть её пороки,
Чтоб даже зелень не вилась снаружи,
Её греховность воплощая в соки.

Забыв о том, что женщины призванье –
Быть матерью, и в этом прегрешенье,
Что в грубости должна мириться с вами,
Даря вам жизнь в стыде и униженье.

Забыв о том, что женщина – создатель
И мир вращает, жизнь рождая снова,
И платит за грехи детей некстати,
Страдая и в земле от злого слова.

Забыв о том, что в ней душа вселенной,
Что свет глазам открыла лучезарный
Что грех её в одном лишь, несомненно,
Что родила таких неблагодарных.

ГАЛИНА СОКОЛОВА

ИГРА НУЛЕЙ

рассказ

Мир – капсула, аттракцион,
мир, так и не привитый к мирозданью…
Сергей Главацкий

I.

А вот и я. Весь в сиянии, как ночной фонарь. Или как царь, который сидел на златом крыльце в детской считалке. Испускаю свечение. А что? Всё живое светится. Не станете же вы опровергать научно доказанное? Но как я оказался над книжным шкафом, в крохотном пространстве под потолком – и мне не понять. Фокус-покус! Эквилибристика! Я раскланиваюсь и спрыгиваю вниз. Даже если я «шизик», не оставаться же наверху?

Ещё с минуту назад я самым натуральным образом спал. В холостяцкой квартирке, где жили мы вдвоём с Нечистью – камуфляжной масти котенком. На стареньком, ещё советском диване, придвинутом вплотную к заваленному газетами столу. Накануне, все последние дни апреля, я тщетно искал приложение своих сил в рубрике «требуются». А что делать, если за счёт моей персоны повысили зарплату остальным. Теперь мы с Нечистью перебиваемся на нетрудовые доходы – медным тазиком накрылись мои лекции у заочников. Мир вообще давно пошёл наперекосяк: то греки бунтуют, то в Ливии революция, а то прямо у нас в Киеве – сначала мятежный Майдан: «слава… – слава… – слава…», потом, как когда-то в 1905-м «Временное правительство». А дальше – нет, не Октябрьская революция, не Антанта или Врангель, а победоносные действия дружественной России, с которой Украине в голову бы не пришло воевать. Но где-то сработали неведомые механизмы, и… лишились мы Крыма. Впрочем, в нашем городе жизнь шла по-старому: коты плодились, Привоз работал, а у меня, как и в былые вёсны, под подушкой прописался очередной томик стихов, отчего одолевали романтические бредни. Стихотворные строчки лезли на ум в самые неподходящие моменты.

«*…я вернусь таиться*
в ту стеклянную камеру обскура,
рядом с которой в другой такой же камере
таилась ты», – тюкали они по моим беспредметным фантазиям. Хотя доставали ещё и вопросы чисто житейские: с кем бы познакомиться, куда бы податься на предмет стабильного заработка и где бы раздобыть денег на сейчас.

– Как жить? – спросил я у одной своей студентки. Что, думаете, она ответила? Не догадаетесь! Ответила она очень даже просто: «Ебс-сь, ебс-сь, ебс-сь…ебс-сь» (Смущены? Из песни слов не выкинешь, уж простите великодушно. Был в Парламенте любопытный прецедент: приняли закон, запрещавший употреблять в печати мат. Принять-то приняли, но именно этот параграф Конституционный суд вернул на доработку. В нём, в законе, то есть, не было определено, какие именно слова запретить. В общем, растерялись парламентарии и …оставили всё, как есть). Опешил я. И… влепил той студентке четвёрку. Вместо неуда… Наш мир – бублик с дыркой. Крутишься в нём по краю, крутишься, да и соскользнешь вниз…

Ну да я не о том. Вчера, наслушавшись политологов о событиях за Перекопом, налазившись по интернет-сетям и не получив ответы на свои вопросы, я торжественно вытащил мешочек с рунами. Да-да: я теперь астролог и рунист. По всеобщему заблуждению, мы, мужчины, во всю эту хрень не верим. Смеёмся над ней. Я тоже, конечно, смеюсь и не верю. Но в душе убеждён: если в это верит моя любимая женщина (которая всегда права), то кто я такой, чтобы с ней спорить? Учитывая, что она уже не моя – отчего ещё любимее (и значит ещё правее) …В общем, всякие подобного толка спецы, как явились на сцену в девяностые, так в новой реальности и прижились. На них спрос куда бо́льший, чем, к слову сказать, на кандидатов наук. Руны же вместе с инструкций пользователя приобрел позже, в Германии, где был на научной конференции.

В общем, я даже часы на кухню отнёс, чтоб не отвлекали. Набрал в лёгкие воздух. Приготовился.

«*Пространство – не при-кос-но-вен-но,*

Не при-ка-са-е-мо пространство, – автоматом впечатались в голову эманировавшие из-под подушки стихи – и … Оп-ля! Я вошёл в ноль-состояние.

Вот это ноль! Всем нолям ноль. Воплощение абсолютной пустоты – ни верха, ни низа… Безграничен, необъятен. И похож на кипящий крахмал. Хотя, может, это просто колотилось о рёбра сердце, а всё остальное дорисовала тронутая весной фантазия.

– «Что делать?» – прежде, чем сунуть руку в сакральный мешочек, задал я извечный вопрос русского интеллигента. Вы будете очень смеяться, но из вакуума-таки вывалилось. Руна Тейваз брякнула о стол довольно ощутимо. Вы, кстати, в курсе, что означает Тейваз? Правильно. Сильная, мужественная руна, соответствует планете Марс. Если бы в прямом положении, означала бы бензин, на котором вообще гороскопы приходят в движение. И беги с битой освобождать Тавриду. Почему с битой? А подписав Будапештский меморандум, мы даже армию по домам распустили. Так что воевать нам стало некем и нечем. Но при выпадении Тейваз в прямом положении победа была бы всё равно за нами. Руна выпала, однако, тормашками вверх. Вернее, стрелой вниз. Ни к событиям в Крыму, ни вообще к дням сегодняшним она отношения не имела. Но требовала срываться с места и бежать. Куда? Назад. А куда – назад? Подключив извилины в оккультное мышление, я понял: эта клубящаяся дрянь выдала мне билет в самого себя. И буквально орала «Беги, не то потеряешь!». Понимай, как знаешь: то ли некто правосеки вот-вот заявятся, то ли… Впрочем, говорят, и «Правый сектор» – российский проект – не американцев или турок. Так что предстояло мне, строками поэта, «*уйдя в себя – как Каин, возвратить себя – в ребро*».

– Тьфу ты! – поймал я себя опять на стихах – они явно мешали сосредоточиться. И принципиально забубнил дурацкую считалку:

«На златом крыльце сидели:

Царь…

…Бом-м! Бом-м-м! – тут же загудели колокола. Перекрывая бабьи вопли, раненым голубем ударил в окна отчаянный зов. Под крики «Ляхи, ляхи идут!» повыскакивали из крепостных ворот заспанные стрельцы. Бом! Бом! В кафтанах нараспашку, распугивая стаи кур, во весь дух понеслись ко дворцу. А там бой. Там не ляхи – рубились московиты во главе с помилованным намедни предателем Васькой Шуйским. С рассечёнными головами падали возле государевой опочивальни верные телохранители. Под напором могучих тел трещала дверь. С остатками приближённых потайным ходом, огородами что называется, прошмыгнул в баньку Великий князь. Размахивая выхваченной из чьих-то рук алебардой, вышиб он оконную раму. Внизу бесновалась толпа.

– С дороги! Я вам не Бориска-царь! – перекрестившись, взревел он и уже набрал полные лёгкие, чтоб оттолкнуться… Но цепкие руки схватили за рукав сзади:

– Не уйдёшь, чернокнижник!

На мгновенье ощеренная рожа Шуйского… Вдруг словно время замедлилось. И… сменился кадр. Шуйский проплывает где-то внизу. Всё в той же алой ферязи с собольим подбоем. С щёлочками лукавых очей, блистающими что самоцветы в его застежках и перстнях. Страшные глаза Рюриковичей! И… Опля! Опять смена кадра. Уже я сам и есть …царь Дмитрий Иваныч! Не самозванец-чародей, как окрестила оппозиция. А самый что ни на есть я, собственной персоной под самым потолком. Вальяжно так, будто на крыльце царского терема. Как туда попал? И каким образом втиснулся в это, довольно-таки узкое, пространство… Правду говорят: охота пуще неволи! В наши дни, когда народ схватил колье да принялся на Крещатике булыжник выворачивать, кое-кто из нынешних небожителей тоже дал такого дёру, что потом – убей – не мог понять, как перемахнул через родные кордоны. Там и мухе не пролететь, а он из стольного града Киева сиганул на чужеземный Дон. Вот и у меня, поди, также инстинкт сработал! Но попал я почему-то не в своё сегодня, а, странным делом, в правление Шуйских и Годунова. Времена не менее смутные – начало XVII века. Правда, народец попроще, мог, как бабочку, и на кол насадить. Это теперь у нас смертная казнь отменена. И то по телеку толкуют: попадёшь в руки правосеку – пиши – пропало. В общем, если правду сказать, в XVII веке такая же заваруха была. Только нынче проблемы с евроинтеграцией. А тогда были конкретные дела с ляхами. И не с ними одними. Лапу на нас не только поляки накладывали. И лукавцы-татары свою воду варили – то и дело из Тавриды набегали. Отечественные же длиннобородые за долю малую, как и нынче, продавались то тем, то этим – своя-то рубашка всегда ближе к телу.

Выпятив не очень широкую грудь, молодой человек в кацавейке на рыбьем меху, гордо вышагивал по Приморскому бульвару и громко бубнил себе под нос. Прохожие внимания не обращали. Последние события раскручивались, как сорванная пружина, и умудрённые всеукраинским революционным порывом горожане нарываться не спешили. Общество разделилось: скажешь не так – тут тебя во враги и запишут. Но и молодой человек не замечал никого – аналогии ночного приключения с новостями из окон наполняли его законной гордостью. Сон почти в точности вписывался в нынешний политнастрой, странным образом пересекавшийся с транзитами его соляра. Сентагон между Марсом в Близнецах и Юпитером с Плутоном в Деве по 12 дому в случае успешного выхода из ситуации обещал заманчивые перемены в судьбе. Так что ощутить себя, пусть условно, в дорогостоящей шкуре легитимного царя, было сладостно. И оттолкнув стихотворную заумь, в голову бесцеремонно впёрлась всё та же детская считалка про златое крыльцо и царя с царицей.

«Может, и правда, есть у меня в генах память о какой-то истории с престолом, гм… – крутил он в

мозгах детали своего венценосного приключения. – Во всяком случае, рунические знаки на это указывают. С ними, правда, только свяжись… Германцы когда-то на оккультизме всю политику выстроили – и что? … Впрочем, я так далеко не смотрю. Но вот про Шуйского… Может, сон мне намекал баллотироваться в новую Раду? Или хотя бы в мэры – Юпитер-то содействует… Жаль, никому не расскажешь».

Не будь часов, браслет которых, больно заглатывая запястье, заставлял на себя взглядывать, молодой человек забыл бы, куда спешит. А ему вот-вот предстояло читать будущим астрологам лекцию о тайных пружинах мира – о транзитах планет.

Царица?

– Смотрите, куда несётесь.

Она глянула на него глазищами цвета переспелой сливы – и… Могущественный Плутон, разрушив условность временны*х* границ, тяжело протарахтел по сразу скукожившемуся транзитному Юпитеру. Искра узнавания прошила молодого человека. Это, безусловно, её лицо! О, да! Он знал в нём каждый штрих! Даже коричневую родинку на мочке левого уха! Он помнил это крохотное пятнышко с тех самых пор, как самолично водружал на локоны первой русской царицы усыпанную самоцветами корону!

– Чуть с ног не сбил!

Девушка сердито собирала с влажного асфальта рассыпанные апельсины.

– Вы ненормальный? – обнажила она зубы. Белые, будто кубики рафинада. И ещё белее от тёмных волос, рассыпавшихся мелким бесом.

– Меня Димкой кличут, – услышал он собственный, почему-то писклявый голос, с ужасом ожидая в ответ: – «А я – Марина». Конечно, руны связаны причинно-следственной связью с жизнью людей. Но не до такой же степени!

– Блаженный какой-то…

«Ну и ладно, мир без имён совершеннее», – печально наблюдал он, как, помахивая пластиковым пакетом, его царица удалялась в сторону Дюка. Вот ступила на ступеньку, другую… Вот уже видны лишь её плечи и голова в мелких завитках. Ещё мгновение – и канет в пульсирующую пустоту.

«*Диссонанс очевиден. Мы катимся в разные стороны*
С незнакомых Олимпов»…

«Догоняй утраченное!» – в самое ухо гаркнула невесть откуда взявшаяся сводница Тейваз.

– Марина! – встрепенулся и он. – Постой!

Девушка обернулась удивлённо.

Боясь, что она всё-таки уйдет, он выпалил скороговоркой:

– У меня лекция по астрологии в Доме учёных. Я уже опаздываю. Ну, соглашайтесь. Или я тоже не пойду. Мой Меркурий явно залип в нулевом градусе Лилит!

Да, царица!

«Каждый мир герметичен».

А молчание – золото, – похвалил я себя утром, наливая свежезаваренный кофе. – Вчера мы знатно посидели в «Кларе-баре». Я ни слова лишнего не сболтнул, я был корректен и нем, как рыба, чтобы не спугнуть форель с крючка. Хотя форель напела на 300 гривен в караоке. Хорошо хоть со мной за лекцию наличными рассчитались! Теперь есть её телефон, можно позвонить – напомнить о встрече. А откажется – просто послушаю голос. Её-таки зовут Марина, надо же! И тоже из Самбора… Небольшой такой городок на польской границе. Прикольный. Там, в Карпатах, колдуньи- малфорки- испокон веку живут. И эта… Вон глазищи какие! Я как раз на портрет Марины Мнишек вчера в инете наткнулся… Эх, не повезло и в самом деле родиться в те времена …жил бы, может, уже в Европе…

…Придёт, угощу её кофе собственного приготовления. Я готовлю его просто обалденно. Из зелёных зерен. В духовке прокалишь с парой зубчиков чеснока. Для усиления запаха. С щепотью соли. Про соль вы, может, и сами знаете. Тогда пеночка такая золотая вздымается. И запах… Вываривается в трёх водах и необычайно насыщен кофеином. На чашку с десяток таких напёрстков и – небо раскроется, ангелы запоют. Так о чём я? А… Вчерашний сон. Это же не какой-нибудь Тунис занюханный или промозглая Голландия с её Красными Фонарями. Я-то царём русским был, не хухры-мухры, холера ясна. Моя Марина на зависть всем тогдашним с головы до ног в золоте и бриллиантах ходила. Если бы меня не грохнули, кто знает, как вообще история бы сложилась. Может, были бы мы давно еврочленом. И никто не пугал бы грядущим дефолтом. А так – Европа мы или Азия? Меня вот, к примеру, всё время раздирают полярности – с одной стороны я за Европу. Всё-таки их культура, главенство закона. А с другой, несмотря ни на какие закавыки, я – патриот нашей общей одной шестой. Генная память, знаете ли. Или всё дело в настройке событийной реальности? Научная картина мира зависит ведь от излучений нашего серого вещества. Истина, как известно, в том, что её нет. Даже взять сегодняшний крымский расклад. Одни вопросы – и ни единого ответа. Отдали без единого выстрела. А ведь стояло там почти 20 тысяч украинских военных, с танками и пулеметами. И что? Вещи логике неподвластные. Интрига раскручивается по всем классическим канонам. Как в «Десяти негритятах» Говорухина, помните? Разгадка вместе с режиссёром и автором появятся в последнем акте. Тогда и узнаем: Путин ли купил Обаму или Госдеп купил Путина. А может, и не узнаем. Правду ведь даже СБУ не скажет. Оно давно предпочитает вместо подлинника копию предъявлять. А история – та вовсе. Она потомкам выдает свои же собственные байки. Простой пример: толкуют: мол, убиенного царевича Димитрия на троне представлял Тушинский вор. Гришка Отрепьев.

А на самом деле царствовало царевичей-то трое, все по очереди. И каждый, вроде как, Димитрий. До сего дня, кстати, неизвестно, кто из тех троих русский, а кто – поляк. Кто мужик, а кто – боярин. В старые времена за трон бились пуще нынешнего, и также друг другу фитили вставляли.

Молодой человек с любопытством оглядел себя в зеркале. Новенькие стрейчи облегали отменно. Модный крестик в распахнутом вороте тоже смотрелся классно. Обряди в кафтан, водрузи корону – вполне авантажный царь получился бы. Под стать царице Марине.

А что? На златом крыльце сидел же не сам царь, а с царицей. Отчего бы не я с Мариной? Что наша жизнь? Игра! Сегодня ты, а завтра… Тс! Пожуём-увидим. Не будем раскрывать до срока сюжетные приемы жизни.

Сапожник? Портной? …

– Что ты нашёл в этой тюльке? – полюбопытствовал бывший сокурсник, ввалившись с утра. Проворные его глазки весело блестели над скулами генетического скифа. А стоптанные сандалии, как и вздутые на коленях штаны, приближали образ, скорее, к забулдыжным сапожнику или портному, чем к авторитетному изобретателю. Хотя создавать шедевры потребления ничуть не мешали. Его «Защиты» и «Нейтрализаторы» имели широкий спрос всюду, особенно в Крыму. Они защищали потребителя от вредных излучений окружающей среды. Хотя, не в пример другим нашим регионам, их там особо и не наблюдали.

Последние месяцы Славкина голова сотворяла нечто невообразимое. Она конструировала… аппарат материализации желаний. Славка прорывался открыть человечеству новую эру. Как в своё время русский космос. Так что на заключительный вопрос считалки *«Кто ты будешь такой?»* ответ непременно был бы в пользу всеобщей коронации. Кто бы при таких возможностях захотел остаться, к примеру, сапожником или портным?

– У тебя отдельная квартира, – мог бы и получше тёлку подыскать! – как только за девушкой щёлкнул дверной замок, выгреб он из рюкзака свои железяки. И оттого, что приятель нахохлился, счёл великодушным разъяснить свою мысль популярно:

– Не уродина, конечно. Но грудь-то! Нулевой же размер! Ладно-ладно, не куксись – дело поправимое.

Он раскинул вырезанные из «Лизы» изображения красоток.

– В материальном мире воплощается любая информация в десятой фэнтэзи-степени! Старик Эйнштейн совершенно прав: «Самое непостижимое в этом мире то, что он постижим».

И нацелился на чернявую модель, отдаленно напомнившую Марину.

– Из полей, которые витают вокруг, можно лепить что угодно.

Он с энтузиазмом прокрутил над головой спираль.

–. Посылаем мысль, как радиосигнал, туда. В пространство можно закидывать даже изображения. Механизм простой: рисуем фантом, усиливаем в несколько раз частотный ряд герц, стартуем и…

И, как заправский фокусник, щёлкнул в воздухе пальцами.

– Через пару десятков минут – готово. Где реальность, а что нам только кажется, не различит даже мадам Бехтерева.

Самоуверенность бывшего сокурсника задевала всегда. Мало того, что, несмотря на задрипанный вид, он каким-то образом уводил девок, так ещё и по Ялтам–Гурзуфам раскатывал, будто по собственным дачам. А ведь в институте был так себе… серенький, вечно курсовые списывал.

– Займёмся кройкой и шитьём! – словно и впрямь заправский портной, резанул он огромными ножницами по листам из «Лизы». К изображению тёмноволосой модели приставил обалденный бюст белокурой блондинки. К поясу блондинки – стрекозиный объём шатенки. И, отбросив в сторону облупленный портновский инструмент, переключился на ноги. Ноги по вкусу не пришлись ни у одной.

– Мля… не то… Но не беда! Вот представь себе: лимон. Жёлтый такой. На блюдечке лежит… Ты его ножичком на кружочки, а он пахнет. Чувствуешь, как рот слюной наполнился. Ну-у-у… Мысль телом управляет, идея. Голограмма возникает ещё до появления целостного организма. А ты говоришь!

Димка как раз молчал. С того момента, как Марина скрылась за дверью, – он и рта не раскрыл. Есть две категории людей: одни, войдя в комнату, воскликнут: «О, кого я вижу!». И прикинут, стоит ли задерживаться. А другие с порога заорут: «А вот и я!». И уже присутствующим решать, не пора ли убегать. Славка относился ко вторым. Даже кофе наедине с Мариной попить не удалось! Этот жук явился – не запылился и с первой же минуты не спускал глаз с Маринкиных коленок.

– Люди на протяжении жизни запечатлевают себя в многочисленных фантомах! – вешал он ей лапшу на уши, наматывая круги по комнате. – И каждый из этих фантомов хранится в банке Вселенной.

– Что такое эхо? Шумы, – упёр он свои щёлочки в её соблазнительно выгнутую стопу. – Любое материальное переходит в идею. И наоборот – идея – в форму. Например, в четырехлапую. – Славка бросил ей на колени моего котёнка. Нечисть иногда служила кроликом в его экспериментах.

– А можно – в звук. Это, как в радиоприёмнике, помехи в сигнале. И всё оно одна и та же сила. Из неё хоть Иерихонские трубы создай. Хоть Пизанскую башню, хоть Ватикан с его папой. Что захочешь, то и сотворишь. Как Бог!

– Ну, я пошла, – вдруг сказала Марина буднично. – Мне ещё в магазин надо…

Погладила котёнка, накинула дождевик и, оставив изобретателя с открытым ртом, вышла. В гулкую пустоту подъезда. В серую мглу двора. В сетку моросившего дождя, где под козырьком балкона толклись

взъерошенные голуби. И только Нечисть радостно гоняла по комнате забытое Мариной колечко …

Да… Непростое дело в жизни – понять, какой мост перейти, а какой сжечь.

– Ты что, меня не слушаешь?!

Голос приятеля манифестировал нескрываемое неудовольствие. Будто именно ему нарушили какие-то важные планы. А не наоборот.

– Я о деле толкую, а он… Мы сейчас дюжину таких Марин сварганим!

Оказалось, на повестке дня испытание нового аппарата. Аппарата исполнения желаний.

Он подключил к питанию какую-то небольшую фитюльку с рычажками и тумблером, выставил параметры сигнала. Вообще-то, в им же написанной инструкции я прочитал: включать в полночь. И обязательно с молитвой, чтобы ненароком не развоплотиться.

– Брось! Это для лохов! – успокоил он с видом знатока. И врубил мощность.

Кто ты будешь такой?

Если честно, в первые секунды мне очень даже захотелось расщепиться, подобно атому в парадоксе Эйнштейна-Подольского–Розена. Чтоб одна моя часть, та, на которой, возможно, когда-то держалась корона, укрылась в шкафу, а другая пусть уж летит в трубу. Или в туннель, как пишут в популярной прессе. Но …ничего не произошло. Успокоенный, я до отказа надул щеки, сделав вид, что ничуть не испугался. Однако не успел даже мимику вернуть в исходное положение, как с Маринкиным колечком во рту на аппарат вихрем вскочила Нечисть…

Нет, не посчитайте меня сумасшедшим. Мы даже не пили. Но настала полная шиза. О ней, кстати, рассказывать дольше. Случилось же всё в доли секунды. Может, мир всё-таки не спиралевидный, а круглый? Но внезапно он, будто мяч на волне, подо мной закачался. Потемнело, хоть за окошком стоял день-деньской, и я ощутил, что лечу вверх тормашками! Я читал кое-какие отчеты про телепортацию и телекинез, но никогда не связывал это с непосредственными ощущениями. Не исключено, что подобные явления объясняются способностью человека возмущать физический вакуум вблизи предметов. Вполне правдоподобно и то, что возникают при том всевозможные поля и силы инерции. Но как объяснить, что прямо перед моими глазами сначала улыбнулась! морда Нечисти?! А потом… нет, вы не думайте, я не свихнулся. Но! Нечисть прямо на моих глазах… трансформировалась в … Марину. Стоит она себе на столе с колечком в зубах и гордо так посматривает на нас обоих. В тех же джинсах, только ещё капельки дождя на волосах, будто царская корона, лучатся… И сама как бы раздваивается, накладывается одна на другую, как трёхмерная фотография не в фокусе… Впрочем, Марина-то Марина, только какая-то другая, совершенная! Прямо Марианна. Грудь – размер пятый, не меньше. Да ещё сквозь неё электроны явственно бегают. Вынула колечко изо рта, надела его на палец и – то так она повернется, то этак – прямо модель на подиуме. В поясе тонкая – того гляди переломится. И вроде как… хвост у неё. Точно – хвост! И вся, что ёлка в новый год. То ли правда – самоцветы, то ли аура… На лицо – вылитая Мнишек с портрета в интернете. А учитывая хвост и то, как появилась – Королева Зазеркалья! Вот, опять улыбнулась. И вроде, кошачьи усы над верхней губой топорщатся. Чеширский кот в юбке. В джинсах, вернее. Кошка. И, по-моему, очень даже интересно ей, что здесь происходит. Нельзя ли нас утащить в свою зазеркальную норку.

«Уматно!», – подумал я, прикидывая, как бы уговорить дружка оставить приборчик на недельку-другую. Я бы на своё имя запатентовал. Как-никак, возможность засечь подобное искривление пространства-времени в учёном мире пока лишь в попытках. А тут – такое! Запатентую и – в Европу. С Марианной. Если не к немцам, то к полякам – в Польшу и вообще просто. Может, про это мой сон и толковал… Впрочем, если уж всё равно место жительства менять, то лучше к морю, в Грецию, например… «Не у нас» вообще для жизни как-то комфортнее. Что ни говори, а всякое типа интернет, лифт, да те же стиралку и холодильник не в СССР придумали. Хотя гениев у нас навалом. Тот же математик Сережка Брин. Он-то даже не в Одессе родился – в Москве, а ведь реализовал себя только с той стороны границы, в Гугле. И сейчас мировую славу имеет. На нашем бы пространстве – фигушки! У нас таких Бринов – завались, даже вон Славка. А я бы… О, я бы с таким подспорьем, как его аппарат, смекалку-то проявил! Вот не говорят у нас о цене евроинтеграции! А я как раз узнал, что она обязывает Украину чуть ли не в течение года перешить всё железные дороги на европейский стандарт. А? И за это же время промышленность должна перейти на те же, на европейские рельсы. Так я чойт сильно не понял? Те предприятия, которые не перестроятся (а я уверен, что их большинство) не смогут и продавать свою продукцию? Даже в Украине? Закрадывается крамольная мысль: а может тот же наш враг ВВП и есть наш лучший друг? Может, именно он и спасает нас от наших самых «липших корешей»? Хотя бы по частям? И, самое главное, от нас же самих! Потому как боюсь я, что самый главный наш враг – мы сами. Хотя бы из-за сланцевого газа, на который мы собрались дружно подсесть. Он всех нас и повырубит под самый корешок. Без всякой войны… Так вот я и говорю. Будь этот аппарат моим, я бы, наконец, узнал, кто я такой на самом деле. У меня ведь сейчас судьбоносный вираж верхом на Юпитере. Даже из Одессы не нужно срываться. Думаете, если Россия под боком, так уж и не выйдет ничего? Ещё как выйдет! С помощью Славкиного аппарата я и Одессу сделаю Ватиканом. И что нам Россия?! Ватикан – это свобода, независимость и абсолютный суверенитет. Ни правого – ни левого, ни сектора – ни правительства, ни кучи долгов МВФу. Так что очень даже выйдет. Надоели мне наши убитые дороги и загаженные парадные! И все эти войны информационные надоели. И Тахриры. Гм…

– Ничего особенного, – вернул меня в действительность голос приятеля. – Создаем визуальный образ, идею. В определённую точку посылаем пучок тахионов. И охватываем им нужный объём пространства. Фантом, как ты уже понял, строится из микролептонного газа. Так что теперь этих марин-катерин можем клепать сколь твоей душе угодно. Одну за другой, другую за третьей. Академик Грабовой, пожалуй, именно такое и удумал, когда деньги брал под свои воскрешения!

«Может быть, может быть… «?» … – твердил я, всё ещё в мыслях про Ватикан. Но при этом, не отрывая глаз от Марианны. Шикарная получилась… Интересно, если её потрогать, рука пройдёт насквозь?».

– Ладно, ты пока испытывай, а мы пойдём, – объявил вконец обнаглевший дружок. И к моему бесповоротному разгрому, подхватил вполне весомый, судя по напряженности его мышц, мираж красотки. Причем, я заметил: она была тому рада! О, женщины!

«… мне только на секунду покажется,
Что я промелькнул,
А на самом деле мгновенье остановилось…»

И они… ушли. Без дождевика и зонтика. В дождь. Я же остался один. Нет, не один. Где-то совсем рядом со мной бродила «шиза».

…А все-таки?..

Он тупо смотрел на прибор. Стрелка индикатора всё ещё качалась в диапазоне 7-8 миллиметров. В радиочастотах.

– Ну да, – вынужден он был, в конце концов, признать. – Человек – открытый резонансный контур. Точки акупунктуры – биологический волновой диод. А мировой эфир состоит из свободной информации и виртуальных фотонов. Любой живой объект лишь форма, созданная информацией и электромагнитными полями. И строится по матрице, являясь её точной копией. Как цыплёнок в яйце. Реальность, таким образом, оказывается, как бы расколотой надвое и параллельной. Создать трёхмерный образ искусственно – вполне допустимо. Это значит, можно создать и ещё более совершенную Марианну, и даже, наконец, идеальный мир, о котором мечтал Кампанелла.

– Ой, не заморачивайся, – зашебаршила в мозгах обратная Тейваз. – Хватит и Марины. Все великие дела вершатся на уровне спальни.

И желчно рассмеялась.

Я тоже хихикнул. В Ватикане есть роскошные апартаменты Борджиа – папы Александра VI. С обалденной спальней. В интернете видел…

– Не морочь голову своим Ватиканом, – рассердилась руна. – А ну – пшёл в инверсию!

II.

– А что это за звуки, вон там? – спросила Алиса.
– А это чудеса, – равнодушно пояснил Чеширский Кот.
– И… И что же они там делают? – поинтересовалась девочка.
– Как и положено, – Кот зевнул. – Случаются.
Л. Кэролл. Алиса в стране чудес

Пустота-а-а– 000000… Мир пускает пузыри000.

Плаваю в невесомости00000000…Не пойму – я в теле? Или в духе?0000 Ни света, ни тьмы-ы… 0000Хорошо там, где все ясно…00000 А здесь – ЧТ00000? Я вообще-то хорошо плаваю00000 Но тут00000 Непривычно00000

То ли химера, то ли человек с копной золотых волос плавал, как и я, в пустоте. Глаза его были прикрыты. Он встречался с самим собой. Кто он? Поэт? Молодой Пушкин? Блок???

– *«00000 ПРОНОСЯТСЯ МЫСЛИ…*
Я бы умер давно, но они появились00000, – вдруг завис он возле меня.
– 00000 тебя укачали воздушные волны00000
000лодка и бары, и битые стекла»…

Звук его голоса самым необъяснимым образом резонировал. Альтовый регистр? Стихотворные строки повторялась нескончаемо. Эхо? Я не знал, что в Пустоте такое возможно. Наверное, здесь работали другие физические законы.

– Ничего себе! – устремился я вниз. Если, конечно, можно назвать низом или верхом то, что меня окружало. Белёсая мгла Пустоты никоим образом не располагала системой координат. Она просто была. Витали в ней сгустки слов, полупрозрачные образы, идеи. Одни из них выглядели четко, будто на экране. Другие имели вид анемичный и напоминали весенние ростки картофеля. Были и такие, что как рыбы, свободно и весело кувыркались надо мной и подо мной. Наверное, это были мечты влюблённых.

Она возникла из ниоткуда. Вдруг – р-раз! И нарисовалась.

Её одежда (почему-то из морского котика!) до самого низа была расшита замысловатым узором из ракушек и цветных нитей. Открытыми оставались лишь носки сапог. А массивный, до бровей, капюшон затенял лицо. Маскарад, на мой взгляд, донельзя чудной. Но я почему-то сразу понял, что это Марина.

И не та Маринка, которая встретилась мне вчера на Приморском, а Мнишек собственной персоной. Я просто уверен был, что это она. Более того, самым удивительным образом я ощущал себя влюблённым в неё по самые уши. О, эти огромные сливовые глаза малфорки (это такие колдуньи карпатские). Когда царицу заключили в монастырь, стражникам запретили в них даже смотреть.

– Привет!

Я сконфузился. Наверное, и категории времени здесь переплетались – подобным образом со мной могла бы поздороваться только современная девушка. Или я вообще попал в единство времени, места и действия? А может, в этой виртуальной точке их сосредоточения фокус внимания, поворачивался вовнутрь, выходя наружу в каком-то другом, не совсем адекватном виде?

– На днях я заварила одно выгодное дельце, – не дала она мне времени на раздумья. – И ты как раз кстати. Будешь указы подписывать.

– Указы? – растерялся я. – Какие указы?

– Царские, – резко отрубила она, и я подумал, что, не окажись эта особа в своё время заточенной в монастырь, Россия, пожалуй, таки стала бы Речью Посполитой!

– Не обращай внимания – поняла она мою оторопь как-то иначе. – Я нарочно приняла вид алеутки.

Она сообщила это с самым беззаботным видом. Я попытался мысленно нащупать связь между коренным населением Аляски и амбициями юной польки.

– Ну да, – ничуть не смущаясь, подтвердила она. – Иначе бы они за мою идею не проголосовали. Я всё-таки самодержица российская, – недовольная моей непонятливостью, пояснила она. – А продвигаюсь в сторону Северной Америки.

– Не понял… – пробормотал я. – Причём Америка?

– Ты очень ограниченный, – объявила она с явным разочарованием. – Великая идея посещает народы по очереди. Был могучий Вавилон, был справедливый Рим, была прекрасная Франция… Сейчас очередь Великой России. Я – её самодержица. А всем блудным полуостровам пора восстановить статус-кво. Я и убедила население Аляски написать Петицию в Белый дом с требованием свободы. 100 тысяч подписей – и вопрос будет решён. Там же, говорят, демократия. Народ хочет – народ получит!

– Аляска давно продана американцам, – рассмеялся я.

– Да, транжиры Романовы продали мою землю, – нетерпеливо согласилась она, глянув на меня из-под своего ку-клукс-клановского капюшона с невероятной суровостью. – Но я её верну. Английский барк «Орни» утонул в Балтике вместе с золотом! Но! – Она ткнула в меня указательным пальцем с многокаратным бриллиантом. – Если золото в казну не пришло, значит, сделка не состоялась. Ведь так?!

Обалдеть! Взбрело же в голову!

– Пора вернуть, – надменно процедила она сквозь зубы: – Попользовались – и хватит!

– Этого нельзя делать, Марина! – вконец всполошился я, не зная, как объяснить старозаветной царице простые, с точки зрения современного человека, вещи. Штаты-то зубы точат на Россию давно. У Штатов и России, как у двух котов, при виде друг друга загривки дыбом встают. Разборкам скоро век, а они только разгораются. Ещё в сентябре 92 у входа в Кольский полуостров опять столкнулись. Две противолодки атомоходы. Новейшая «К–276 Кострома» и дорогущий современнейший флагман «Батон Руж». Что занесло его на Русский Север – иди-знай, но после российского приёма, «Батон-Руж» списали на металлом. Однако мир от гибели был на самый тонкий волосок. А российский «Курск?». Помните громкое расследование? Говорят, это именно янки бабахнули подлодку по торпедному отсеку – прикрывали своих. Перед тем их подлодка как раз врезалась в «Курск». Не уладили бы дело дипломаты… Сегодня мир спасает лишь новейший русский комплекс С-400. Всякие невидимые подлодки ещё, да и русская гордость «Хибины-У», что глушит вражеские радиоэлектронные сигналы… Против них у Святого Эмерика пока ничего нет. Но их ребята из НАСА тоже, конечно, не промах. Они показали товарищу Рогозину некоторый палец и взялись за одну совершенно фантастическую штуку – космический корабль на сверхсветовой скорости!.. Вот только не знаю, представляют ли они, пусть даже отдалённо, какие энергии нужны для их «пузыря Алькубьерре»?! Впрочем, будьте уверены! От удобного повода пободаться с русскими они не откажутся! Украина меж двух этих атомных монстров даже не пешка в шахматной игре... Две ядерные громадины и по Европе с её дворцами да парками сапогами прогрохочут – не заметят…

Марина с мгновенье смотрела на меня недоверчиво, прикидывая, чем бы суровее наказать ослушника.

– Не пойму! Царь ты или не царь?!

– Короче, не буду я ждать решения Белого дома! – вдруг сердито объявила она без всякого видимого перехода и вытащила из-за пазухи четырёхугольное зеркало. – Видишь? – Она помахала им перед моим носом. – Как только в зеркале покажется будущее, оно станет неизбежным. И тогда я Аляску верну! Между прочим, не только Аляску. Я и Гавайи назад заберу – они ещё в 19 веке были русскими!

И, забыв обо мне, она стала вглядываться в льдистую муть зеркала. В резной раме что-то неотчетливо замелькало. Похоже, фокус внимания Марины, как если бы это были мальки в аквариуме, втягивал в себя всё, что попадалось на пути: идеи, мысли, даже образы. Я почувствовал холодок между лопаток. Бесконечность пространства в зеркале можно было выразить гипнотичным значком в виде восьмёрки. Где всё тот же конец и то же начало, как в петле Мёбиуса, крутились безостановочно, являя собой параллельные вселенные. Учёные насчитали бы их бесчисленное множество. Эта петля являла собой некий путь без пути. Интересно, получится ли перейти по так называемым червоточинам времени? Похоже,

чтобы выйти на новый виток, нужны усилия сходные с усилиями горы, которая бы двинулась к Магомету. Наверное, даже самому Магомету из здешней центрифуги вырваться было бы непросто. Странноватое состояние, с привкусом идиотизма. Что-то вроде зеркального лабиринта, где ищущий утраченное подобен человеку, в нём заблудившемуся. В этом фантасмагорическом кувырке лежала совершенно головоломная казуистика мысли.

Ау, Марина!

– Маринаааааа! Что значит отнять у Америки Аляску? Это же их ядерный плацдарм. Это не Крым у ногайцев. Тут и до Третьей Мировой недалеко.

– Ой, скажешь тоже, – увлечённая процессом поглощения, кинула она через плечо. – На Земле и так 7 миллиардов копий, их всё равно не прокормить. Мир идей куда совершенней! Ты не в курсе, что материя вторична?

Я изо всех сил пытался сохранить невозмутимость – в каких-то важных для себя моментах женщинам лучше не демонстрировать свою заинтересованность.

– Марина! Да зачем тебе холодная Аляска? Махнем лучше в …Ватикан.

Я был готов пожертвовать своей идеей насчет его одесской версии. Пусть уж Ватикан остается, где есть. А Одесса и без папы – мама! Я же и в Ватикане неплохо проживу. Когда и где одессит пропадал? Сливовые глаза, стройные лодыжки Марины положат карликовое государство на обе лопатки. Ведь постные служители культа граничат с темпераментной Италией! Я представил её топлесс…

– Ты будешь ходить в бикини, Марина! Вокруг – четыре моря! А у тебя красивые ноги! Хочешь – в Адриатику? Или тебе Ионийское по нраву? …

– Хочу Аляску! – заупрямилась она. Там золото, меха, там нефти четверть мировых запасов. Я буду, как сыр в масле, кататься. А что Ватикан?

– Там дворцы, сады. Там фрески Рафаэля! И росписи Винчи! … – убалтывал я несносную царицу.

– Ты же католичка, Марина! – выкинул я из рукава, как мне казалось, решающий козырь. – Будешь Папессой. Хочешь быть Папессой?

Она расхохоталась.

– Бога придумали те, кто боится за тело. А что – тело? Я и так могу получить какое захочу. Могу стать вороной. Тем более, я ей уже была и меня чуть не съела кошка. Могу стать кошкой. Даже твоей рукой. Или ногой. Представь: ты делаешь шаг вперед, а я тебя волоку назад!

И она покатилась со смеху.

– Идея бессмертна, – заявила она, утирая слезы, выступившие в уголках её лиловых глаз. – Всё решает мир идей! А он – однополярный! Понял?! Что мне Господень Престол, когда я сама Бог?!

– Следуй за мной немедленно! – скомандовала она вдруг из глубины зеркала, где уже растворились её зарукавья. – Слышишь, царь! Или уже не царь?!

«*Царь, царица, король, королица…*» – насмешливо затрындела внутри меня руна. – Включай, наконец, свои дурацкие сентагоны, глупый царь! Это шанс!»

И, как воробья за хвост, ухватив растворявшуюся Маринину усмешку, поволокла меня в клубящийся туман, который слизывал всё вокруг, как котёнок молоко.

И тут я понял, что влип. Право же, я вовсе не из тех, кто ради женской прихоти лезет на рожон. А расклад получался серьёзный, не сапоги всмятку. «Однополярный мир, однополярный мир»… Моё наваждение, как корова языком слизнула! (Полярности по отдельности не существуют! Хоть положительный и отрицательный заряды – абстракция физиков, как бы мы без них объясняли физические процессы? А?) Марина… Она всего лишь голограмма, копия. Той материальной Марины, что правила в одну из наших традиционно смутных эпох. Условная составляющая. Игра нулей. Зомби воспалённого воображения! Тсс! Не к ночи будь сказано.

Бежать, улепётывать огородами, пока не поздно!

– Ку-уда?! – магнием осветилось вокруг.

Ну вот, не успел! Теперь останусь в этой чёртовой петле Мёбиуса, буду крутиться с начала в конец и опять в начало: кто последний, я за вами. Вы первый? А последний – кто?! Последних нет – все первые.

Она зло смотрела на меня из своего четырёхугольного омута. И – ёлки зелёные! Почему-то на сей раз была в стародавнем русском наряде. Как тогда, на коронации. Роскошная. *«На златом крыльце сидели царь, царица, король, королица…»*.

– Ты предал меня?! – Шнурки бровей царицы грозно сдвинулись.

Час от часу не легче! Уже какие-то новые дела! Ну и влип я с этим Славкиным аппаратом, будь он неладен.

– Что ты такое говоришь! – на всякий случай счёл нужным я оскорбиться. – Очередное явление разгневанной дамы хоть и напугало, но я-то помнил – по сути, она лишь плод моего воображения. К тому же, я всё-таки успел удрать от её идиотского тезиса про Аляску.

– Это ведь я предоставил тебе русскую корону, – впрочем, напомнил я подчёркнуто разобиженным тоном, с опаской наблюдая за её лицом. В моём положении шутки, пожалуй, плохи – мало ли что малфорке взбредёт в голову.

– Ты сбежал! – взъерепенилась она по-новой. Похоже, эта очередная её копия, и в самом деле, ничего не знала про Аляску. Спасаясь от прошлой Марины, я, наверное, попал в другой временной слой.

– Да не сбежал я, меня предали!

– Предал, бежал! И не юли! – капризно выгнула она бровь.

– Ты спасал шкуру, Дмитрий. Ты даже челяди не приказал защитить меня. Как следовало бы культурному человеку!

– Ха-ха-ха, – расхохоталась она вдруг. – О какой культуре я говорю! Твой двор даже вилку впервые увидел в моих руках! На свадебном пиру! Вы испокон веков ели руками! Вас, пещерных дикарей, давно следовало бы завоевать и ассимилировать! Вы только и умеете, что на кол друг друга сажать и добро отнимать друг у друга!

– У меня были минуты на спасенье, Марина! Меня предали!

– У вас предательство в крови. Меня предавали и после тебя, – не слышала она моих слов, накаляясь всё больше, будто кто-то вливал в неё горящую смолу. – Я-то тебя пощадила, не прокляла. Лежал ты на земле растерзанный… Ваши каннибалы могли тебя и на костре зажарить. И сожрать!.. В этой холодной жуткой стране они меня императрицей называли, челом мне били, кланялись и молитвы пели, а потом взяли и выдали сволочам-Романовым… А казаки яицкие? Они на кол посадили единственно преданного мне атамана Заруцкого… На сыночка моего Ванечку удавку накинули. Не посмотрели, что ему от роду и четырёх годков не минуло… И прокляла я все колена Романовых! И землю вашу прокляла. И семя ваше поганое! И ушло из этой земли счастье. Только кровь и предательства остались. ПРЕДАТЕЛЬСТВА И КРОВЬ! Предавали жены мужей и матери детей. Предавали друг друга друзья и соратники. Предал Мазепа, предали Мазепу, предал Хмельницкий, предали Хмельницкого… Ваш мир погряз в предательстве, его уже не остановить! И не уйти из этого круга никому!

– «Никому!» – злорадно подтвердила внутри меня руна, брякнув сентагоном, как мечом. Зеркало взвизгнуло и разлетелось в мелкие кусочки.

Я… нет, не я, та спиновая пространственная структура, что представляла в Пустоте мой информационный сгусток, инстинктивно зажмурилась. А когда глаза открылись… С хрустом вздымался снег под копытами лошадей. С гиканьем и весёлыми возгласами гнали зайца разудалые конники. Впереди мчался рыжеволосый крепыш в малиновом полукафтане. Пряча в усах загадочную улыбку, его обогнал стремительный ногаец. Вдруг белый конь татарина вскинулся на дыбы… Что-то знакомое почудилось мне в щелочках глаз поравнявшегося с ним рыжеволосого. Где-то я его уже встречал. Ну да. Крутые скулы, мощные руки…

Точно! Я опять сплю, – подумал я с радостным облегчением. Сейчас проснусь и поверну эту мозговую сумятицу в нужную мне сторону! Зачем Богу домик у речки, если он живёт на берегу ВСЕЛЕННОЙ! У меня же Славкин аппарат! Стоит только решить, куда рулить. Останусь, например, в Украине и верну ей Крым. А может, окажусь в Европе – перелечу в Ватикан. Что делать мне в России XVII века? Смутные времена, дикие нравы… Ногаец, наверняка, небезызвестный князь Урусов. А этот рыжеволосый? Очень на Славку похож! Ну да! Он и есть Тушинский вор, Дмитрий II… Сволочь… Это его супругой, моего двойника тогдашнего, стала она после того, как я попал в лапы растерзавшей меня толпы. Растерзали разве?!…Я же убежал, я не дал себя убить. Значит… Значит, свою историю я уже изменил! Ну конечно! Я изменил свою, а значит, выправил и Маринину историю! Я даже мир, наверное, избавил от её проклятия! Она ведь забыла про Аляску!

Я смотрел на ногайца. Я мог помешать ему. И тогда, наверняка, перелицевалась бы концовка тех давних событий. А вместе с ней и наша с Мариной! И, может, мы с ней царствовали бы до конца дней в самом что ни на есть материальном мире и передали бы престол детям, а они внукам…И сейчас наши потомки, возможно, представительствовали бы в ЕС, куда мы так стремимся… И не крутились бы мы в нескончаемом колесе одних и тех же следствий? Всё, что когда-то запеленговало торсионное поле, в итоге проявилось бы иначе…

Даже не мысль, а её тень. Как бы легкое прикосновение этой тени остановила меня на мгновенье. – «А на что мне Марина! Таких Марин я смогу клепать себе каждый день с десяток!».

Это пронеслось в моей голове со скоростью света. Вы же знаете, фундаментальная физическая постоянная скорости света в вакууме – 299792458 м/сек. На земле ничто не движется так быстро. Хоть НАСА и представили проект нового космического корабля, который будет летать быстрее. Но на планете никому из учёных ещё не удалось даже электромагнитное поле разогнать до сверхсветовой скорости.

– Пускай он его убьёт! – совершенно отчётливо отпечаталось вдруг в моём сознании. – Не хочу, чтобы этот рыжий урод обнимал мою царицу! Хватит того, что он увёл голограмму!

…И я отвернулся. Не пристало человеку XXI века смотреть, как под ударом ногайской сабли отлетает голова соперника!…

III.

– Человек! Не хоти для себя ничего.
В. Пелевин

Обожаю готовить. Возня на кухне так здорово снимает стресс! Достал курицу, назвал её Мариной, отрезал, на фиг, всё, что захотел и медленно опустил в кипяток. Пусть булькает. Как-то даже полегчало.

В мусорное ведро Славкин аппарат!

Мысли большей частью зависят от инстинктов. А праздный интеллект, кроме заблуждений, не производит ничего. Что такое – наш мир? Всего лишь бублик, карусель, детская считалочка: *«На златом крыльце сидели»*… Крутится карусель то выше, то ниже – и ты то царь, то сапожник. Надо просто удержаться в нужном положении. Всё, что мешает – *по* боку. И, кстати, эту чертову Нечисть – во двор – дождь кончился. Марина? Ушла и – слава Богу – мыслям свободней. Свобода – это когда ты никому не нужен и тебе никто. *«На златом крыльце сидели…»*. Опять эта чушь в голову лезет. Стихи, кстати, тоже анахронизм, игра нулей. На хрена попу гармонь, коли от неё крышу сносит?

Господи! А вдруг она-таки зафиксировала ту свою идею в зеркале?! Что тогда?!

«*Ебс-сь, ебс-сь, ебс-сь*», – победно расхохоталась руна в области третьего глаза.

УМА-И-СОН

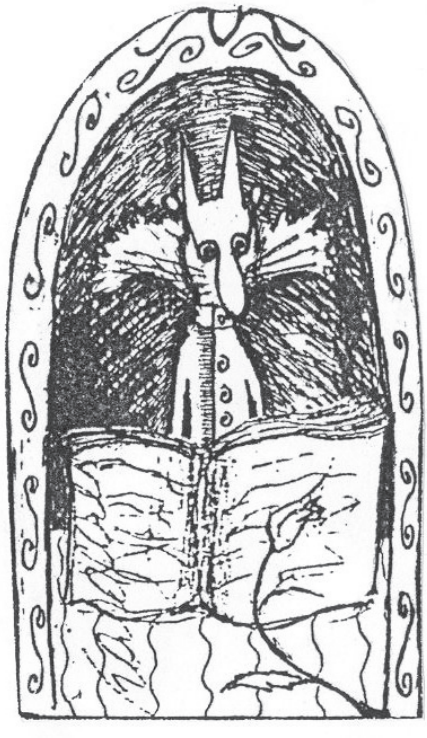
СТИХОДИКОБРАЗИИ

Из циклов
«БЕСЕДЫ О МОРЕПРОДУКТАХ», «МЕТАМОРФОЗЫ СУЩЕСТВ И ВЕЩЕСТВ»

При изготовлении этой книги ни одно животное не пострадало

ЛЕЧИЛКА

Лечись, лечись, *люли-люли*,
Ни у кого не боли –
Ни у медведя, ни у волка,
Ни внутри, ни около,
Дуй – дуй на ваву, дуй
На скатерти и в пруду,
Ни с кого беда, ни на кого не переходи,
Человек ли, зверинка, ухватка ли дикая,
Люли-люли, люли-люли,
Ни у кого, ни у кого не боли!



КРЕНДЕЛЯ

БАЙКА
В фуфайке из байки однажды БАбайка
Со мной покаталась на новеньком байке.

Спать бабайки не ложились,
В платья новые рядились
И писали: «ба! бу! бя!»,
Чудо-буквы выводили,
Выводили из себя:
«Колдуй баба, колдуй дед,
Колдуй серенький медведь»,

Охраняли от пожара,
Наводненья и кинжала
Чудный книжный магазин,
В хороводы собирались,
В бусы ярки наряжались
(С пол-одиннадцатого).
Кренделями шли, кадрилью,
День не ели, два не пили,
Ну и что же,
Знает школьник и детсад:
Книга – самый лучший брат.
(Помни тоже).
«Колдуй бабка, колдуй дед,
Колдуй серенький медведь».

УДОДЯТ

Удоды на фабрике завелись.
Удойным удодством удодят жизнь.

ВИТАМИНЫ

Слава витаминам, бегущим к нам – не мимо.

КОТОФЕЯ

На далёкой кошачьей планете,
Где и в полдень звёзды видны,
Кувыркаются кошки, как дети,
(Не как разные кабаны).

К самым странным из них, из Музея
Прилетает сама Котофея.
Прилетай, Котофея, и к нам,
Мы готовились к этой встрече,
И читали книги под вечер,
(Не давали копать кабанам).

А на нашей, не близкой планете,
Где у каждого разные сны,
И за сказку никто не в ответе,
(Мы не сделались кабаны).
Потому, прилетай, Котофея!
Потому, прилетай, Котофея!
А-а, а-а!.....

КТО ДОЛЖЕН?

Бывало по вёдрам, а то вверх стены
Ходил кот мой бодро без чувства вины.
Зачем, не пойму, гражданин огорчён,
«КОТ ДОЛЖЕН! КОТ ДОЛЖЕН!» –
Твердит, как речёвку?

КОТ УРЧАЛ

В колотильник кот стучал
Чтоб его я покачал,
И мычаньем огорчал
Пожилых односельчан.
Говорю им, вы услышьте,
Как красиво кот мой дышит,
Это вам, поди, не чайник
И не радиовещанье,
Не придуманный начальник
И не треп без окончанья,
Даже и не крокодильник,
Не кухонная прядильня.

Пригодится кот родимый –
Колыбельник и будильник.

ПОС**ЛУША**ЕМ ПРО ЛУКЕРЬЮ

Про Лушу котяшку послушайте, что ли,
Такое не станут рассказывать в школе.
Селилась Лукерья в избушке из меха,
(Куда и не всякий-то может доехать),
Где резво порою ловила уклейку,
Загнав равнодушно её под скамейку,
Пугала болонок, встречающих лаем,
Бросала в часы анальгин с балалайкой,
Щадила креветку, цветы защищала,
Прохожим улыбку дарила на счастье.
Она в кителькe и в матроске пригожей,
Она не скучала и в обществе ложек:
Помыслит, бывало (а мыслей без счёту),
Возьмёт в собеседники т*о*тчас кого-то,
Придуманный кто-то ей тут же ответит,
Беседуют, мило бывало… Медведи
Проходят, и всяк поцелуи пошлёт ей,
За ними кроты, комары, уксолотли,
Летят пароходы, дымят самолёты,
И рыцарь коня снаряжает в походы,
Инсекты жужжат, сплюшки спят на афишах,
И спутник космический реет над крышей.

КАМБАЛА КАТИЛАСЬ

С горки камбала катилась
Во все четыре стороны,
Птица в небе восхитилась
Камбалой задорною,
Сильно камбала пылилась, –
Мало ль так катиться, –
Сколько зданий повалилось,
Знают только птицы.

ОТСУТСТВИЕ УСТРИЦЫ

……..

МЕДЛЕННОСТЬ КАРАКАТИЦЫ

Выходи, не гуди, каракатица,
Сколько можно в камнях каракатиться?!
Уже спутники все возвратились с орбит,
А ты только примерила платьице.

СЕМЬ ГОЛОДНЫХ ПОЭТОВ

Семь голодных поэтов вошли в гастроном
Любоваться морепродуктами.
Инфузории прыгали за окном
И охотились на кондукторов.

Семь голодных поэтов помчались гурьбой,
Позабыв про овощи-фрукты,
Потому что важнее на свете – любовь.
И спасли изумлённых кондукторов.

На летящем трамвае кондуктор повёз,
У аптекаря взяли фонарь они.
Вдохновение всех довело до слёз,
Больше, чем в дорогом пингвинариуме.

КРУГОВОРОТ ЗВЕРЕЙ И РАСТЕНИЙ В НАРОДЕ

Успокаивал вомбат себя укропом,
Постепенно застолье сменялось галопом.
Стал укроп предлагать поменяться местами,
Чтобы завтракать вомбатом беспрестанно,
Ну а тот – быть опять укропом евойным,
И когда со стола посмотрел укроп
На меня, я сказала ему: «довольно!
Все свободны». И встала скромно.
И решительно.

ЗООЛОГИЯ

Звери не нуждаются в парфюмерии –
Они и так красивые.
Можешь сам подойти и проверить.
Посмотрел – обратно, в лес отнести их.
Не веришь зоологу – скорей присмотрись,
Не будет зря мимо ходить столько дней,
Фауна – не тамагучи тебе и не тетрис:
Нет батареек в ней.

ЕВСТАФИЙ

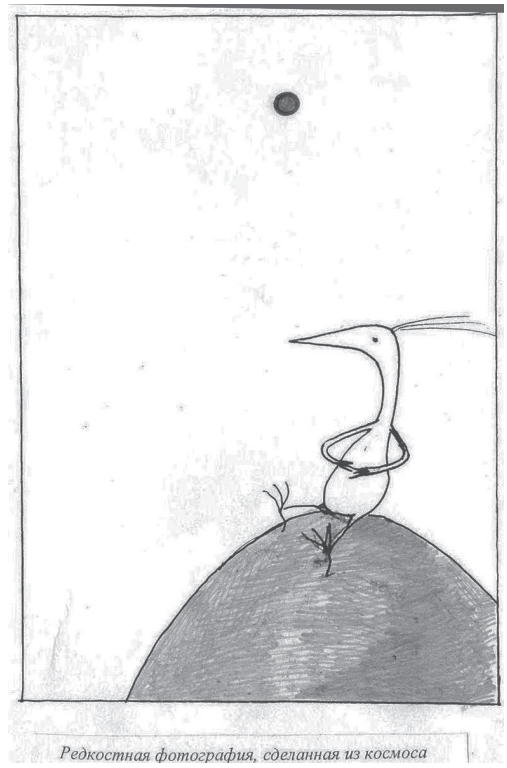
Евстафий в козах ценил серьёзность,
Даже когда в бигудях эти козы
Правду искали в повозках и в позах,
Даже когда сардины в мороз
Ходили к реке в картузах в полоску,
Даже когда бывал под наркозом.

КАЛЯКИ-МАЛЯКИ

Уму непонятные знаки
Чертили в пруду бурбуляки,
Во всей выступали красе.
На небе взошли зодиаки.
Прочтя те каляки-маляки,
«О, Азбука!» – молвили все.

В ЗАПАСНИКЕ

В запаснике естественном
Копились звери группами,
Ходили там учёные,
(Один из них в тулупе был)
Глядел учёный бережно
На флору и на фауну,
Не странно это, не грешно,
И не смешно подавно.



Редкостная фотография, сделанная из космоса

Во мшанике запрятались
Диковинные существа,
Учёный их приветствует –
Меж ними пролегла трава,
……
Сказал он: «!Ух!», сказал он: «Ох…»,
Спросил: «Что беспокоит Вас?».
Он наложил на них тулуп,
И запретил им ананас.
«Не ты, не ты ли Айболит ?!» –
Спросили существа всерьёз.
«Я ли? Не я… Метеорит
Летит над ними! Ваш вопрос
Мне интересен, погодите,
Я в этом плыл метеорите».

Что было дальше, знать ли нам?
Домыслить можем лишь, друг мой.
Подумай сам, подумай сам,
Мой собеседник дорогой.

Письменное перо выдрано Прасковьей в меланхолии у птиченьки со страницы 31

ДОСТОВЕРНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О КАРАКУМБЕ

Во лесах – горах, кукуя
Угнездилась каракумба,
Утюгами заправляясь,
Возлетела над полями.
И одни из них – гнедые,
А другие – золотые,
А всех вместе их в природе
Ни за что не различить,
Если встретишь у воды их
Или в качественной тыкве,
Расскажи о них в народе,
Ты об этом не молчи,
Как взвивает и куражит
Крепче чем пирамидон
Не виденье, не мир*а*жи –
Птицы образ молодой.

КАКТУС

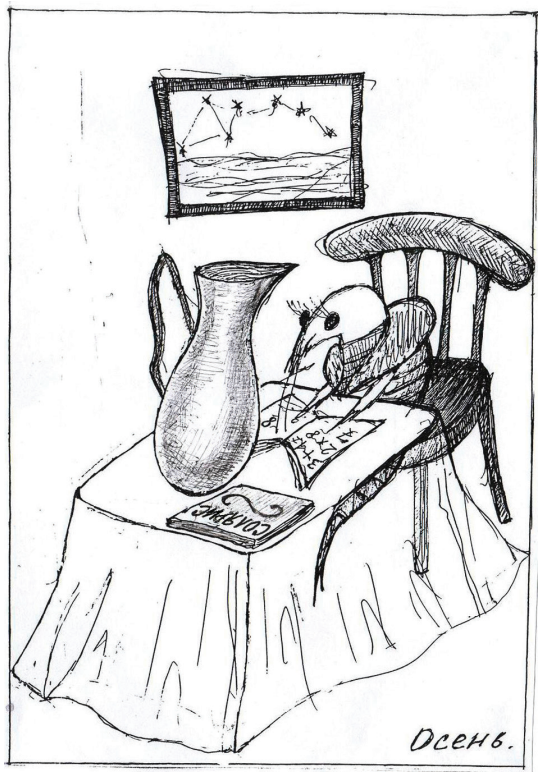
– Как мне быть, почтенный Кактус?

ПАПА УИЛЬЯМ 2

– Отец, скажи нам прямо,
Бывал ли на Луне,
И ездил вверх ногами
С цветами на коне?

Сказал отец серьёзно:
– Всё было, дети, да.
Бывал я в странных позах,
Но, знаете ль, вреда
Всё то не приносило –
А только красоту,
И в акваланге стильно
Я прыгал на лету,

И с гор скользил на люстре
В большие облака,
А если было грустно,
Брал кошку за бока,
И кошки этой тушку
Прикладывал ко лбу,
Она была воздушной
И пела: «Бу-бу-бу!».



– Скажи нам, милый папа,
Где кроется ответ
О том, что Кукорямба
Бывает, или нет?
И как нам разобраться,
Во сне и не во сне,
В декоративном танце,
Снаружи и вовне?

– О, дети, – молвил папа, –
Бывает всё всегда,
Помыслили когда б вы
О том, совсем недавно,
И каждый шорох мелкий, –
Зелюк, или вальдшнеп, –
Всё учтено, как вилки
В музее на окне,
И всё, что невидимо
И невредимо что,
От сплюшки – и до дыма,
От шляпы – до манто.

И до утра в прихожей плясал огонь светло,
Вверх головами кошки качались над столом.
И улыбались дети, помыслив обо всём.

БАСНЯ

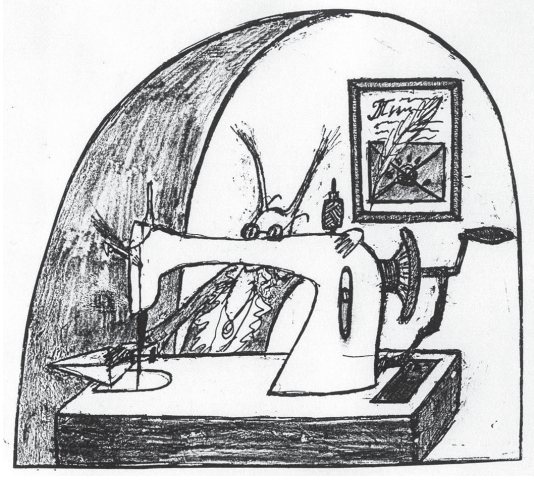
Тем, кто курил, не выходя из тела,
бросать нет смысла – поздно, проще тем,
кто мог, но и они-то, зная смело,
что могут бросить, даже не хотели.
порой важнее знать, что можешь, чем
взять так – и сдуру выполнить излишне
бессмысленное дело, нет, не честь –
вранье б тут проступало трижды.

Однажды кошка, в тазике найдя
похожий силуэт знакомой кошки,
решила обещанье дать, как дятел,
крупою поклялась не понарошку,
как вдруг в один погожий зимний день,
подарок обнаружив у двери, –
табак благоухающий везде, –
и поняла, как зло себя дурила,
ни склонности к гурманству не учтя,
ни сообразив, что может стать ей плохо,
с подавленным желанием шутя,
и вот она, рыдая, как дитя,
которому не выводили блохи
полмесяца, отправилась сама
в большую первосортную аптеку,
с собой взяв два внушительных письма

самой себе, но – упс – когда уехав
из дома, обнаружила, что нет
её самой ни в тазике, ни дома,
и некому ни знанья, ни привет
ей передать, она взяла бидон,
начистила и собрала свой рык
в шкатулку из заморского метала,
и села на завалинке горы,
(стоять тогда ей показалось мало).
С усердием потом она легла,
и дымом успокоенная нежно,
не помня, сколько суток проспала,
домой пришла давно уже не прежней.
Теперь в аптеке покупает мак,
что фармацевтом стойко обработан,
а так всю жизнь курила бы табак –
к чему такие кошечке расходы.
мораль не в том, что денег жаль на мак,
а в том, чтоб доверяя организму
и чуду, упаковывать в карман
спонтанные, цветные афоризмы.

ВЕСЕЛЬЕ

памяти Изумрудной Колесницы



Когда завершала раскрашивать гвозди,
Ко мне постучали престранные гости.
И в лампочке с очень внимательным видом
Сверлили отверстие с помощью вилки –
И тут вдохновение всех охватило,
Научные опыты – страшная сила.
Ну что ж, на гитаре сыграем погромче,
Чтоб счастье соседям раздать по кусочку.
И мы многократно на люстре качались,
Друг другу любовно стихи посвящая,
Танцуя, летая… и я прокричала:
Я чувствую радость. Несите бокалы.
Ножи, канделябры и ножки стола
Летели, звеня от угла-до угла,
Вот сальто, друзей моих номер коронный –
Летят разноцветно осколки плафонов.
И только котяшка спала беспробудно
Внутри эпицентра совсем не обута.
Соседи ж, решив побуянить всерьёз,
Вспороли нам ножичком шины колёс,
Наверно, хотели в игре с нами слиться,
Бедняги, не могут совсем веселиться.

Я ЕХАЛ

«Используй всё, что под рукой, и не ищи себе другое…»
Филиас Фог

Я ехал в трамвае № 17,
В мешке вёз ценные крупы,
И вышел на станции полюбоваться –
Шёл месяц косматый на убыль,
Я шёл, исполняясь лугов благодатью,
Но вот энтомолог сугубый,
И как-то цикаду вдруг взял он некстати
И начал рассматривать в лупу.

Его обращение невыносимо –
Не слышал он их возмущенья,
Его обращение недопустимо,
Дышал на них спиртом и тленьем.
Цикаду Парфён и цикаду Пафнутий
Приметил для выставки грубой,
Он думал, за это ему в институте
Вручат металлический рубль.
Крылатые звери, они не хотели
В стеклянных болтаться раструбах,
В подсолнухе радостном жили и пели,
Не знали о вредных поступках,
А также в прекрасном мех-пункте купили
Себе бесподобны тулупы,
И мчаться на всех пучеглазках хотели
За красками в Мариуполь.
И тут я подумал: «Не жалко мне крупы», –
(С собой не ношу я гантели), –
Цикады спасённые в озере пели,
Шёл месяц косматый на убыль.

КОЛОБОЭМА

Часть колобка осталась здесь,
А Часть Его пошла в кино.
Никто не ел его давно –
И раздвоился вдруг он весь.
Потом Они пришли домой,
У Них беседа началась,
И задал вдруг вопрос прямой
Часть колобка Другому Части:
«Ужели каждый из нас кругл,
Когда мы в профиль и в анфас,
Не дырка мы в случайном бублике,
Не в абажуре нам, не в каске
Ходить по стройке, мы ушли
От репки, жучки, есмь скребён
Мы по сусекам: тварь – мы – ли,
Али имея право, ём.
Остановись-ка, карусель,
Дуди, дуда, пой, голова,
Не дай осе и колбасе
Нас с ритма сбить – раз-два, раз-два!».
Часть колобка сказала: «Стой,
Приятель (или это я!?)
Кто там? – опомнился другой,
И отозвался сам: «Паяц!
Что вздумал ты играть со мной,
Себя не спутаю ни с кем,
Вот как возьму тебя и съем,
Потом сядь на пенёк и спой.
И так бы длилось всё вполне.
Но «жили-были» – это сказ,
И колобок одним стал пазлом
И уместился на стене,
Повис он, как Шалтай-Болтай,
Никто собрать его не мог,
Пришёл усталый Теремок,
И стал он колобка считать,
Перечислять и описать
Пытался, повторяя: «ять»,
Приснился он ему во сне
В виде таблицы на коне,

А теремку, что он музей,
Приснилось в лесополосе.
Так колобок – колобкопазл,
По стенам ходит в теремке,
А терем в зайце, тот – в утке,
Та в сундуке, на остров сразу
Приди и в этом убедись,
А остров кроется в шарах –
Шарада здесь или игра,
Но сказке это не вредит.

Какая путаница здесь –
Но в ней зарыт культурный пласт.
Нет колобка – он вышел весь.
Он вышел – сказка началась.

КРОКОЗЯБРА

Надев пирог на швабру,
Кормили крокозябру,
Она вползала в граблю
И плюхнулась в парник.
Она храпела храпом,
Пугала поцарапом,
Размахивала трапом
С разбега напрямик.
Но врач её зацапал,
У дворника взяв сапу,
Но он её не грабил –
Её переиграл.
Теперь её жалеют
Козявки, бармалеи,
Что хором пили клей с ней
И брали телеграф.

НА ВЕСУ

Не циркач, не культурный деятель –
Просто девочка шла в лесу
И совинушке, – вот так дело, –
Предложила спеть на весу.
Не кусали их ни опричники,
И ни призраки, и никто.
Оттого что чужую приличную
Высыпали пургу в решето.
И, взглянув друг на друга сочувственно,
И одно имея в виду,
Оторвавшись от ветки чувственно,
Улетели легко и воздушно.

ПРО КНИГУ КРАСНУЮ

Ах, в солнечной Ленивии,
Жуют листочки алые
Глазастики пытливые,
Шерстиночки коалые,
Висят на каждом дереве,
Местами не меняются,
И ничего не делают,
Линяют и стесняются.

А добрые прохожие
Их открепить стараются,
Но бедные медведики
Пугаясь, выдираются,
А если и открепятся –
То на земле валяются,
Пока их не подсадит кто
И долго извиняется.
Но строго Книгой Красною медведик защищается,
А в ней беречь медведика прохожим завещается
(За это им мороженого пачка обещается).
Поэтому медведики беспечно размножаются.

ВОСПОМИНАНИЕ О СЛАВНОМ ДЯДЮШКЕ БУЛЕ

Прекрасный дядюшка Булёк
Был очень славным малым,
Он помещался в бутылёк
С закруткою нормальной.
Он в ЖЭК ходил, как на парад
И то считал полезным,
Напоминал, когда всем спать,
Дышать, ходить и ездить.
(Когда вообще он говорил,
Трещали окна изнутри,
Снаружи все подъезды).
Он двери запирал на ключ,
И часто проверял их,
И пластырем на всякий случай,
Надёжно закреплял их.
Участок собственный ценил
И окопал сто грядок,
Сто раз всё это повторил
Приправил перцем, посолил
И там навёл порядок.
(Порядок для него всегда –
Чтоб напряжён изрядно).
Он был приличный человек:
Не пил и не курил он,
Во всём был сдержан, словно кекс,
Не ездил по перилам.
Прекрасный дядюшка Булёк
Себя считал учёным
Он загонял себя в кулёк,
Потом кормил себя он впрок,
И в этом быть бесспорно мог
Великим чемпионом.
Знал в экономии он толк,
И ночью портил пробки,
И обосновывал потом
Те действия подробно.
Взамен румяных овощей
Он брал мешок блохастых
Своей сестре родной для щей,
Особенно на праздник.
В хозяйстве знал он верно прок,
Хранил он в нише шесть коров,
Пластмассовых и ласты.
Он труд любил, как склады круп
Один и в хороводе,
И утверждал, что виден труд
Лишь только на заводе.
Котов кормил он – от труда

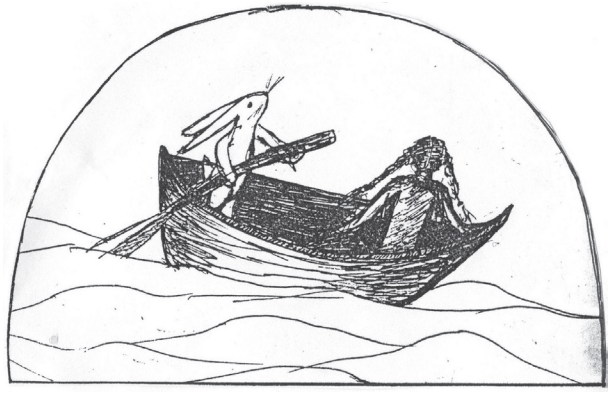
Под ласковое «жрите!»
Но им напоминал всегда:
«Котам не место, да-да-да:
В шкафах, кастрюлях, на столах,
На форточках, в корыте».
Часами уважать он мог
Надёжный телевизор,
Тряся трусами с бахромой,
Пугал он вредный мировой
Злой империализм.
Прекрасный дядюшка Булёк
Умел гасить пожары,
(Все правила знал назубок),
Он кочергой брал уголёк
И в темноте, как мотылёк
Бежал варить кальмары
Вслух им преподавал урок
Он заодно помалу.
Прижился вдруг у нас Булёк,
Когда коты зевали,
Но тут схватил его поскок
И выбросил на свалку.
И мучал бы вопрос меня, к чему такой проект был,
И как Булька мог применять здоровый человек?
Но может это быть в пример, каким не быть, и только.
Четыре пишем – два в уме. И нежно пьём настойку.

ГОТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

пёстросюжетная

На улице, на улице
Нет фонарей давно,
Гуляет ночью девочка,
Кривляется чудно*в*,
Безлюдной, тихой улицей
Струится, как стрела,
И вовсе не волнуется
И даже весела.
Ни пёсика, ни кошечки –
Сплошные упыри
И вурдалаки тощие
Косятся из щели,
На улице, на улице
Нет фонарей, темно,
И призраки сутулятся,
Как пьяные в кино,
Коварные, стоглазые
Над крышами визжат
И воют безобразые,
Поесть её хотят.
Но девочка не прячется,
Командует: «Стоять!»,
Бесовскими одёжами
Её не напугать,
Она им тычет зеркальце,
Смеётся: «Ха-Ха-Х-а!
А ну-ка расступитесь-ка
Подальше от стиха!»
И растерялись демоны,
Поникли упыри,
Чуть были тут – и где они?
Да что там говорить!

Вот сказочка нехитрая
Про девочку и ночь.
С любым случиться может так.
Сумей себе помочь.



ЭЛЛА ЛЕУС

ВИСОКОСНЫЙ ДНЕВНИК
повесть

1

Коммунизм, обещанный к 1980 году, так и не наступил. Даже в информационной программе «Время» о нём, коммунизме, не вспоминали – забыли, наверное. Или замалчивали – как в Древнем Риме обходили щекотливую тему упадка. Мы, подобно древним римлянам, не знали, что в государстве всё шиворот-навыворот. Нам об этом сказали позже.

В заурядной Юлькиной девятиэтажке люди делились на тех, кого касалась война в Афганистане, и на тех, кого она не касалась. Вторые прятали глаза от первых, получивших цинковые гробы и даты на надгробиях их високосных детей: 1964 – 1984.

2

Уже в первые минуты нового 1984 года Юлька подумала: «В этом году у меня день рождения». Она не обрадовалась и не загрустила, приняла как факт, потому что была високосным ребёнком – родилась 29 февраля 1964 года. Того года, когда отправили на пенсию Никиту Сергеевича Хрущёва.

В пятилетнем возрасте она была уверена, что не заслужила дня рождения, только поэтому он у неё бывает редко, а не каждый год, как у родителей, сестры Ирки и брата Сережи. Она изо всех сил старалась заслужить свой праздник и вела себя хорошо. Но все её старания оказывались напрасными. Правда, старший брат всегда дарил ей что-нибудь 1 марта, легонько дергал за ушко и называл Золушкой. Ведь Юлька была мамина помощница, особенно после того, как появилась на свет младшенькая.

3

Юлька внезапно проснулась часа в четыре утра. Ей снился обычный кошмар: она ехала в лифте и понимала, что уже давно должна была приехать на свой восьмой этаж. Она не сразу сообразила, что нечаянно нажала на кнопку с цифрой «16». Юлька пришла в ужас – в доме всего девять этажей и теперь кабина лифта вылетит через крышу и унесется в небо! Лифт набирает скорость, угрожающе гудит, воет и вибрирует. Как страшно! Что сейчас будет? От страха Юлька просыпается. Сердце отчаянно колотит о рёбра, в висках стучит, ей с трудом удается успокоить дыхание. Она, испугавшись, что сон повторится, крутится, вздыхает, периодически впадает в дрёму, кое-как дотягивает до рассвета. Включить ночник, чтобы почитать, она не решается. Если проснётся беременная Ирка, поднимет такую бузу, что встанут все соседи, включая дворняжку Тузика.

В этом доме всё сходит с рук только младшенькой. Интересно, как бы отреагировали родители, если бы забеременела без мужа Юлька? Скорее всего, устроили бы грандиозный скандал! А от Ирки даже объяснений не потребовалось. Она живо натянула на лицо маску жертвы, пригрозила абортом с жуткими жизнеразрушающими последствиями, и родители покинули поле сражения, отступили, как Наполеон от Москвы. Ира продолжала капризничать и верховодить в доме. Потому что остальным членам семьи гораздо легче сделать так, как нужно ей, чем отстаивать свою позицию. Ира с мастерством манипулятора использует человеческие слабости. Эта способность – врождённая, такому не научишься! Самое прекрасное время суток, когда она спит!

Когда Юлька встала, на пол с глухим стуком свалилась толстая коричневая книга Жоржи Амаду «Тереза Батиста, уставшая воевать», взятая по большому блату в библиотеке. Юлька перечитывает роман пятый раз. Ей безумно нравится героиня, такая маленькая и стойкая.

– Вот это девчонка – Тереза! Прочти эту книгу, не пожалеешь, – советует она сестре, но та после сдачи выпускных экзаменов в школе книг не читает.

Юлька вышла на кухню. У стола, спиной к двери, сидел Сергей в одних трусах, сдвинув костлявые

лопатки. Горела тусклая лампочка светильника над столом. От этого света кожа брата казалась неестественного желто-пластилинового оттенка. Он поднял голову, посмотрел сонными глазами и улыбнулся.

– С днем рождения, любимый братик!

– Спасибо, что вспомнила. Чаю, Джульетта?

Юльку Сергей в зависимости от настроения называл Джулией, Джульеттой, а порой просто Джулькой. Ему почему-то нравились западные имена: папу Михаила Петровича он величал Майклом, маму Людмилу Ивановну – Люси, сестру Ирину – Айрон, а свою жену Сашу – Алекс.

– Я собрался за провиантом на Привоз съездить, вечером ребята придут. Только денег у меня маловато… – Сергею явно нелегко далось это признание.

– Я подброшу, последняя стипендия каким-то чудом задержалась. Заодно и окончание моей учебы отметим. Если ты не против, я Женьку позову.

– Зови свою Женьку, я буду рад. А что с распределением на работу? – Сергей не умел задавать второстепенных вопросов.

– Ничего хорошего. В лучшем случае нам с Женькой светит Ширяевская ЦРБ[1], спасибо, если не сельские ФАПы[2]. Боюсь, что института мне не видать, как своих ушей. – Юлька насыпала в чашку крупные чёрные чаинки, которые, упав на дно, изобразили рисунок, напоминавший розу. «Я послал тебе чёрную розу в бокале…», – неожиданно всплыло в её памяти.

– Глупости, у тебя красный диплом и направление из училища в институт.

– Слушай, во-первых, фельдшеров и медсестёр в стране не хватает, а во-вторых, моя учёба в институте, мягко выражаясь, не вписывается в общую картину нашего дома, – рука Юльки описала широкую дугу. – Твоя Сашка не сегодня-завтра родит, и эта наша пигалица – тоже. А у нас всего три комнаты.

– Придётся тебя, красавица, замуж выдать.

– Лучше мне уехать по распределению в райбольницу, там среднему медперсоналу выделяют жильё, подъёмные выплачивают, там и замуж выйду за простого хлебороба, буду корову доить, кур кормить, мужа пьяного домой возвращать. – Она не верила в то, что говорила, но старалась, чтобы голос её звучал убедительно.

– Не могу представить тебя в деревне…. Придётся мне вмешаться в процесс твоей дальнейшей жизни.

– Как ты собираешься это сделать? – в вопросе Юльки прозвучала надежда.

– Я Бориса попрошу, старшего следователя, он мужик со связями. Кстати, он сегодня вечером должен к нам заглянуть, я его пригласил. Так что всё очень удачно складывается. А теперь разреши тебе напомнить, что с меня – доставка продуктов, а с тебя – готовка.

– Слушаю и повинуюсь, брат-прокурор! – Юлька засмеялась и побежала в ванную умываться.

«Интересно, какие люди в прокуратуре работают? Чем они там занимаются? В кино актёр-следователь (лицо у него строгое и сосредоточенное) допрашивает преступника и пишет протокол, но ведь этим он не всё время занимается…», – размышляла Юлька, когда Сергей начал работать в прокуратуре. С вопросами к брату она не лезла, зная, что он отшутится и ничего рассказывать не станет по каким-то известным только ему причинам.

Она любила Сергея, восхищалась им, всегда рассчитывала на его помощь, и он никогда её не подводил. Ей нравилась его жена Сашка, хотя поначалу она опасалась, что появление Сашки отдалит от неё брата. Сашка оказалась доброй и неглупой. Они быстро подружились.

С Иркой, младшей сестрой, Юлька уживалась с трудом. Старшие сестры часто оказываются виноватыми во многих детских прегрешениях младших. Юльке часто доставалось на орехи за проделки сестры, а за нежелание просить прощение доставалось вдвойне. Сергей был намного старше сестёр, у него была своя взрослая жизнь. В их ссоры он не вмешивался, считая, что они во всём могут разобраться сами.

4

Головоломка «кубик Рубика» постепенно вышла из моды. Возвращение гармонии за 26 секунд осталось непобитым рекордом. Юльку пугал идеальный пёстрый кубик. Она умела собрать всего лишь одну грань. Серёжа, легко доделывая начатое ею, небрежно бросал кубик на полку. Юлька злилась на свои пальцы и на голову, отдающую им команды. Младшая сестра с кубиком справилась легко. Юльке стало немного обидно. Она вздохнула с облегчением, когда о головоломке забыли.

5

Борис появился, когда веселье было в разгаре, и компания устала не только произносить тосты, но и танцевать. Именинник пел под гитару. Всем нравилось. Женька потребовала Юлькиных песен. Сергей объявил:

– «Любовь бывает разной». Исполняется впервые. Стихи Джульетты, музыка народная, то есть моя.

Юлька сразу обратила внимание на вошедшего в комнату Бориса. Да и его взгляд остановился на ней. Взгляд был настойчив. Избегая его, она спряталась за плечом Сергея.

Только бы скорее закончилась эта глупая песня. Зачем она сочинила такие дурацкие стишки? Неужели раньше они казались ей забавными?

Борис, протиснувшись между Женькой и Ириной, сел напротив Юльки. Он смотрел на неё в упор.

А песня всё не кончалась. Сергей толкал её локтем в бок и делал страшные глаза – сердился, что она не подпевает.

Любовь бывает разной –
Красивой и опасной.
И праздничной открыточкой,
И куколкой на ниточке.

Любовь бывает разной –
Полезной и напрасной.
Вполне доходным ремеслом
И в утлой лодочке веслом.

Любовь бывает разной –
Нелепой, несуразной.
Вздыхающей украдкой
На лестничной площадке.

Старший брат наконец-то извлек заключительный аккорд из гитары. Борис захлопал вместе со всеми, но его взгляд оставался хмурым. Глаза у него были разного цвета: один – карий, другой – зелёный. Почему-то это привело Юльку в ещё большее замешательство. Она никак не могла решить, какой глаз ей больше нравится: тёмный карий или яркий зелёный?

– Разрешите всем представить Бориса, и пусть он выпьет, как опоздавший, штрафную, – Сергей наполнил рюмку приятеля.

Юлька встала, чтобы унести гитару, но Сергей задержал её:

– Джулька, погоди, ты ведь ещё не пела!

– Как ты её назвал? – удивился Борис. Голос у него был низким, плотным, замшевым, как у Шаляпина на старинной пластинке. Голос понравился Юльке, немного её успокоил, как говорят в таких случаях – вернул душевное равновесие. Захотелось услышать его ещё.

Сергей засмеялся:

– Она у меня Джульетта, или просто Джулька.

– Джулька – звучит как-то по-собачьи. А Джульетта – нормально, сойдёт, – Борис широко улыбнулся, сверкнув крупными белыми зубами.

Юлька вздохнула с облегчением, но, наверное, слишком рано. Он снова стал серьёзным, а она опять напряглась.

Все начали уговаривать Юльку спеть. Но она заупрямилась. Женька просила подругу перестать ломаться. А ей просто показалось, что при Борисе она не сможет выдавить из себя ни звука. Он, словно почувствовав её робость перед ним, собрался уходить. Юлька вышла его провожать. На лестничной площадке было накурено. Приоткрылась соседская дверь:

– Когда закончится это безобразие? Сейчас же прекратите шуметь и курить! Хулиганы! Я милицию вызову! – Дверь захлопнулась.

Борис засмеялся:

– Не скажем, что здесь хулиганит половина районной прокуратуры?

Юльке улыбнулась своей самой очаровательной улыбкой.

– Сергей сказал, что ты фельдшер. А стихи пишешь по вдохновению?

– Просто у меня такое странное хобби.

– Почему странное? Хорошее хобби. Твои стихи мне понравились.

Юлька смутилась:

– Я знаю, что они у меня наивные.

– А мне они показались простыми и искренними, – возразил Борис.

Она поняла, что краснеет, и поспешила переменить тему.

– У вас пуговица на манжете отлетела. – Её голос звучал совсем тихо.

– Точно, отлетела. – Борис поднял руку. Рука была большая, смуглая. – Я и не заметил. Ладно, с распределением твоим поможем. А теперь мой совет: не оставляй жениха надолго – могут увести.

– Какого жениха?

– Который как тень за тобой ходит и в рот заглядывает.

– Юрика?

– Теперь я знаю, как его зовут.

– И совсем он не мой жених. Вообще он моей подруге Женьке нравится. Мы учились вместе. Так, друг просто.

– Друг? – Борис не смог скрыть улыбки.

– А почему вы спрашиваете? – осмелела Юлька. Всякое упоминание о Юрике действовало на неё раздражающе.

– Из простого любопытства. Или в силу привычки.

Он спустился на несколько ступенек, потом, резко обернувшись, сказал:

– Глаза у меня разные после травмы. Это на всякий случай – многие интересуются.

6

Уже не так часто, как раньше, упоминается в газетах и по радио газопровод Уренгой – Помары – Ужгород. Ни этот газопровод, ни нефтепровод «Дружба», ещё раньше успевший навязнуть в зубах дикторов, не волновали Юльку. Она также осталась равнодушной к войне между Аргентиной и Англией за Фолклендские острова. А вот к «железной леди» Маргарет Тэтчер относилась с симпатией. Ей нравились благородство и сила англичанки. И её неукротимая вера в себя.

7

Когда Юлька была совсем маленькой, она попала в Оперный театр. Случайно. Из Сибири к маме приехала её двоюродная сестра тетя Маша. Тетю-гостью водили по Одессе, показывали достопримечательности. Купили билеты в Театр оперы и балета, где сами никогда раньше не были. В тот вечер Юльку оставить было не с кем и её взяли с собой. Она была спокойной девочкой, с ней можно было даже в космическое путешествие отправляться. Спектакль заворожил Юльку – шла опера «Иоланта». В антракте она подошла к сцене и весь второй акт простояла по стойке «смирно» за спиной дирижёра. После окончания спектакля Юльку долго не могли сдвинуть с места – она никак не хотела перестать любоваться золотым занавесом. Маму подозвал один из музыкантов и подарил для Юльки старинный дореволюционный клавир. «Если ей понравилась опера, то это на всю жизнь», – сказал он, подавая из оркестровой ямы ноты в красивом переплёте. Его самого Юлька не видела, а слова запомнила. И ноты хранила. «Собственность издателя Юлия Генриха Циммермана, Москва, Лейпциг, Лондон. 1900 год». Они пахли бабушкиным подполом и старым соседским фортепиано «Берлин», которое старушка Фаня Львовна подарила Юльке. Роскошный подарок так и остался стоять у соседки в комнате. Юльке разрешалось заходить к ней в гости, открывать крышку пианино и гладить пожелтевшие клавиши. Поставить громоздкий инструмент у себя родители наотрез отказались. Папа недовольно пробурчал, что комната у них отнюдь не резиновая. Потом Фаня Львовна умерла, а её сын Сеня продал пианино. Юлька плакала, глядя, как её пианино грузят в кузов машины, чтобы увезти. Мама сказала: «Слава богу, избавились от этой рухляди». Пианино уехало навсегда, а ноты цыганского романса Бородина на слова Апухтина «Нет, не клянись», посвящённого Анастасии Дмитриевне Вяльцевой, остались.

Ни ТЮЗа, ни цирка для Юльки не существовало. Она ходила только в Оперный театр, где любила сидеть в ложе, неторопливо рассматривая зрителей в партере и музыкантов в оркестровой яме. В такие минуты она чувствовала себя королевой на троне. Даже когда партер оказывался почти пустым, она продолжала чувствовать себя королевой, но уже не на троне, а на эшафоте. Сегодня театр был пуст. А ведь шла «Иоланта» с народным артистом Николаем Огреничем в роли Герцога. В партере Юлька насчитала всего полтора десятка зрителей. «Наверное, – пронеслось в её голове, – неимоверно трудно петь при пустом зале и кланяться, не слыша грома аплодисментов».

Сегодняшняя Иоланта была пышкой. Но стоило ей запеть, и Юлька забыла, что по либретто Иоланта – хрупкая стройная девушка. Сопрано было чистым, звонким, хрустальным. Когда с глаз Иоланты сняли повязку, её голос удивительно преобразился. И Юлька невольно поверила, что слепая героиня действительно прозрела в это мгновение. Её взгляд в зрительный зал выражал такой восторг, будто она и впрямь впервые увидела небо и солнце.

После финала спектакля престарелые театралки в нафталиновых кружевах и пыльном крепдешине и несколько гостей города хлопали стоя и кричали «Браво!». Юлька кричала громче всех. Герцог-Огренич смотрел прямо на неё и улыбался, бережно держа за руку пухлую румяную Иоланту.

8

Нет никакой надежды достать книги Рэя Брэдбери, Жоржи Амаду или Джеймса Джойса, напечатанные издательством «Иностранная литература». За томик Ахматовой на чёрном рынке нужно выложить половину зарплаты инженера. Ещё меньше надежды завладеть коттоновыми шмотками, но это как раз можно пережить.

На комсомольских, партийных и профсоюзных собраниях перестали изучать вдоль и поперёк продовольственную программу. Только конспекты с вклеенными вырезками из газет у многих оставались свидетельствами тщетных усилий партии и правительства преодолеть продовольственный кризис. По-прежнему в магазинах – ничего, кроме чёрной картошки, белой соли, желтого сахара и серых макарон. На самом видном месте горы банок с законсервированной кабачковой икрой. Ещё есть заледенелый минтай.

И всё-таки граждане умудрялись кое-что прятать в холодильниках, которые шутливо рекомендовалось чаще включать в радиоточку для пополнения продуктовых запасов. Юльке нравилась эта острота.

9

Когда Юлька вошла в кабинет следователя прокуратуры Б. Никитина, она услышала, как Борис орал в телефонную трубку, сидя на краю письменного стола:

– Нужно было меня поставить в известность! Советую вам не торговаться со мной! – Борис сделал паузу, слушая собеседника, лицо его покраснело, ноздри раздулись, он нервно сопел, нетерпеливо дожидаясь возможности возобновить гневную тираду. – Не выкручивайтесь! Ещё раз настоятельно советую заглянуть ко мне на беседу… Хорошо, жду вас в одиннадцать. Всего доброго, до завтра!

Заметив Юльку, нерешительно переминающуюся с ноги на ногу на пороге кабинета, он жестом пригласил её войти. Эмоциональный накал у него еще не прошёл. Он пояснил:

– Врут, а я терпеть не могу брехню!

Для Юльки его слова прозвучали предупреждением, но она и сама не была в восторге от людей, умеющих обманывать и изворачиваться. Оправдываясь перед родителями, она всегда запутывалась и жалела, что не сказала им правды.

Она робела перед Никитиным, а он, предложив ей стул, бесцеремонно рассматривал её лицо.

– Серёжа передал, что вы хотели меня видеть. – Голос почему-то её не слушался. Она отбросила со лба чёлку и поправила заколку на собранных в хвост длинных каштановых волосах.

Борис объяснил, что он ждёт звонка из областной психиатрической больницы. Там есть место фельдшера в отделении судебно-медицинской экспертизы. Юльке следует оставить у него свои документы на несколько дней, потому что это закрытое отделение, и все сотрудники предварительно должны зарегистрироваться в МВД.

– Дождись, будь добра, моего разговора с главврачом, вдруг вопросы какие-то возникнут, а я на них ответить не смогу. У тебя время есть?

– Я буду ждать, сколько нужно.

– Тогда располагайся у меня, чувствуй себя как дома, а я с твоего позволения продолжу работу. – Он углубился в изучение бумаг.

Юлька огляделась. Её заинтересовал книжный шкаф – книги всегда действовали на неё магически. Каждый раз, приступая к чтению, она перелистывала страницы, ощупывала пальцами корешок, обязательно читала предисловие. Ей начинало казаться, что именно в этой книге содержится основная мысль-подсказка для её, Юлькиной, жизни, некое базисное послание, и оно уничтожит все смутные неясности, постоянно бередившие её душу.

Несколько десятков книг: биография Сталина (отредактированная, как известно, им самим), толстый словарь латинского языка, учебники по психологии и философии, пособие по хиромантии, альбомы Ильи Репина и Альбрехта Дюрера…

– Можно вопрос? – Юлька не смогла пересилить своего любопытства, пересмотрев половину сокровищ книжного шкафа. – Я понимаю, что вопросы здесь задаёте исключительно вы…

– Тебе – можно! – разрешил Борис.

– Довольно странный набор книг, неужели у вас такие широкие интересы?

– Нет, конечно. Например, пчеловодством я точно заниматься не собираюсь. Просто у меня есть одно правило – постараться узнать как можно больше о деле, которое я веду. А фигуранты уголовных дел совершенно разные, вот книги и накапливаются.

– Я вам завидую. Видимо, для вас не существует проблемы достать хорошую книгу?

– Я не всемогущ, но попробуем поэкспериментировать: скажи, какая книжка тебе нужна, а я попробую её раздобыть.

– Подумаю над вашим предложением, – Юльке, захлопнувшей альбом Дюрера, не хотелось, чтобы он почувствовал её смущение.

– Чай будешь? У меня где-то была шоколадка. Ты наверняка любишь шоколад, – сказал Борис, вставляя в розетку вилку электрочайника, перебинтованную синей изолентой.

– Почему следователи считают, что женщины непременно теряют разум от сладкого? – съязвила Юлька.

– Я лично теряю, – признался Борис.

За чаем он легко и непринуждённо выведал у Юльки практически всю незатейливую историю её жизни. С ним ей было легко. Слова выстраивались в предложения без малейшего напряжения.

Улыбнувшись, она сказала:

– Я наговорила, наверное, много лишнего?

– Ты – человек с чистой совестью. Тебе нечего скрывать. Такие люди в этом кабинете – редкость.

– Не существует людей с абсолютно чистой совестью, это противоестественно, – задумчиво ответила Юлька.

– Эй, ку-ку! Это вообще-то моя фраза! – засмеялся Борис. – Телепатка!

10

Юльку оставляют равнодушной Пугачева, Леонтьев, Ротару, Вайкуле и Паулс. Зато её покорили итальянцы с фестиваля в Сан-Ремо и забавная песенка о весёлых утятах. Ей даже захотелось потанцевать

под эту песенку. По телевизору она смотрит только хорошие отечественные фильмы, которые идут после программы «Время» в 21.30. А в кинотеатрах – заграничные, тоже хорошие. Юльке не всё в этих фильмах понятно. В книгах всё значительно проще. К тому же к понравившимся страницам можно возвращаться не один раз. Юлька любит смотреть кино, но лучше понимает книги.

Недавно на эстраде появился Виктор Цой, юноша с необычным азиатским лицом и умными грустными глазами. Юльке внезапно показалось, что он уже проездом побывал в её мире, осветил всё кругом лучом своего взгляда-прожектора, спел песню и умчался дальше. Многое из того, что он выкрикивает в микрофон, звучит в унисон с её мыслями.

А вот к песням Юрия Антонова Юлька равнодушна. Слишком они хороши. Явный перебор сахара – пять ложек на одну чашку чая. Или даже шесть. Антонов нравится почти всем её знакомым. Как и клоун Слава Полунин со своим «любов-асисяй». Да, в этой увечной недосказанности есть сильное чувство. Мама Юльки всегда роняет слёзы умиления.

11

Каспаров рано или поздно станет чемпионом мира по шахматам! Юлька в этом не сомневается. Он для неё чудо-человек, вознесённый над реальной жизнью. Она силится представить его в какой-нибудь житейской ситуации. Например, как он спорит с соседями из-за перегоревшей в парадном лампочки. Но – не может. Чудо-человек умеет только великолепно играть в шахматы с соперником Карповым, талантливым, но порой лицемерно улыбающимся и говорящим тонким куклячим голоском. Чудо-человек говорит мало, резко, страстно. Он будет чемпионом. Родители удивились, когда Юлька заявила об этом безапелляционно, ведь все шансы на победу были у Карпова. Шахматы для Юльки – головоломка. Она прилежно изучила правила игры, дебюты и несколько шахматных композиций, но играть по-настоящему так и не научилась. Для неё шахматные фигуры – волшебные идолы, как иконы для прабабушки. Ими можно любоваться, но играть в них – кощунство. Играть в шахматы должны избранные, к которым Юлька, увы, не принадлежит.

12

Понедельник. Полчаса в душном автобусе. Пересадка на изредка звякающий трамвай. На трамвае из конца в конец маршрута – больше часа в жаркой толпе пассажиров. Конечная остановка. Здесь трамвай делает большой круг, облегчённо позванивая.

Две областные больницы рядом на одной улице – клиническая и психиатрическая. Внешний вид зданий величественен, но внутри всё убого. Старые здания больниц – продукт неторопливого, обстоятельного дореволюционного строительства. Главный корпус психиатрической больницы высокомерно смотрит фасадом на улицу. За его спиной, как солдаты за полководцем, расположились остальные корпуса. Широкий двустворчатый рот входа. За ним – прохлада просторного коридора, похожего больше на прямоугольный зал со стенами, давно требующими капитального ремонта.

По мраморной мрачной лестнице Юлька пришла на второй этаж к высокой филенчатой белой двери с табличкой «Отдел кадров». Негромко – смелость куда-то испарилась – постучала. За дверью оказался кабинет с двумя письменными столами, заваленными кипами старых и новых папок, стопками бумаг разной высоты.

Над одним из столов возвышалась полная женщина в посеревшем на мощной груди белом халате. После взаимного приветствия и просмотра принесенных документов последовало заключение:

– Так это вы в четырнадцатое? Да, нас предупредили. Сначала побывайте в отделении, а потом возвращайтесь к нам. Судмедэкспертиза, барышня, государство в государстве. Пожалуй, лучше я вас отведу, а то одну вас к заведующей не пропустят.

Они идут по территории больницы между зданиями отделений. Слева – длинное двухэтажное, ничем не примечательное; справа – тоже двухэтажное, похожее на куб, с уютным заполненным зеленью палисадником. Дорога огибает дом с палисадником и уходит в горку направо. Теперь слева – запущенный пустырь с пожухлой растительностью. По его заросшему желтоватой пыльной травой пространству распластались мусорные кучи, похоже, давно забытые и сейчас расслабившиеся под солнышком, как отдыхающие на пляже.

Справа от дороги – скука хозпостроек: пищеблок, склад, мастерские, котельная.

Перед следующим поворотом открылся вид на особняк красного кирпича с надписью «Женское отделение».

Юлькин взгляд привлекала каменная стена в два человеческих роста высотой с колючей проволокой наверху. Стена ограничивала площадь приблизительно около гектара, по её углам – сторожевые вышки, похожие на башенки замка. Это и было отделение № 14.

Глухая металлическая дверь внутреннего поста. Звонок. Голос из-за двери: «Кто?». Ответ: «В отдел кадров, к заведующей». Железный звук открывающихся замков, проход через внутренний пост. В комнатке за стойкой – милиционер-атлет, в углу на стуле с развёрнутой газетой в руках – ещё один страж внушительного телосложения.

Юльку поразил двор, больше напоминающий маленький парк. За деревьями она увидела уютный дом с коричневыми стенами. Флигель усиливал сходство этого места с дворянской усадьбой. Только вот табличка «Прачечная» портила впечатление. А ещё идиллию навсегда исчезнувшей эпохи нарушали решётки на окнах особняка и огромная клетка, пристроенная сбоку.

Милиционер, окинув Юльку пытливым взглядом, повел её по прямой дорожке через двор к дому. Двухступенчатое крылечко, высокая облупленная дверь без ручки. Не просто без ручки, а будто её вырвал какой-то силач, и теперь от неё осталась одна дырка.

– Чёрт, ручку забыл! – пробормотал с досадой милиционер и нажал на кнопку звонка.

Дверь распахнулась через минуту. На пороге стоял русый сероглазый молодой мужчина примерно лет тридцати в застиранном белом халате.

– Вовчик, эта девушка к Александре. Наша новая сотрудница, кадровица привела.

– Заходи, новенькая! Будем налаживать отношения, я с такими черноглазками всегда дружу! – Вовчик, придерживая тяжёлую дверь, пропустил смущённую Юльку в коридорчик. – Кабинет заведующей отделением Александры Константиновны Запольской направо в конце коридора.

Юлька не догадывалась, что он нарушил режим, отпустив её одну гулять по отделению. Робко следуя по указанному маршруту, она поразилась: оказывается, нищета медицины, к которой она успела привыкнуть за годы учебы в медучилище, была роскошью в сравнении с этим отделением. Впрочем, частично убожество интерьера скрашивалось чистотой и порядком.

Заведующая – худая седоватая женщина за пятьдесят с гладкой причёской – стояла спиной ко входу и поливала цветы на широком подоконнике. Этот кабинет неожиданно напомнил Юльке старую хату её бабушки в деревне. Атмосфера здесь была похожей: день за днём, месяц за месяцем, год за годом воздух понемногу прибывал внутрь и не выходил обратно. Казалось, воздуха в помещении накопилось так много, что ему в этом пространстве тесно.

Заведующая обернулась с доброжелательной улыбкой.

– Здравствуйте, – Юлия Михайловна, если не ошибаюсь? Борис Иванович просил меня о вас позаботиться. Ему мы никогда не отказываем, – сказала она и снова улыбнулась. – Тем более что вы нам нужны – среднего персонала у нас не хватает, впрочем, как и в других лечебных учреждениях. Но здесь ещё и особая специфика… Мы берём на работу исключительно проверенных людей, а у вас отличная рекомендация, к тому же от Никитина.

Резко зазвонил телефон. Александра Константиновна подняла массивную чёрную трубку.

– Да, Борис… Она как раз у меня… Да-да… До свидания, жду вас завтра. – Телефонная трубка легла на место с лёгким щелчком. – Ну что ж, давайте заявление, – она его размашисто завизировала и вернула со словами: – Теперь ступайте к старшей медсестре Зинаиде Матвеевне, она вас ждёт. После неё нужно будет оформиться в отделе кадров, где вы уже были. К работе приступите по графику в самое ближайшее время.

Старшая медсестра отделения Зинаида Матвеевна внешне оказалась похожей на заведующую – она была такой же худощавой, светловолосой, только более энергичной. Юльке показалось, что её речь с каждой минутой становилась всё более быстрой:

– Юлечка, можешь заступать на сутки уже завтра. Заработать тут можно прилично. Если хочешь, дадим тебе фельдшерских полторы ставки, но тогда работать будешь сутки через сутки. Ещё тридцать процентов буфетчицы. Мы буфетчиц не берём, они здесь лишние, а ставка положена, вот мы её и делим. Еще санитарские можешь взять. Санитары по надзору с поста не отлучаются, а санитарок на уборку мы тоже не берём. У нас полагается надбавка за вредность. С фельдшерскими обязанностями ты легко справишься. В них входят: наблюдение, записи в журнал наблюдений, меддокументация, два-три укола по назначению, так что всё можешь успеть – отделение убрать, еду на пищеблоке получить и раздать и посуду помыть. Зато денежку заработаешь. Смена состоит из фельдшера и санитара по надзору. С тобой в смене санитары Вовчик или Сан Саныч, мужики хорошие, опытные. А сейчас я тебе отделение покажу.

Старшая вынула из кармана два больших алюминиевых крючка, похожие на дверные ручки от замков-защёлок. Один крючок Зинаида Матвеевна отправила обратно в карман халата, второй отдала Юльке.

– Без этой ручки дальше первой двери не пройдёшь, смотри не потеряй – не дай бог, кто из больных найдёт, тогда для них все двери будут настежь. Когда поведёшь больных на обследование или на процедуры, ручку тоже не забывай, во всей больнице это самая незаменимая вещь.

Они вышли из каморки старшей.

– Вот наша бытовка, шкафчики для переодевания, обедаем тоже здесь. Вот санузел для персонала. А это выход на прогулочную площадку для больных. Если погода нормальная – прогулки каждый день. Процедура режимная, с милицией, ну, обо всём более подробно потом узнаешь…

Так вот зачем загон-вольер, прислонившийся к торцу здания!

– Сейчас мы пойдем в сестринскую, – сказала старшая, – пора показать твоё рабочее место.

Сестринская располагалась возле зарешёченного прохода в большой зал на «половине больных». Посередине помещения стоял длинный голый стол, а по краям справа и слева две длинные скамейки. Отсюда можно было попасть в палаты. Юльке показалось, что их шесть или семь. Все они, кроме деревянных дверей, имели ещё и решётки.

– Пост надзора, – показав пальцем на деревянную лавку, сказала старшая. На лавке, посвистывая и нахально рассматривая Юльку, сидел Вовчик.

– Не свисти в хате, денег не будет, – строго сказала Зинаида Матвеевна.

– У меня их и так, помимо дня получки, не бывает. Не беспокойтесь, меня уже сменили, так что можете считать, что я свищу у себя дома, – парировал он, широко улыбаясь. – Значит, завтра мы дежурим с новой сотрудницей? Мне это нравится.

13

Меньше всего на свете волновал Юльку футбол. Фигурное катание – красиво, а футбол – нет. Единственное, что нравилось Юльке в футболе, – звучание имени прославленного французского футболиста Мишеля Платини.

14

Юльку потрясли проводы в мир иной Индиры Ганди. Вот кто, по мнению Юльки, должен был отменно играть в шахматы. Её жизнь заслуживала всяческого одобрения. А её сожгли на костре, как кучу мусора. А поджёг костёр собственный сын. Потом Раджив развеял прах матери над священным Гангом. Индира, одна из самых великих женщин планеты, выбыла из списка живых! Это не укладывалось в Юлькиной голове!

Но, если честно, ещё больше её поразили похороны одноклассника Вити Прохорова, возвратившегося из Афгана в цинковом гробу. Они были такими тихими, словно у телевизора сломался звук. Присутствующие на них вяло шевелили губами. Окаменевшие скорбные лица и фигура военкома, зорко следящего за всем происходящим. Юлька знала, что комсорг их класса Слава Орлов собрался произнести речь над могилой, но его оттеснили в сторону какие-то незнакомые парни. Юлька боялась смотреть на придавленную горем Витину мать, которую поддерживал под руку военком. Когда она начинала громко вздыхать, собираясь запричитать, он что-то шептал ей на ухо, и она, обмякнув, затихала.

Когда из уст американского президента прозвучало определение, что Советский Союз – «империя зла», Юльке почему-то сразу вспомнились именно эти скупые похороны, а не пышные проводы генеральных секретарей КПСС Брежнева, Черненко, Андропова.

15

Юлька слегка трусила перед своим первым рабочим днем. Похожее чувство страха было, когда она поступила в медицинское училище.

Долгая дорога через весь город давала редкую возможность сосредоточиться на чём-то особенно важном.

Ей нравилась утренняя свежесть летнего города. Торопящиеся на работу мужчины и женщины. Студенты, не желающие опаздывать на первую лекцию.

Юлька оказалась перед входом в четырнадцатое отделение через два часа после выхода из дома. Было восемь, а пересменка в половине девятого. Юлька волновалась, как она в первый раз пройдёт за эту стену без провожатого. Но трудностей не возникло – встретивший Юльку милиционер, бегло глянув на неё, спросил: «Новенькая?», – и, потеряв к ней интерес, отвернулся. У неё был пропуск и ручка-отмычка ко всем замкам больницы.

Юлька догнала Вовчика, неторопливо шествующего через двор. Он был свеж, подтянут и пах одеколоном.

– Ты поесть взяла? – сразу поинтересовался он. – Забыл вчера предупредить – здешнюю бурду есть невозможно, чистая полова!

– Не взяла, – виновато призналась она.

В отделении было тихо. Они вдвоём вошли в бытовку. Пожилой мужчина небольшого роста сидел у маленького квадратного столика, накрытого клеёнкой с полустёртым рисунком. На столе перед ним стояла тарелка с горкой печенья и белая пузатая чайная чашка.

– Привет, Сан Саныч! – громко сказал Вовчик мужчине и открыл свой шкафчик, где висел на крючке белый халат. Сан Саныч поздоровался и внимательно посмотрел на Юльку.

– Новая фельдшерица? Ты меня не стесняйся, дочка, нам работать в одной смене… Иди-ка сюда, смотри, вот здесь я оставляю хлеб, помидорчики, там в буфете есть ещё немножко плова в синенькой кастрюльке. Помидоры со своего огорода, плов моя половина готовила, не побрезгуй, а то ведь сутки будешь куковать не евши… И печеньице бери.

– Юля, знай, Сан Саныч – слободской куркуль, но не жмот! Вот какой наблюдаем парадокс! – весело сказал Вовчик, демонстрируя оголённый мускулистый торс.

– У молодых мозги набекрень. Голод вам не страшен. Вот и ты, Володька, вечно на одних бутербродах. Так нельзя. Желудок испортишь.

– Я – холостяк, то есть разведённый, готовить некому, мне и бутерброды сойдут, правда, Юлька? – Вовчик подмигнул ей, просунул руки в короткие рукава халата и застегнул его на две уцелевшие пуговицы – вместо утраченных торчали только пучки ниток.

– Переодевайся. Пошли, Сан Саныч, перекурим, пока дама-мадама переоденется.

Сан Саныч вышел из бытовки вслед за Вовчиком, деликатно притворив за собой дверь.

И тотчас тревожная тишина окружила Юльку. Она открыла скрипучую дверцу выделенного ей шкафчика и вздохнула.

Зинаида Матвеевна ураганом ворвалась в бытовку и сказала Юльке:

– Быстренько в сестринскую, сегодня принимаем смену вместе, всё запоминаешь с первого раза. Если не надеешься на память, лучше записывай!

Через несколько минут Юлька была уже на месте. За белым письменным столом сидела женщина, с которой они познакомились вчера утром, – фельдшер Ольга Васильевна. Эффектная, высокая, стройная. Ольга сурово посмотрела на Юльку:

– Нечего меня так пристально разглядывать, я же не мужик!

Юлька смущённо отвела взгляд. Ольга раздражённым тоном начала комментировать содержание журнала наблюдений. Процитировала запись, касавшуюся одного из обследуемых:

– Николай Пасечник, в отделении десять суток. «Сон крепкий, без сновидений, просыпался один раз в течение ночи (в туалет). На вопросы отвечал быстро, чётко, адекватно. Настроение удовлетворительное, бодр. Беседует с соседями по палате. Аппетит хороший. Жалоб не предъявляет». Следует записывать утром и вечером наблюдения по каждому больному, а потом всё это докладывать на пятиминутке врачам. Понятно?

Вовчик сидел на посту и с улыбкой наблюдал за Ольгой Васильевной. Он весело подмигнул Юльке.

– Не отвлекайся! – строго сказала Ольга Васильевна. – Вот ещё один журнал для учёта больных. Тут всё элементарно: при поступлении больного заполняешь все графы из сопроводиловки, заводишь «историю», заполняя бланк. Хранятся истории у заведующей, с ними работают врачи, у нас – только листы назначений. – Ольга открыла зелёную коленкоровую папку. В папке находились два листа по три-четыре строчки в каждом. – Как видишь, назначений – кот наплакал.

– Ольга Васильевна, скажите, пожалуйста, вот в учёте в адресной графе кое-где четыре буквы «Б–О–М–Ж» – это что?

Вовчик захохотал. Ольга удивлённо подняла брови:

– Без. Определенного. Места. Жительства. Пора бы знать! – Она взяла журнал под мышку и вышла из сестринской.

– Малыш, ты правда не знала, кто такие бомжи, или шуткуешь? – всё ещё посмеиваясь, спросил у Юльки Вовчик.

– Впервые слышу о них! Это кто – бродяги?

– Ты – сплошная невинность. Дитя. Хорошо ещё, что мы с Санычем будем рядом, без нас ты наверняка пропадёшь! А на Ольгу… не обращай внимания, она у нас хоть и хабалка редкая, но тётка добрая. Одинокая она, жизнь личная у неё не складывается, понимаешь?.. Да что ты можешь понимать, молодая, красивая… Что ворчит на тебя, в голову не бери. Всё четырнадцатое осведомлено, кто тебя сюда устроил. Александра проболталась, а у Ольги на твоего Никитина виды были когда-то. Он, кстати, часто у нас бывает по службе.

«Лучше бы, – подумала Юлька, – он об этом промолчал». Она машинально заглянула в шкаф с медикаментами. На стеклянной полке лежало несколько пожелтевших картонных коробок с ампулами: коргликон, кордиамин, кофеин, аминазин. Флаконы с растворами для инъекций стояли рядом: знакомый физраствор и неведомый загадочный сульфазин.

Юлька осторожно выглянула из сестринской, чтобы увидеть «половину больных». Несколько мужчин в больничных пижамах прохаживались по залу.

– Не мечтай встретить здесь настоящих сумасшедших, – угадав Юлькин интерес, предупредил Вовчик. – Большинство косят, на больничке лучше, чем на кичмане, – и харчи, и вообще…

– Я почти ничего не поняла из того, что ты сказал… – растерялась Юлька.

– Трудно мне с тобой, – засмеялся Вовчик и пояснил: – наша здешняя жратва лучше тюремной баланды. И пачек меньше дают… Теперь ясно?

– Не совсем, – призналась Юлька.

– Ну! Шизанутые! Выходи оправляться по двое согласно списку! Первая пара на выход! – Вовчик зазвенел ключами, открывая решётку, за которой уже стояла первая пара. Они выкрикнули свои фамилии:

– Пасечник!

– Петров!

Они вышли друг за другом, прошли мимо отворённой двери сестринской. Первый – угрюмый сорокалетний мужчина, второй – улыбающийся, с придурковатым выражением лица подросток. Он на секунду остановился перед Юлькой, и Вовчик сразу же легонько поддал ему носком под тощие ягодицы:

– Не тормози, Витёк! За вами ещё восемь пар, а времени – большая дуля. Ты же знаешь, кто не успеет из-за тебя в гальюн, разберётся потом с тобой персонально!

Юлька с нескрываемым удивлением наблюдала за странной процедурой посещения туалета парами.

Потом она заглянула в большой стальной стерилизатор с надписью на крышке «Шприцы». Шприцев с рыжей градуировкой на прозрачных цилиндрах, усеянных каплями воды после кипячения, было около десятка, разных размеров.

Ольга Васильевна вернулась в сестринскую со старшей и заведующей. Старшая протянула Юльке исписанный листок бумаги.

– Юлия Михайловна, вот график назначенных анализов и врачебных собеседований на сегодня. Пасечника поведёшь на энцефалографию в главный корпус, договорились на пятнадцать часов. А ты, Вовчик, готовься к прогулке перед обедом – погода нормальная. Не забудь, что сегодня вечером – бритьё… Сейчас должен поступить новый больной, давно уже сюда выехали, будем принимать.

Они вышли, а Юлька осталась стоять посреди сестринской. Из задумчивости её вывел Вовчик:

– Не боись, Юль, справимся. Сейчас Михась придёт принимать болезного.

– А я уже здесь! – в сестринскую заглянуло круглое весёлое лицо молодого милиционера, а затем показалась его плотная, казалось, лишённая шеи фигура. – Скоренько примем клиента из СИЗО и поведём вольтанутых гулять! – Он потёр ладонь о ладонь. – А клиент этот не мудозвон какой-то – та-а-к одну парочку уконтрапупил, что пол-Одессы на ушах! Девчонка, кажись, изменила ему, и он, наркоман, её вместе с любовником покрошил на винегрет!

Юльке не верилось, что такое могло произойти на самом деле.

От резкого звонка входной двери Юлька вздрогнула.

– Прибыли! – сказал улыбчивый Михась и побежал открывать. Вовчик отправился следом, засовывая в карман брюк внушительную связку ключей.

Юлька, юркнув за Вовчиком, украдкой выглянула в коридор, ведущий к выходу. Задней дверью к крыльцу был припаркован фургон. Его двустворчатая дверь с зарешёченными окошками распахнулась. После милиционера из фургона на ступеньку крыльца спрыгнул человек с заложенными за спину руками.

Юлька вернулась в сестринскую, где она чувствовала себя более уверенно. Она посмотрела в листы назначений и быстро выяснила, что на сегодня инъекций никому не назначено. Нужно только выдать таблетки – противосудорожное эпилептику и анальгин больному с разрывом связки голеностопного сустава. Ещё – поход на энцефалограмму и анализы нового пациента.

Новоприбывшего ввёл в сестринскую Михась и снял с него наручники. «Останься здесь!», – мысленно попросила Юлька Михася. Рядом с ним ей было не так страшно. Его румяное бесхитростно-простодушное лицо с первого взгляда внушило Юльке доверие. Вот кто мог обеспечить её покой – не грозный здоровяк с внутреннего поста, не ловкий Вовчик, а этот скромный розовощёкий увалень! Михась, конечно же, остался – так было предписано инструкцией. Он отступил в коридор и застыл, не отводя взгляда от больного.

Черноволосый молодой человек присел на кушетку. Лицо у него было резко угловатым: высокий лоб, но всё, что ниже бровей, какое-то урезанное, будто плоти не хватило для носа, щёк и особенно для подбородка. Впрочем, он был довольно миловидным, хотя чересчур худым и сутулым. Его переодели в полинялую коричневатую пижаму, на плече которой красовались две огромные цифры «14», выведенные чёрной тушью.

– Закатывайте рукав, я кровь возьму. – Юлька старалась говорить ровным и строгим голосом, чтобы не выдать своего волнения. Она пинцетом собрала шприц, надела иглу. Она чувствовала лёгкое дрожание в пальцах. Но настоящий шок был впереди, когда она увидела кожу на его локтевом сгибе! Лилового цвета тяжи рубцов пролегли в тех местах, где должны были просвечиваться через кожу вены. После второй неудачной попытки войти иглой в вену Юлька запаниковала. Парень сидел неподвижно и никак не реагировал. Вдруг он поднял глаза на Юльку, и под его тревожным взглядом ей стало не по себе. Он спросил неожиданно нежным голосом:

– Давай, я помогу, у тебя не выйдет! Мои покоцаные венки!.. – он взял иглу, конечно же, нарушив стерильность, и привычным движением моментально вколол в вену. Из канюли закапала тёмная кровь. Юлька, спохватившись, подсоединила шприц к игле и дрожащими пальцами оттянула поршень. Шприц медленно наполнился густой бордовой кровью.

– Встать! Пошли в изолятор – он у нас застоялся в пустоте, – фраза у Михася получилась почти философской. Он сам этому удивился и скорчил Юльке смешную рожицу за спиной больного.

Они ушли, и Юлька, облегчённо вздохнув, написала на чистом бланке «истории»: «Кохановский Юрий Вадимович, 22 года».

Юлька с удовольствием зажмурилась от яркого солнца, покинув в десять часов утра отделение. Михась подсказал ей короткий путь до трамвая: оказалось, задние ворота больницы находятся неподалеку от периметра четырнадцатого, так что не было необходимости путешествовать через всю больничную территорию.

Юлька этим утром ощущала себя совершенно не такой, как вчера, когда она заступала на своё первое дежурство. Она теперь по-новому воспринимала привычный суетливый мир. Ей пришло в голову, что жизнь – как матрёшка. И можно многие годы переходить от одной оболочки к следующей, внутренней, но можно и застрять навсегда на внешней. Но Юлька попала в некую сердцевину человеческих трагедий в их самом неприглядном виде. Пока она ещё только прикоснулась к этой сердцевине, и все открытия её ждут впереди. Сейчас она радовалась небу, солнцу, людям на остановке.

Трамвай пришёл через десять минут. Юлька села у окна, привалилась плечом к стеклу и надела тёмные очки. В очках было легче смотреть на яркий утренний свет. Ночные дежурства всегда странно действовали на Юлькино зрение. Она заметила это ещё на втором курсе, когда отрабатывала практику по акушерству в

роддоме. Стоило взойти солнышку, всё вокруг быстро окрашивалось в прозрачные серебристо-розоватые тона и контуры предметов становились несколько размытыми.

Вздремнувшую Юльку разбудили пассажиры, дружно покидающие трамвай. Оглянувшись, Юлька увидела на путях вереницу опустевших вагонов.

Она вышла из трамвая последней и направилась, переступая через рельсы, к остановке автобуса. Каблук застрял в каменистом грунте и сломался. Растерянная и усталая, Юлька стояла на остановке, вертя его в руке, не зная, что с ним делать. Становилось жарче. Рядом притормозили «Жигули» горчичного цвета. Она демонстративно отвернулась, но водитель настырно просигналил. Юлька услышала знакомый голос:

– Юля, это я, Борис! Садись, я подброшу тебя домой!

Юлька неловко уселась на переднее сидение.

– Ты возвращаешься с дежурства? – спросил Борис.

– У меня слишком побитый вид? – забеспокоилась Юлька. – Ещё и каблук сломался.

Он улыбнулся:

– Как работа? А с каблуком не отчаивайся – не слишком большое горе. В остальном всё хорошо?

– Всё хорошо. Спасибо вам.

– Давай на «ты», – приказал Борис. – И без лишних благодарностей.

– Спасибо тебе, – подчинилась Юлька, – вот только отделение такое странное…

– Ну, прости, всё, что мог, я сделал. А отделение, действительно, особое.

– Мне интересно… Для меня это такая замечательная практика!

– Сергей говорил, ты собираешься в медин поступать.

Борис рассказал, как они познакомились с Сергеем, какой Юлькин братец потешный, как неловко он делает первые шаги на прокурорском поприще.

– А дома ходит такой важный, прямо пуп земли! – засмеялась Юлька.

Борис улыбнулся. Какой разной могла быть его улыбка! Теперь она весёлая, заразительная! Юлька поймала себя на желании как можно дольше смотреть на него, бесшабашно улыбающегося, как старшеклассник. Она сразу заметила, что иногда, наткнувшись взглядом на её колени, Борис поспешно отводил глаза. Тогда она старательно прикрывала колени сумочкой.

16

Борис догнал Юльку, когда она возвращалась в четырнадцатое из главного корпуса. Он обнял её за плечи. Она вздрогнула и виновато улыбнулась:

– Ты меня напугал.

– О ком задумалась?

– О Блоке.

– О ком?

– О поэте Александре Блоке. Вернее, о его первой любви.

В это предвечернее время в больнице было безлюдно. Им встретился только угрюмый мужчина в плаще и шляпе. Он кивнул Борису и прошёл мимо.

– Понимаешь, – объяснила Юлька, – она умерла здесь, в нашей больнице, в 1925 году. Я только что видела её шкатулку в музее психиатрии.

– Кто умер? Чью шкатулку?

– Как чью? Ксении Михайловны Садовской, в которую Блок влюбился в семнадцать лет. Я тебе о ней рассказываю.

– Какие несерьёзные люди эти поэты! Даже великие. Влюбляются в зрелых женщин юнцами.

– Ты удивишься, когда узнаешь, на сколько лет она была старше его! – с торжеством в голосе сказала Юлька.

– Постараюсь не удивляться. Она была красавицей, певицей и кокеткой с ангельским голосом и огненными кудрями. Как в такую не влюбиться? Прекрасная дама. А в шкатулке этой были его письма. Но они утрачены.

– Ты знал? – Юлька даже не пыталась скрыть обиду.

– Не сердись. Я многое знаю. Обещаю, тебе со мной не будет скучно.

Борис оставил Юльку у входа в четырнадцатое отделение. Уходя, он громко читал, не оборачиваясь:

«Не призывай. И без призыва
Приду во храм.
Склонюсь главою молчаливо
К твоим ногам.

И буду слушать приказанья
И робко ждать.
Ловить мгновенные свиданья
И вновь желать.

Твоих страстей повержен силой,
Под игом слаб.
Порой – слуга; порою – милый;
И вечно – раб».

Он махнул на прощанье рукой, потревожив стаю жирных больничных ворон. Они взлетели молча – наверное, каркать после стихов Блока не посмели.

17

Дискотека сразу ошеломила шумом и сутолокой. Юлька чувствовала себя здесь инородным телом. К тому же она оделась совсем не так, как было нужно. У неё нет таких широкоплечих, геометрически-прямолинейных тряпок, как у других. Она не знала, откуда они берутся. Вот Ирка знала и щеголяла каждую неделю в новой блузке. Потом они куда-то девались и появлялись другие. У Юльки кофточка была слишком обыкновенной. Наверное, из-за этого некоторые смотрели на неё с пренебрежением и жалостью.

Почти все на дискотеке были изрядно выпившими. Находиться среди них было неприятно. Юлька дала себе слово, что на дискотеку она больше никогда не придёт.

18

Вокруг пищеблока вечно воняет вареной капустой. Буфетчицы из отделений все, как на подбор, упитанные и статные. Среди буфетчиц в этом сезоне мода на алую помаду и зелёные тени под самые брови. За каждой из них – санитарка и пара больных с тачкой. Только Юлька не красит губ такой помадой и тащит свою тачку одна – ей провожатых не положено. Зато внимание больных привлекает именно она, потому что отличается от других буфетчиц. Один молодой человек подходит к ней каждый день и говорит одно и то же:

– Мариночка! Почему ты не пришла вчера на свидание? Я ждал тебя два часа.

Потом, подумав, добавляет:

– Вы не Марина. Вы – фельдшер из четырнадцатого. Там сидят убийцы. Их охраняет милиция. Меня тоже охраняла милиция. Но я никого не трогал. Я заболел. Ты будешь меня лечить? Выходи за меня замуж. Я почти здоров, мне уже лучше. И веду я себя хорошо. Очень хорошо, честное благородное слово.

Этот блондин красив, и у него трогательно высокая шея. Юльке нравится изгиб его бровей и бледные губы. Но отвечать ему она не решается. Ей жаль, что он болен. Марина, наверное, любила его. Такого красивого парня нельзя не любить. Но однажды из его головы вынули какие-то заклёпки, и в ней всё спуталось, перемешалось. Он перестал быть прежним. Теперь этот несчастный человек стал обузой для Марины. Бедная Марина!

Из задумчивости Юльку вывела пожилая санитарка. Она сказала негромко, чтобы, кроме Юльки, не услышал никто:

– Смотри, девонька, не увязни в беде. Тянет его к тебе. Он, конечно, парень видный, хороший, но сильно хворый. Дивчина его из армии не дождалась. Вот он и зачудил на нервной почве. Такие, раз сюда попавши, никогда не выкарабкиваются. Повидала я их, болезных…

19

До Юльки не доходит, как можно перебросить часть стока рек с севера на юг, искусственно проложить новые русла. Загадочное слово «мелиорация» действует завораживающе. Вот где сила науки! Скомандуем рекам «Кругом!», – говорит диктор программы «Время». Юльку терзает смутное сомнение: здоровы ли психически авторы этого фантастического проекта? Но она никому не говорит о своих сомнениях.

20

Сергей смеялся и цокал языком, когда Юлька в лицах рассказывала ему вечером о своём первом дежурстве и трамвайно-каблучном приключении.

– Борис – твой ангел-хранитель, Джулька! Неплохо бы его отблагодарить как-нибудь. Идея! У тебя завтра выходной? Суббота. Давай пригласим его на шашлыки к нам на дачу! Что скажешь? С нас же магарыч!

– Превосходная идея! А он согласится? – засомневалась Юлька.

– Если свободен… Так что – я звоню?

Сергей повис на телефоне. До Бориса дозвониться было непросто: у занятых людей обычно занятые телефоны.

– Мы с Джулькой хотим пригласить тебя на шашлык к нам на дачу, у нас халабуда на Дмитрия Донского. Водку и закуску обещаем, несмотря на всеобщую борьбу с пьянством. Бороться будем на следующий день с удвоенной энергией. Можешь и свою даму сердца прихватить, – услышала Юлька и ощутила легкий укол ревности.

«То, что Борис не женат, – подумала Юлька, – вовсе не означает, что у него нет близкой подруги». Она вздохнула и принялась составлять меню завтрашнего пикника на четверых.

Семейной дачей уже давно никто не занимался, и природа на этом клочке земли приняла свой первобытный вид. Заросли окутали беседку и приземистый домик на одну комнатку с верандой. Уже невозможно было понять, где раньше были дорожки. Отличить низкорослые плодовые деревья от дикого кустарника неизвестного ботанического вида непосвящённому человеку тоже было трудно – они были практически одной высоты и плотно переплелись ветвями. Так что маленький садик был похож на джунгли. Это место, находящееся недалеко от моря, теперь было пригодно только для пикников и пляжной сиесты. А ведь ещё не так давно бабушка Вера вывозила сюда Юльку и Ирку на всё лето.

В домике было прохладно и сыро. Крыша протекала, пришлось Сергею накрыть её рубероидом. Домик напоминал толстый гриб под чёрной шляпкой, над которым нависла крона старой груши. Когда-то на дачу была свезена мебель и прочая списанная домашняя утварь от всех родственников и знакомых, умеющих делать подарки из ненужных вещей. Здесь хранилось множество ничего не стоящих семейных реликвий. Комната напоминала склад. Но утренняя свежесть, запах моря и дымный аромат мангала, проникающие сюда, заставляли быстро полюбить это место.

К полудню, когда к калитке подъехала машина Бориса, стол в домике был обильно накрыт закусками, а шашлык почти готов.

– Ты зачем на машине? А водочки хряпнуть? – обижено спросил Сергей, показывая Борису дорогу к домику.

– У меня вечером встреча, я пить много не буду, просто посижу с вами… – тон Бориса не предполагал возражений.

– Ладно, я пойду за шашлычком, а ты проходи к Юльке. – Сергей направился к мангалу, испускавшему дымок у садовой беседки. – С ней тебе наверняка будет интереснее, чем со мной.

– Не мог отказать себе в удовольствии снова увидеть тебя, – сказал он Юльке и поставил на стол бутылку с нарядной заграничной этикеткой. На её высоком горлышке висела желтенькая миниатюрная книжечка на золотистом шнурке.

– Это для тебя, Джульетта, ликёр – по слухам, высшего качества.

Она ждала чего-то необычного от этого дня, но не представляла, чего именно. Её обрадовало, что он приехал один. В Юлькиной душе запела виолончель. Жаль, что на даче Борис побыл недолго. К еде почти не притронулся, попросил Сергея спеть, рассказал анекдот о прокуроре. Взгляд его разноцветных глаз теплел, когда он смотрел на Юльку.

Сергей ушёл в садик разбирать мангал. Юлька осталась в комнате с Борисом. Он подсел к ней на подлокотник кресла и поцеловал в губы. Юлька думала, что у неё остановится сердце. Борис тихо сказал:

– Как можно родиться такой красивой?

Он ушёл, не обернувшись. Юлька слышала, как у калитки он прощался с братом, как отъехала его машина.

Когда Сергей возвратился в комнату, Юлька по-прежнему неподвижно сидела в кресле. На губах медленно остывал поцелуй Бориса. Сердце, правда, работало исправно, но всё равно дышалось с трудом.

– Чего сидишь, как засватанная? – Сергей обеспокоенно посмотрел на сестру.

– Я перед ним… знаешь, столбенею, – призналась Юлька.

– Не только ты, – признался в ответ Сергей.

21

Юлька безропотно катила перед собой тяжеленную непослушную тачку, обшитую алюминиевыми листами. Колёса часто попадали в ямки, и тогда катить становилось труднее. Крышки на вёдрах противно дребезжали. Хотелось скорее в тень – укрыться от солнца.

Остановив тачку у крыльца, Юлька перетащила наполненные супом, кашей и компотом кастрюли в буфетную. Она торопилась – до обеда ещё нужно было порезать хлеб и заварить чай, поскольку компот предназначался для ужина.

Вовчик немного помог Юльке в буфетной и, посмотрев на часы, сказал:

– Ты отдохни, а я прошмонаю палаты, пока наши подопечные гуляют. Сегодня утром Саныч не успел…

Юлька прошла в сестринскую и закрылась там изнутри – скоро больные пойдут с прогулки, все двери по коридору должны быть заперты.

Минут через пять в условленном ритме постучали в дверь. Юлька впустила Вовчика. Он держал на раскрытой ладони трехкопеечную монету.

– Целое богатство! – пошутила Юлька.

– Зря лыбишься, это «писка», смотри, какой край острый! У вчерашнего поступившего, нашего завсегдатая Саши Невского, под матрацем нашел. Сходи к Александре, скажи ей о находке. Надо выяснить, как он сумел эту монету сюда пронести.

Врачи начинали беседовать с пациентами обычно сразу после пятиминутки. После обеда отделение пустело – из персонала оставалась только дежурная смена.

Александра Константиновна чаёвничала в своём кабинете в обществе старшей медсестры. Они обсуждали хозяйственные вопросы. Юлька постучала и вошла в кабинет.

– Юлечка! Легка на помине! – с улыбкой сказала заведующая. – Мы хотим обратиться к тебе с просьбой и предложением. Месяц назад вышла на пенсию наша сестра-хозяйка. Примёшь на себя её обязанности? – заведующая говорила мягко, но возражать ей не имело смысла – она всё равно настояла бы на своём.

– Один раз в неделю – смена постельного белья, полотенец и пижам, – подхватила старшая. – Стирка в прачечной, там стиралка с центрифугой есть. С глажкой я помогу. – Она, как видно, уже всё продумала. – А уборку на твоих сменах, можешь не беспокоиться, организуем с помощью хороших больных. В отделении всегда имеется пара-тройка таких. Будешь покупать им сигареты – «Приму» или «Ватру». Они тебе за это будут выдраивать полы до блеска.

Юлька не стала возражать.

– Вот и умница! – обрадовалась заведующая. – На тебя можно положиться. Сегодня и приступай. Ключи от флигеля у Матвеевны. Завтра-послезавтра на больничном складе получишь новое постельное бельё – десять комплектов, мыло и стиральный порошок. Кастелянша звонила. Теперь говори, что случилось?

– Вот что нашёл Вовчик под матрацем у Саши Невс… у больного Иванчихина.

Заведующая ахнула и вскочила со стула, увидев монету на Юлькиной ладони.

Юлька вернулась в сестринскую, когда больные за запертой решёткой уже звенели ложками.

– Передохнём, пока чеканутые маламурят. Что, досмотр после обеда? – спросил Юльку Вовчик, – Не зря я Михася не отпустил, чай пьёт в бытовке. Шла бы и ты пообедать…

– Стиральная машина для меня – раз плюнуть, жена всегда заставляет стирать, – успокаивал Юльку Михась. – Я помогу тебе, вечерком займёмся. Ну и начальство у вас, вот хитрованши, наглые, как танки! Монтулить тебя заставляют, а денежки, небось, сами получать будут!

– Обещали платить, а мне деньги совсем не лишние. Правда, и времени свободного много нужно – я в медин собралась поступать, готовиться надо. Мне всего один экзамен нужно будет сдать – по химии, но это если на пятерку.

– Ничего! Ночи длинные, так что времени хватит.

Заведующая, старшая, Михась и Юлька на досмотр собрались быстро. Вовчик привёл высокого тощего больного, которого все называли Сашей Невским. Это был хромой и косоглазый тридцатилетний мужчина. Хвастун и задира, он, попав в четырнадцатое, тут же навёл среди больных громкий «шорох». Так выразился утром Вовчик, с трудом утихомиривший его.

– Не понял юмора! С чего такое внимание до моей скромной персоны? – возмущённо поинтересовался Саша.

– Угомонись! Ты здесь не впервые и знаешь, что диагнозы Константиновна ставит за не фиг делать! – Михась шагнул к нему и решительно взялся за ободранный лацкан его пижамной куртки. – Гастролировал в Ленинграде, так там и оставался бы. Голоса у него образовались, видите ли, симулянт дешёвый!

– Ты не шарпай! Ну, вас всех я знаю, а лярву малолетнюю впервые вижу, – Саша показал на Юльку, однако его косой взгляд был направлен куда-то в сторону, мимо неё. – Пускай выйдет, не разденусь при ней!

Юльке и самой хотелось поскорее сбежать отсюда! Но Саша быстро сдался:

– Ладно! Харэ руками мацать, сам покажу! На жопе карман. – Он опустил брюки.

Юлька недоумевала: какой такой карман?

– Юлечка, дай пинцет! – старшая со вздохом поднялась со стула. Она приняла из Юлькиных рук инструмент и, склонившись к оголённому Сашиному заду, ввела одну браншу пинцета под едва заметную складку кожи в самом центре правой ягодицы. Пинцет на удивление легко вошёл под эту складку. Зинаида пошевелила им, определяя глубину «кармана», потом оттянула пальцем кожу вниз и извлекла из этого довольно глубокого хранилища ещё одну монету и половинку лезвия с надписью «Нева».

– Всё надыбали? – Саша натянул штаны и направился к двери, припадая на правую ногу. – Зухтер! Открывай ворот*а*, меня уже раскурочили!

– Завтра на выписку! Не продержу и дня! – обычно спокойная Александра Константиновна не смогла сдержать своего гнева, пламенем рвущегося наружу. – Михась, сообщи в СИЗО, а я готовлю заключение. И коню ясно, что он вменяем! Утренние назначения ему сделали, а для полноты картины – три миллилитра сульфазина внутримышечно, Юленька, и – во второй изолятор!

– Засандалишь кишкомоту серу, сегодня он будет никакущий, а завтра мы от него здыхаемся, – тихо успокоил Юльку Михась. – Не будет больше коники выкидывать. Покромсать же кого-то хотел, скаженный!.. Знаешь, как делается такой кармашек? Лезвие врезают под кожу и оставляют там, пока не заживёт. Потом можно что-то спрятать. Правда, я такое видел только у баб…

«*Сульфазин – однопроцентная взвесь серы в персиковом масле. Вызывает пирогенную реакцию организма, повышение температуры тела выше 38 градусов. Применяется для улучшения метаболических процессов организма в психиатрической практике…*», – прочитала Юлька в рецептурном справочнике.

Юльке стало жаль Сашу. В его косых глазах мелькнула тень давнего страдания. Кто знает, каков он настоящий? Хотел ли он для себя такой жизни? Может, он всего лишь пытается защищаться?

Выбора нет – сульфазин так сульфазин! Саша обречённо улёгся на кушетку. Его будет знобить всю ночь, подбрасывать на жёсткой койке. От жара мысли причудливо переплетутся с бредовыми видениями. Затем он обольётся липким потом и, наконец, забудется тревожным сном. Он это хорошо знает – не в первый раз!

Юлька сделала ему инъекцию.

– Из таких ручек и сера – удовольствие! Подставь щёчку, детка! Эх, закрутить бы с тобой цуцылы-муцылы хоть бы в изоляторе! Жаль, что я буду скоро совсем мутный, да и лапсердак на мне теперь не тот. Вот скоро откинусь и найду тебя, хочешь? Не век же мне на зоне валандаться, а на воле я знаешь какой центровой! – Саша ещё долго мог бы осыпать Юльку сомнительными комплиментами и несбыточными предложениями, если бы Вовчик с Михасем не запихнули его, вяло упирающегося, в изолятор.

К вечеру, когда страсти в четырнадцатом улеглись, врачи ушли, и даже занудливый эндокринолог закончил консультацию, Юлька тщательно убрала сестринскую.

Из первого изолятора уже около часа слышались стоны и крики. «Ломало» наркомана, и он голосил на все лады. На Юлькином столе зазвонил телефон. С внутреннего поста говорил Михась:

– Юлечка, постарайтесь успокоить убивца нашего, Кохановского, в первом. Тут у нас очень слышно его вытьё. Братцы Кролики нервничают, заглянуть грозятся!

– А что я могу? Это же ломка, а не насморк! – ответила Юлька.

– Кроли недовольны, – уверенно предположил Вовчик. – Братья могут с ним разобраться по-своему, они, как известно, ребята горячие!

– Это кто такие?

– Менты, два брата… акробата… А вот и Толик-Кролик… Привет! – Вовчик опасливо приподнялся со своей скамьи навстречу внезапно появившемуся угрюмому высокому милиционеру.

– Открывай изолятор, – тихо скомандовал он, не отвечая на приветствие.

Не успела Юлька опомниться, как Вовчик открыл дверь в изолятор.

Вовчик стоял в коридоре и нарочито равнодушно смотрел в сторону. Он преградил Юльке дорогу и зашептал: «Пошли отсюда, пошли», но ей всё же удалось заглянуть внутрь изолятора. Это была узкая тёмная комната. Вся обстановка состояла из одной только койки. Над лежащим на ней человеком склонился милиционер и бил его по лицу.

– Он бьёт его! – изумилась Юлька. – Понимаешь, бьёт!

Вовчик схватил её за плечо и потащил прочь:

– Молчи, ничего он ему не сделает, успокоит только.

– Как можно его успокоить? У него же абстинентный синдром, ломка, ты представляешь, какая это боль? Ему помочь нужно, а не бить! – Она возмущённо крикнула: – Эй, Кролик, или как вас там, не смейте трогать пациента! Я завтра доложу заведующей о вашем самоуправстве!

Взбешённый Кроль вылетел из изолятора и пронесся мимо Вовчика и Юльки. Хлопнула входная дверь отделения.

Секундное безмолвие сменилось громким стоном Кохановского. Юлька побежала к больному. Он лежал на спине, громко стонал, не открывая глаз. Его лицо было в крови.

– Потерпи, я сейчас помогу! – Юлька понеслась в сестринскую.

Пробегая мимо поста, она возмущённо бросила Вовчику:

– Ты же ничем не лучше его… Помоги мне, трус!

Вовчик вздохнул и поплёлся за ней.

Губы Кохановского были разбиты, а на скуле появился огромный кровоподтёк.

– Терпи, я сейчас тебе анальгин сделаю… Больше у меня ничего нет… – пообещала Юлька, убегая назад в сестринскую.

– Юль, да оставь ты его, бесполезное занятие! – увещевал её Вовчик.

Вбежав обратно в изолятор, Юлька едва не вступила в лужу рвоты. Теперь здесь, кроме едкого запаха пота и плесени, стояло густое кислое зловоние.

– Вова! Он вырвал, помоги мне убрать – принеси тряпку и тазик в туалете возьми!

Вовчик тихонько заматерился.

– Юля! Ты здесь старший куда пошлют, а не Мать Тереза. С тобой и так весело – дорожку Кролику мы уже перебежали, а этого делать не рекомендуется! Они всегда мстят.

– Унеси отсюда воду, трусло! – приказала Юлька, но у самой сжалось под ложечкой от страха. Она припомнила налитый кровью взгляд экзекутора в милицейской форме, когда он покидал изолятор.

Юлька уже собралась оставить своего подопечного, но он вдруг широко раскрыл глаза, сделал несколько жестких вдохов и стал беспомощно ловить ртом воздух. Даже при тусклом освещении изолятора Юлька заметила, как его губы побелели.

– Ё-моё! Задыхается! – испуганно воскликнул Вовчик.

Юлька сунула пальцы в раскрытый рот наркомана и стала быстро ощупывать его зубы.

– Ты чего делаешь, малахольная?! А если он пальцы тебе, того, откусит?

– Не откусит, он в сознании, надо же проверить, не выбил ли ему зубы этот зверь. Удушье может быть при аспирации инородного тела… Нет, как будто не выбил, все на месте… Значит, астматический приступ. Стой, я видела в шкафу эуфиллин!

С перепугу Юлька с первой же попытки попала в вену. Руки её дрожали не от страха, а от напряжения. Через несколько минут дыхание больного стало ровнее. Выдох приходил на смену вдоху, как и положено.

Кохановский посмотрел на неё из-под полуприкрытых век и прошептал:

– Сестрёнка… милосердная… никогда тебя не забуду…

Юлька была рада, что нашла правильное решение. Значит, не зря она прилежно училась, не зря проводила неурочные часы в реанимации.

Она опустилась на корточки напротив распахнутой двери изолятора с пустым шприцем и жгутом в руках. Ноги не держали. Спасённый затих, она видела его мерно поднимающуюся на вдохах грудь.

Перед Юлькой на прикрученной к полу койке в вонючем изоляторе психбольницы лежал не преступник и не убийца. Свесив руки с кровати, перед ней был человек, жизнь которого была адской мукой, жизнь которого была давно кончена! Но всё равно он хотел жить.

Рассвет пришёл с неприятным ощущением песка под веками. Голова была чугунной.

– Не вздумай докладывать о Кролике Александре. Представь, что тебе это всё приснилось, – посоветовал Вовчик перед Юлькиным уходом на пятиминутку.

Но она не понимала, каким образом можно скрыть такое. Тем более что Кохановскому требовалась срочная консультация нарколога и интенсивная терапия. Обо всём этом она подробно поведала персоналу четырнадцатого во время своего отчёта на пятиминутке.

– Зря ты, Юль! Я же просил тебя этого не делать, теперь этот муркет Кроль на нас отыграется, – сокрушался Вовчик, выходя вместе с Юлькой из отделения.

– Не было вариантов… – Юлька была бледна и говорила тихо. Под её глазами залегли серые тени. – Поеду домой – посплю. Завтра придётся выйти с утра, я же теперь сестра-хозяйка… Делаю карьеру! – она печально улыбнулась.

Они вдвоём вышли на залитую солнцем асфальтовую дорожку, пролегавшую вдоль внешней стены четырнадцатого.

– Вот чёрт! – сказал Вовчик, увидев перед собой высокую молодую женщину с распущенными по плечам длинными волосами.

Женщина решительно подошла к остановившейся рядом с Вовчиком Юльке. Яркое утро ослепило Юльку, и женщина представилась ей какой-то русалкой, в волосах которой запутались солнечные лучи.

– Ах, вот ты какая! А ты знаешь, кто я? – громко с вызовом спросила женщина.

– Да! – неожиданно для самой себя ответила Юлька, но тут же спохватилась: – То есть нет!

– Не выкручивайся! Увела мужа, так и скажи! – истерически завизжала женщина, вцепившись в Юлькин локоть.

Громкие возгласы женщины вонзались в Юлькины барабанные перепонки острыми иглами. Она, ничего не соображая, с недоумением смотрела на незнакомку.

– Люда! Оставь её, это не она! – прикрикнул на женщину Вовчик и оттолкнул её от Юльки. – Мне надоели твои закидоны! Или пристроить тебя опять подлечиться в женское, здесь рядышком?

Ошеломлённая происходящим, Юлька увидела подрулившую к четырнадцатому машину Бориса. «О господи, его только здесь не хватало!», – промелькнуло в голове.

– Никак сцена ревности? Очень приятно! – с издёвкой проговорил Борис, обращаясь ко всей компании. – Юля, ступай немедленно в машину и подожди меня там.

Юлька подчинилась. Она слышала, как Борис препирался с Вовчиком, всё ещё борющимся с неугомонной Людой:

– Забирай отсюда свою шизофреничку и держись подальше от этой девочки! Заруби себе это на носу! Я тебя предупредил?

– Предупредил, предупредил! Я что, я ничего, пусть она сама скажет, – оправдывался Вовчик. – Я себе не враг, чтобы твою… С твоей…

Борис направился на внутренний пост, только убедившись, что парочка уже на безопасном расстоянии и новая встреча с ними Юльке не грозит.

Тишина мягко закупорила Юлькины измученные уши. Она пыталась проанализировать свою встречу с Людой. Ей казалось, что её вымазали в грязи. Почему-то ей было очень стыдно. Если бы Юлька не боялась оставить незапертую машину без присмотра, она бы убежала до прихода Бориса. Вскоре он вернулся, сел за руль, завёл мотор и, разворачивая машину, сказал:

– Ну, героиня ночи! Перейдёшь в другую смену, подальше от этого Дон-Жуана слободского, поняла? – Борис притормозил перед больничными воротами. Вокруг не было ни души.

– Он не приставал ко мне, если ты об этом. – Она не желала оправдываться.

– Я не спрашиваю твоего мнения. Переходишь в другую смену! Некому будет раздавать авансы, не с кем будет флиртовать!

Юлька низко опустила голову, чтобы спрятать навернувшиеся на глаза слёзы, и выдавила из себя:

– Хорошо.

Борис заглушил мотор.

– Джульетта, неужели ты обиделась на меня? Так будет лучше для тебя! – Он обнял её за плечи и притянул к себе.

Юлька резко оттолкнула его локтём, дала ему хлёсткую пощечину и выпалила:

– Не смей меня трогать! Я устала! От меня воняет!

– Ну ладно, ладно, хорошо… Какой на тебя гэц напал?.. Отвезу-ка я тебя домой, пока ещё кто-нибудь не пострадал.

Он снова завёл двигатель.

До самого дома они не произнесли ни слова. Напряжение с каждой минутой возрастало. Юлька сожалела о своей выходке: на самом деле ей хотелось, чтобы Борис её обнял.

Борис пытался разобраться, почему так глубоко волнует его эта девчонка, и не находил объяснения.

– Сергей звонил, он Сашу в роддом повёз – началось… Собственно, я потому за тобой и приехал, – сухо сообщил Борис покидающей автомобиль Юльке.

22

Ровно через неделю Юлька стала полноправной и единоличной распорядительницей флигеля, состоявшего из двух комнат. Первая, проходная, служила складом, прачечной и гостиной. Здесь стоял старый громоздкий диван под потёртым жаккардовым покрывалом, стол, несколько деревянных стульев, почти новая стиральная машина «Аурика» с центрифугой. Пол был устлан керамической плиткой рыжего цвета и по центру комнаты имел углубление со стоком для воды – всё-таки прачечная.

Во второй, меньшей комнате на полках хранилось чистое бельё. Белые халаты, выстиранные, накрахмаленные и отглаженные, были заботливо развешены на плечиках.

Юлька приехала к обеду, ей предстояло перестирать ворох грязного белья и пижам, но у неё было прекрасное настроение – сегодня утром забрали из роддома Сашку с малышом! Мальчик был розовым и толстощёким, и Юлька успела несколько раз перепеленать его. Это была такая радость, которую не могла омрачить даже стирка больничных пижам. Она улыбнулась и подмигнула угрюмым братьям Кролям на внутреннем посту – её вдруг позабавило их фамильное сходство: они были похожи, как близнецы, хотя разница в возрасте составляла несколько лет. Оба недоуменно уставились на Юльку, и это их удивление ещё больше развеселило её.

Напевая тихонько, она взялась за работу.

Стиральная машина гудела, дергалась, а иногда подпрыгивала, грохоча металлическим корпусом по полу прачечной. Немного времени спустя двор четырнадцатого занавесился сохнущими простынями и пододеяльниками с жирными чёрными цифрами «14» по углам.

В дверном проёме прачечной появилась Ольга Васильевна. Сегодня была её смена.

– Юля, Зинаида просит тебя сводить Пасечника на повторную энцефалографию, а то мы с ней затеяли помыть окна в сестринской и кабинетах.

– Конечно! Только вот машинка остановится, – Юлька улыбнулась и Ольге.

Коля Пасечник, деревенский житель сорока пяти лет, был добродушным человеком. Часто шутил и балагурил, всегда был готов принимать участие в уборке отделения в обмен на курево. Он относился к отряду «хороших больных» по классификации старшей сестры Зинаиды Матвеевны. На обследование был направлен из колонии, где отбывал срок за бытовое убийство своего соседа в пьяной драке. Николай, уже отмотавший большую часть срока, вдруг ни с того ни с сего начал слышать голоса, потом стал им отвечать и даже изредка следовать их советам.

Сан Саныч вывел Пасечника во двор и отдал Юльке листок-направление:

– Ступайте на пост, Кроликов я предупредил. Они ждут.

Но никто Юльку с больным не ждал и сопровождать не собирался. Один из Кролей крикнул:

– Идите сами, дорогу знаете!

Юлька помялась недолго на пороге – вроде не положено выходить с больным за пределы отделения без милиции, а с другой стороны – это же безобидный Пасечник. И она легкомысленно двинулась в путь с неумолкающим Николаем:

– Була в мэнэ собака, злюща, як у попа жинка, называлася Райком. Потом прыйшлы люды з райкому, кажуть – нэ можна так собаку называть! Я й назвав кабыздоха Собэс. Собэс у нас у центри поруч з райкомом, в одному доми… Так вин тоди як сказывся…

Юлька хихикала над историей пса, сменившего множество имён и все по названиям советских учреждений. Пока они пересекали территорию больницы, Николай несколько раз останавливался, срывал торчащий из травы жёлтый цветочек одуванчика и протягивал Юльке.

Длинный коридор в соседнем корпусе, ведущий к кабинету ЭЭГ, был разделён несколькими тамбурами. «Волшебной» ручкой Юлька открыла тамбур, впустила Пасечника и вошла сама, захлопнув за собой дверь. Так они оказались в тесном замкнутом пространстве. Юлька уже вставила ручку в замочную скважину второй двери, но повернуть не успела – Николай ловко выхватил ручку и с беззаботной улыбкой

бросил её в карман своей пижамной куртки. Юлька опешила. Вместо объяснений Пасечник вынул из другого кармана увесистую чугунную болванку величиной с электрическую лампочку. Будто взвешивая этот снаряд на ладони, он медленно опускал и поднимал его перед Юлькиным носом.

Испугаться по-настоящему Юлька не успела. Что-то заскрежетало в замке, дверь распахнулась, и она с облегчением увидела крупного немолодого мужчину в белом халате, санитара из ближайшего отделения. Он молниеносно сориентировался и вырвал болванку из руки Пасечника:

– Вот это да! Небось, из бачка в сортире достал, злыдень! Это ж клапан, воду открывать для слива. – Санитар схватил Николая за плечо и прошипел ему в ухо: – Иди тихо и не рыпайся!

Пасечник съёжился и пробормотал:

– Я ж показать тики хотив, прэдупредить, цэ ж кожэн псых зможэ достать…

– Вы из какого отделения? – спросил санитар.

– Из чотырнадцятого… – вместо Юльки ответил Пасечник.

– Ничего себе! Где же конвой, наручники? Что это за халоймес, девушка?! Он же вас чуть не прибил!

Вот когда до Юльки дошел мандраж!

Спаситель проводил её до входа в четырнадцатое, крепко удерживая Пасечника за плечо. Юлька уже собиралась позвонить, но кто-то опередил её. Она оглянулась. Это был Борис, он с интересом рассматривал занятную группу, собравшуюся перед отделением. Отворивший Кроль нагло ухмылялся, пока не заметил замыкающего шествие Бориса.

– Как же вы отпустили девушку одну, даже наручники на него не надели? Да он бы её прикончил в тамбуре! – возмущался, уходя, санитар.

Борис молча пожал ему руку и бросил тихо милиционеру:

– Я с вами разберусь, предвкушайте!..

«Ну почему он всегда появляется в самый неподходящий момент? Теперь я выгляжу, как неспособная запомнить простые правила дура! Как стыдно!» – думала Юлька, стараясь не смотреть на Бориса. Они прошли в отделение и сдали удивлённому Сан Санычу Пасечника.

Поговорив с заведующей, Борис нашёл Юльку во флигеле.

– Вот ты где от меня спряталась! – Он хотел назвать её как-нибудь ласково, но слова «лапуля», «зайчик» или «мурзик» совсем ей не подходили. – Сильно испугалась? – Борис прикоснулся кончиками пальцев к её подбородку, затем провел ладонью по её плечу, будто проверяя, цела ли она.

– Я вообще не успела испугаться! Тамбурный детектив в сопровождении водобачкового инструмента, – засмеялась Юлька.

– А я за тебя испугался, – признался Борис и ушёл, не закрыв за собой дверь.

23

Борис стал появляться в четырнадцатом отделении чаще. То интересовался ходом экспертизы по делу Кохановского, то лично сопровождал своего очередного подследственного. Его участившиеся посещения беспокоили Юльку. Сотрудники недвусмысленно улыбались, всё чаще оставляли их наедине. Чтобы подчеркнуть безосновательность общественного мнения, Юлька встречала Никитина с отсутствующим и безразличным видом. Но сердце её учащённо билось, а глаза блестели.

Борис приехал в отделение поздним вечером. Звенящая сверчками тишина заполнила пространство слабо освещённого двора. Три лампочки собирали стайки мошек на свой тусклый свет: над крыльцом, над выходом с внутреннего поста и около двери флигеля.

Юлька снимала высохшее бельё в безлюдном дворе. Борис тихо подошёл к ней. Юлька ахнула, оглушённая его внезапным поцелуем. Теперь он смог распробовать её губы. Вкус топлёного молока и карамели. Несомненно, это был самый вкусный поцелуй в его жизни, и он захотел повторить его немедленно. Но Юлька оттолкнула Бориса и сказала, поднимая упавшую на траву простынь:

– Не нужно больше, прошу тебя! И вообще, по-моему, мы не подходим друг другу!

Она попыталась уйти, но Борис поймал её за руку.

– Я не подхожу тебе? Я? Тебе? А кто же тебе подходит? Кто? Какой-то липкий Вовчик? – Борис пришёл в ярость и уже не помнил себя от ревности к соперникам, существующим только в его воображении.

– Ты не имеешь права кричать на меня! – Юлька решительно освободила руку и быстро ушла во флигель. Она захлопнула за собой дверь на защёлку перед самым носом Бориса.

– Джульетта! Впусти меня, нам необходимо поговорить!

«Скажи, что любишь, и я впущу тебя!» – мысленно умоляла его Юлька. Но он только ломился в дверь и чертыхался. А она гладила ладошкой шершавую поверхность двери, представляя, что прикасается к густым чёрным волосам, к небритой и колючей щеке. Вот она пальцами провела по его тёплым губам, и они зашевелились в неясном шёпоте…

Борис отрывисто стукнул кулаком в дверь, прорычал что-то бессвязное и исчез. Он был очень рассержен. Несколько недель Борис не появлялся. За суетой будней стёрлись и поблёкли воспоминания об их последней встрече. Юлька, чтобы не думать о нём, с головой окунулась в работу. Она простила Борису

его эгоизм и вспыльчивость.

В следующий раз Борис появился в четырнадцатом ранним утром. Он прошёл через внутренний пост и случайно услышал отрывок разговора Михася и Вовчика. У них был ранний перекур.

– Что за цветочки ты тащил вчера Юлечке Михалне? Ухлёстываешь? Ну-ну… Эх, Вовчик, свяжешься – не развяжешься! Хотя девчонка – высший класс, я тебя понимаю! И улыбается тебе… Хотел бы я, чтобы она мне так улыбнулась, – сказал Михась.

Услышав слова Михася, взбешённый Борис ринулся к флигелю. Из-за своей ревности он был готов поверить чему угодно.

Юлька гладила халаты в дальней комнате прачечной. Борис, ворвавшись, с треском захлопнул дверь. Ему в глаза бросился букет белых роз. Он смахнул со стола вазу. Ваза разлетелась на мелкие кусочки, розы, упав, рассыпали свои хрупкие лепестки. Юлька, отступив в угол, изумлённо посмотрела на Бориса.

– Учти, ты моя! – крикнул он, схватил её за плечи и сильно встряхнул. Потом приподнял над полом. Юльке показалось, что она летит. Она зажмурилась. Борис поцеловал её, она не сопротивлялась. Один поцелуй, второй, третий…

Юлька сидела на пропахшем плесенью стареньком диване, беспомощно уронив руки на колени. В груди её была глухая пустота, как будто оттуда вынули сердце… По окну барабанили капли дождя: кап-кап-кап. Сладкая *капелька* – это её влюбленность. А вот эта *капля* терпкой обиды. Ещё одна *капля* – жгучая боль от грубых ласк. Горькая *капля* злости на себя – растеклась в его руках, поддалась соблазну объятий, чтобы услышать безжалостное: «У тебя никого не было, ведь так? Почему же ты меня не остановила?». *Пряная капля* страха встречи с ним после того, что случилось, и страха, что он её забудет.

«Собери эти капли, Юлька! – попросила она саму себя. – Не смей плакать! Ты давно выросла. Ты взрослая, сильная и отважная. Как Тереза Батиста, уставшая воевать, из романа Жоржи Амаду. А любовь… Кто-то сказал, что любовь – это дитя иллюзий и мать разочарований. Долой иллюзии, долой разочарования!».

24

Юльку разбудило ворчанье Ирины:

– Сколько можно спать? Я музыку послушать хочу, а ты всё спишь. Просыпайся, уже почти сутки дрыхнешь!

Юлька потёрла глаза и вернулась в реальность. Слёзы снова потекли из воспалённых глаз. Юлька отвернулась к стене и натянула одеяло на голову.

– Опять ревёт! Во сне ревела, проснулась – ревёт! Все, я зову Серёгу! – Ира открыла дверь и громко крикнула в коридор:

– Сергей!

Он выскочил из кухни и зашипел на сестру:

– Закрой рот, мелкий спит! Только уложили, разбудишь – убью! Чего тебе надо?

– Разбирайтесь сами! – Ирина ушла в комнату родителей.

Сергей присел на краешек Юлькиной кровати, осторожно прикоснулся к её волосам:

– Что случилось?

– Ничего, родной, просто я устала немножко, – она отбросила одеяло и села с ним рядом. – Я же поменялась дежурствами, за пять дней отпахала четыре смены, как стахановка. Не обращай внимания. Моя заведующая говорит, что жизнь прекрасна и удивительна, нужно только правильно подобрать антидепрессанты.

– Зато ты на свадьбу к кузине едешь полномочным делегатом от всего нашего семейства! Когда автобус?

– В восемь пятнадцать. Завтра уеду на недельку – нужно же бабушке помочь. Давно я наших не видела! – Юлька вздохнула.

– Помощников там и без тебя полно. Но ты поезжай и домой не торопись, может, там на воздухе химию свою поучишь, экзамен скоро! – сказал Сергей и вдруг добавил: – А я сегодня Бориса видел с какой-то шикарной блондой. Жаль, что не сложилась ваша дружба. Я думал, что вы… Жаль. – Сергей вышел из комнаты, плотно притворив за собой дверь.

Когда его шаги затихли в коридоре, Юлька завыла, уткнувшись лицом в подушку.

У ворот бабушкиного дома Юлька, оставив невесёлые мысли, улыбнулась – она приблизилась к призрачной стране детства, где до сих пор обитали гномы-невидимки и маленькие хулиганские тайны.

Небольшой двор находился под бдительным надзором громадной овчарки, насторожившейся при виде Юльки. Собака внимательно всматривалась в гостью, наклонив на бок голову. Юлька позвала:

– Бабушка! Ба-а-а-а!!!

Бабушка выскочила из-за угла дома и радостно воскликнула:

– Люлечка! Приехала!

Она засеменила к воротам. Её румяное смеющееся лицо на мгновение сделалось строгим, когда она проходила мимо тихонько рыкающей собаки.

– Йды пид плав, гадость такая! – сквозь зубы бросила бабушка и тут же снова адресовала Юльке счастливую улыбку. Собака отвернулась и безразлично ушла вглубь двора. Бабушка обняла Юльку.

Весь воздух здесь был пропитан ароматом диких ромашек, заполнивших лужайку перед воротами. Тысячи бело-жёлтеньких цветочков радостно и колко топорщились вокруг Юлькиных босоножек. Ромашка аптечная тотчас приступила к исцелению Юльки.

Из дома с воплями восторга выскочила Татьяна, потрясая крупными алюминиевыми бигуди, на которые были тщательно накручены русые волосы.

– Ты похожа на инопланетянку, Танюшка! – со смехом сказала Юлька и была заключена в неистовые сестринские объятия.

Следом за Татьяной из дома вышел парень. Он остановился поодаль и закурил, прищурив левый глаз. Юльке жених Тани не понравился. Смотрел он нагловато и презрительно ухмылялся. Отшвырнув сигарету, он сказал:

– Вы покы обнимайтэсь, а я пишов, – и скрылся за калиткой.

Вечером, когда включился веселый распев сверчков, а бабушка заканчивала хлопоты в летней кухне, Юлька спросила:

– Бабуля! Неужели Танюха не могла найти себе кого-нибудь посимпатичнее?

Бабушка печально покачала головой:

– Я ж ий казала, и батько говорыв, и дед. Она вчэпылась у цього Кольку, як той рыпьях, нэ выдирвэш. А вин щэ якось так до нэи прохладнэнько… Каже, чтоб нэ розбалувать. А ий як пороблэно…

Бабушка погладила Юльку по голове своей шершавой тёплой ладонью. Юлька вздохнула. Вздохнула и бабушка. Они посмотрели друг на друга и засмеялись. Им было хорошо вместе.

Лампочка под потолком собрала на свой свет тучку мошкары. Комары кусали Юлькины лодыжки. Овчарка Волга улеглась на пороге, на границе света и мрака, и положила большую тяжёлую голову на ступеньку. В сарае завозилась и захрюкала свинья. Пахло свежей травой и навозом. Дневная духота прошла, и веял тихий ласковый ветерок. Листва шептала колыбельную на своем непонятном языке.

Проснувшись ранним утром, Юлька почувствовала необыкновенную лёгкость в теле и голове. Она каждой своей клеткой ощущала давно знакомый аромат этого дома: хрустящего постельного белья, дикой ромашки под окном, свежесваренного борща и сдобной выпечки… Петух поприветствовал новый день своим радостным «кукареку». Юлькино нагое тело парило в просторах бабушкиной ночной сорочки. Здесь она всегда надевала бабушкины сорочки – ей казалось, что лёгкая от многократных беспощадных стирок ткань защищает её тело подобно броне. Все оказывалось так просто, и беды мельчали, а потом и вовсе таяли, словно снежинки на ладони.

Бабушка уже носилась по двору.

– Доця, Люлечка! Йди до тети Кати, до нашои соседки, визьмэшь молочка свижэнького, брынзочкы, вона знае… Давай, быстрэнько!

Юлька, напевая, бегом направилась к соседям через прореху в сетчатой изгороди, разделяющей огороды. Тётя Катя успела всё приготовить – два синих эмалированных бидончика с молоком и большую кастрюлю с завёрнутыми в желтоватую марлю большими кругами брынзы.

– Я сейчас вернусь за кастрюлькой, – весело сказала Юлька, взяв бидоны, но соседка её остановила:

– Стий, вжэ ж племянничок мий проснувся. Го-ши-и-к, иды сюды, поможи Люльке! Ты ж её помнишь?

Юлька обернулась на звонкое «ага». Высокий молодой человек, босой, в одних шортах и с золотым крестиком на шее, стоял в двух шагах от Юльки у калитки, ведущей в огород. Он с улыбкой хрустел огурцом и внимательно рассматривал Юльку. Когда улыбка сошла с его губ, оставив лукавые огоньки около зрачков, он протянул Юльке руку.

– Ты – Гоша? Так ведь? Мой старинный друг? – Юлька радостно хлопнула ладошкой по его пальцам. – Я тебя узнала!

– А тебя не узнать, вратарь Юля!

Когда-то они вместе играли в футбол. Юльку ставили на ворота, когда не хватало игроков-мальчишек. После игры Гоша заботливо прикладывал к ссадинам на её коленках пыльные листья подорожника и осторожно обвязывал их шнурками, выдернутыми из своих кед.

– Ну как, колени уже не болят? – Гоша глянул на Юлькины ноги и тихонько присвистнул.

Юлька, торжествуя, гордо взяла кастрюлю:

– За мной, мой верный рыцарь, хватай бидоны и вперёд! Нас ждут великие дела на поприще бабушкиной свадьбы!

– Почему бабушкиной, вроде замуж выходит Татьянка ваша? – спросил Гоша, следуя за Юлькой с бидонами в руках.

– А потому, что этой свадьбой руководит бабушка, она – наш командующий, а я – начальник штаба! Тебе предлагаю быть моим адъютантом.

– Я согласен! – ответил Гоша бодро. – Жду дальнейших приказаний!

К девяти часам утра на улице у бабушкиного забора стоял огромный брезентовый шатёр, внутри которого установили длинные столы. Столы образовывали гигантскую букву «П», за местами жениха и невесты на брезент шатра повесили большой зелёный ковёр.

Юльке казалось, что в подготовку к свадьбе вовлечена добрая половина населения Беляевки. Незнакомые люди сновали повсюду, производя разнообразные действия и генерируя один вибрирующий монотонный гул. Гоша не отлучался от Юльки ни на минуту. Даже когда она одевалась к торжеству, за дверью то и дело слышался голос Гоши:

– Юля, ну сколько можно, давай побыстрее, уже пора!

Гоша оказался отменным помощником. Вдвоём с Юлькой они выполнили кучу бабушкиных поручений – от доставки продуктов и посуды до чистки картошки. Правда, к кручению голубцов Гошу не допустили: для традиционных беляевских голубчиков величиной с мизинчик у него были слишком большие руки. Но Гоша пригодился и здесь, он развлекал анекдотами целый взвод «голубцовых» мастериц, но не менее забавными были и его рассказы об учёбе в мореходном училище.

Юлька хохотала вместе со всеми. И спокойствие снизошло в её душу.

– Нет, я не верю, это какой-то фарс! Они что, наяву расписались? И теперь вот этот Мыкола и наша Танька – муж и жена? Ущипни меня, может, я сплю? – шептала Юлька Гоше, когда фотограф выстроил гостей для исторического фото.

– Не цепляйся к нему, хлопец как хлопец, ну разве что какой-то замызганный… Ты учти, если бы не их свадьба, мы не встретились бы сейчас!

И Юлька, обрадовавшись этим словам, мысленно ухватилась за них, как за спасательный круг. Она вложила свои пальцы в его руку, он робко сжал их и не выпускал до самого «вылета птички».

Произносили тосты, пили, ели, кричали «горько!» и снова ели, пили и танцевали.

– Ох! Я та-а-к натрескался, что сейчас лопну, так что лучше давай сбежим на прогулку, – предложил Гоша, и Юлька согласно кивнула головой.

Они ушли, держась за руки. В свадебной сутолоке никто не заметил их исчезновения, кроме вездесущей бабушки. Она одобряюще махнула оглянувшейся, чтобы посмотреть на неё, Юльке.

– Такый хороший мальчик цэй Гошик Катин, такый самостоятельный, серьёзный, бэручкый, так вин мэни наравыться. И Люлечке дуже пидходыть! Хай дитям бог помогае! – сказала бабушка сидевшей рядом с ней старушке.

– Небо заразилось ветрянкой, – предположила Юлька, задрав голову.

Охваченное звёздной хворью небо закружилось над Юлькиной головой, когда Гоша подхватил её на руки и понёс по какому-то переулку, затихшему перед утренним пробуждением. Юлька пожаловалась, что устала, и у неё болят ножки. Для неё стало открытием, что капризничать, оказывается, приятно. И Гошин жадный поцелуй заставил понять, что любовь может дарить нежность, покой и чувство защищенности.

Петушино-коровий, кукарекающе-мычащий рассвет принёс обильную росу, и Юлькины босоножки совсем промокли. Было пасмурно и, наверное, поэтому темно. Ночные путники приближались к бабушкиному дому, перед которым чернел опустевший свадебный шатер.

– Пойдём спать, а то дождик начинается, – зевнув, предложила Юлька.

Они дошли до шатра. На заборе у калитки висели два дождевика, а на траве стояли две пары резиновых сапог.

– Твоя бабушка о нас позаботилась – спасибо ей! Правильная старушка! Теперь просто грех идти спать, погуляем ещё полчасика! – попросил Гоша, набрасывая на Юлькины плечи широкий дождевик.

В автобусе Юлька дремала, прижавшись щекой к Гошиному загорелому плечу. Гоша увозил её в Одессу. Он собирался в рейс через три дня, а у Юльки осталось двое суток выходных, и они запланировали провести их вместе. Гоша снова влюбился в Юльку. Он важно сказал: «Моя детская любовь к тебе повзрослела и вышла из берегов».

Оказавшись у Гоши дома, Юлька восхитилась невиданных размеров аквариумом.

– Это папин. Он в рейсе сейчас. Я чайник поставлю, перекусим: пошнераем по шхерам – что-то найдём, – пообещал Гоша, как заправский морской волк. Так говорил Юлькин дядя, старый китобой.

Гоша возился в кухне, пока Юлька была погружена в созерцание глухого водного мира, заключённого в стеклянные стены комнатного моря.

В кресле, где сидела Юлька, лежала небольшая книжечка «Сонеты Адама Мицкевича» с торчащей закладкой – открыткой «С 1 Мая». Юлька машинально открыла книгу.

Мне грустно, милая! Ужели ты должна
Стыдиться прошлого и гнать воспоминанья?
Ужель душа твоя за все свои старанья
Опустошающей тоске обречена?
….Все алтари теперь я оболью слезами –

Не для того, чтоб грех Создатель мне простил,
Но чтобы мне твоим раскаяньем не мстил!..

Печаль удушливой волной встряхнула Юлькину память – она вспомнила о Борисе.

Гоша появился перед ней со сковородой в руке.

– Омлет готов!

Вздрогнули рыбные стайки в зеленовато-прозрачной толще воды.

– Кирюшкина книжка, моей сестры, она сейчас в институте. Обожает стихи Адама Мицкевича, на все случаи жизни у неё – по сонету. Я с ней скоро и сам стихами заговорю! – объяснил Гоша. – Все девчонки стихи любят, так ведь?

Гоша так простодушно и открыто улыбнулся, а его глаза искрились таким неподдельным счастьем, что в Юлькино сердце вернулся покой. Но свои стихи она ему читать не стала.

25

Отчётно-выборное комсомольское собрание в психиатрической больнице закончилось избранием нового комсорга. Им чуть не стала Юлька. Но ей удалось сделать самоотвод.

Комсомольцев в больнице было всего полтора десятка, половина из них должна была покинуть ряды ВЛКСМ по возрасту. Кандидатур было две – Юлька и молодой доктор-интерн.

Секретарь партийной ячейки уговаривал Юльку стать комсоргом, даже водил её на беседу в райком комсомола. Но Юлька заупрямилась. Чтобы отстали, пришлось признаться, что она не до конца понимает политику перестройки, ещё не вникла, и потому считает себя не готовой возглавить организацию. Парторг развёл руками. Так что доктор-интерн, избранный единогласно комсомольским вожаком, мог теперь наверняка рассчитывать на постоянное место работы в больнице.

26

У милиционеров в четырнадцатом отделении появились резиновые дубинки. Михась называл свою демократизатором. Юлька обрадовалась, что после инцидента с Пасечником в тамбуре больше нет братцев Кроликов. (Поговаривали, что Никитин выполнил своё обещание разобраться с ними). Они точно пускали бы демократизаторы в ход, не задумываясь.

27

На фоне горбачёвской антиалкогольной компании, водки в самоварах и заварочных чайниках, уничтожения виноградников, поголовного членства в обществе трезвости, вечных толп у винных магазинов Юльку поражало одно: из опер вырезали сцены с тостами. «Какая теперь может быть “Травиата”?» – сокрушалась Юлька.

А ещё ей до слёз было жаль Данаю! В Эрмитаже ублюдок с комплексом Герострата плеснул на полотно Рембрандта кислотой. Удастся ли теперь отреставрировать картину? Юлька надеялась, что удастся.

28

Юлька торжествовала: Каспаров всё-таки победил Карпова! Он чемпион мира, ему 22 года. Он почти Юлькин ровесник.

К «Перестройке» присоединяется «Ускорение». Юлька не понимает, как можно, ускоряясь, перестраиваться.

29

Когда Юлька услышала о том, что где-то на дне океана найден затонувший «Титаник», у неё дрогнуло сердце. Гоша был в море, и от него давно не было вестей. Но на следующее утро позвонила Гошина сестра и сказала, что они получили радиограмму. У него всё в порядке, и он целует Юльку сто раз. Она успокоилась.

30

Аэробикой от Джейн Фонда начали заниматься все женщины в отделении. Мама и Ира тоже не пропускали телевизионных занятий в положенное время. Аэробикой почему-то не занималась одна Юлька.

31

Когда Юлька была маленькой, ей часто снились большой старый парк около Привоза и большая старая клумба в этом парке. Ещё в этом сне была большая белая собака, которая ела большие белые цветы. Наверное, ромашки? Собака съедала цветок и улыбалась человеческой улыбкой, а потом снова принималась за еду.

Юлька привела Гошу в парк своего детства на прогулку. Здесь почти ничего не изменилось. Но парк оказался не таким огромным, как помнилось Юльке. Детские аттракционы соседствовали с прокатом велосипедов и комнатой смеха. Дальше, на отшибе, пристроился цирк-шапито. Ещё в парке был тир. Он был здесь всегда – железный сарай, выкрашенный в ядовито-зелёный цвет. Оттуда вечно доносились звонкие звуки пневматических выстрелов.

Когда-то стрельба в тире была для Юльки доступным воскресным развлечением. Маленькая пулька размером с булавочную головку стоила недорого. Папа покупал десяток таких пулек и уходил катать Ирку на каруселях. А Юлька оставалась в тире на попечении дяди-директора. Дядя-директор помогал ей заряжать тяжёлую винтовку и хвалил за меткую стрельбу. Взрослые с уважением смотрели на маленькую Юльку, которая неизменно выбивала девять из десяти движущихся мишеней. Она всегда начинала с «музыки». Нужно было попасть в красненький пятачок у фигурки волка или медведя, и Марк Бернес начинал петь «Шаланды, полные кефали». Это было легко и радостно.

– Здравствуйте, дядя Лёня! – весело сказала Юлька, переступив порог тира.

– Юлька! – обрадовался дядя Лёня, стоявший за своей конторкой.

Он ловко отсыпал десяток пулек на металлическое блюдце и отдал их какому-то мальчику.

– Боже мой, какой ты красавицей стала! Это твой жених? – Он окинул Гошу с ног до головы оценивающим взглядом.

Юлька засмеялась. Гоша требовательно сжал её руку, но она всё равно не сказала дяде Лёне, что он её жених.

– Мы тут гуляем по старой памяти.

– Решила похвастаться своей меткостью? – Дядя Лёня хитро прищурился. – И я вам скажу, молодой человек, таки есть чем похвастаться! И если она всё делает так хорошо, как стреляет, то такие таланты на дорогах не валяются.

– Вы преувеличиваете, дядя Лёня. Вот в институт я не поступила, и вообще…

– В какой? – с интересом спросил он.

– В медицинский.

– А чего ты хотела?! – почему-то развеселился дядя Лёня, – Кто же в наш медин без блата поступает? Но они ещё пожалеют! Им же хуже без тебя, чем тебе без них.

– Это точно, – откликнулся Гоша. – Я ей тоже говорю: не поступила – и не надо. Фельдшер – прекрасная профессия.

– Неправильно! – возразил дядя Леня. – Женщине профессия вообще не нужна. У женщин своя работа – муж и дети. – Он подмигнул Гоше и добавил: – Не разрешай ей стрелять. Она тебя живо за пояс заткнёт.

– Я не боюсь, какая разница, кто из нас лучше стреляет? – ответил Гоша.

– Молодец! Ну, что, парочку выстрелов?

Юлька покачала головой:

– Нет, дядя Лёня, детство кончилось.

32

Задолго до рассвета Юлька была готова к пересменке и пятиминутке. Четырнадцатое отделение спало, только Сан Саныч позванивал ключами где-то в конце коридора.

Неожиданно на пороге сестринской возник красноглазый Михась.

– Михална, там Никитин в прачечной ждёт, просит очень срочно на два слова, – зевая, сказал он Юльке.

Юлька испугалась. Ей захотелось, чтобы это было всего лишь розыгрышем. Но Михась что-то шепнул подошедшему Санычу и устало поплёлся к выходу. Юлькино сердце протяжно заныло. Она как можно спокойнее встала из-за стола и пошла за Михасем.

Начинало светать. Порывы ветра уже принялись старательно раздувать ночную мглу. Казалось, раскачивающиеся кроны деревьев, как мётлы, гнали по низкому небу облака, чтобы открыть путь для солнечных лучей. Юлька хватала ртом воздух и не могла надышаться.

Во флигеле было темно. Тусклый свет луны падал через окно, расчерчивая пол жёлтыми квадратами. Борис сидел на краю дивана. Юлька бесшумно юркнула внутрь комнаты и заперла за собой дверь. Она обрадовалась темноте, боялась, что он посмотрит ей в глаза.

Борис встал и шагнул навстречу. Не говоря ни слова, обнял её и крепко прижал к себе.

– Ты снишься мне каждую ночь, – прошептал Борис.

Юлька промолчала. Он выпустил её из объятий. Она не двигалась.

Она чувствовала только его тревожно-знакомый запах. Мысли улетели куда-то – ни одной не осталось.

– Я завтра уезжаю. Далеко и надолго.

Она нашла в себе силы посмотреть на него. Ночь и луна нанесли чёрные тени на его лицо. Оно казалось высеченным из камня.

– Я еду в Афганистан.

– Что? – выдохнула Юлька. Слово «Афганистан» вывело её из оцепенения.

– Давно просился, и вот…

– Зачем? Почему?

– Там погибли мои друзья. Я офицер. Так надо. Я должен быть там.

Юлька громко всхлипнула.

– Хотел бы я спросить, будешь ли ты меня ждать?..

– Спроси.

– Не могу.

– Почему?

– Ты знаешь.

– Ничего не знаю и ничего не хочу знать. Не хочу, чтобы ты уезжал. Кто будет меня защищать? – Она попыталась улыбнуться сквозь слёзы, но губы её не слушались.

Борис покачал головой и отвернулся к окну:

– Защищать? И обижать, как последняя скотина.

– Мы не будем об этом говорить.

– Хорошо, не будем. Только не плачь.

– Не обращай внимания. Это потому что я очень давно тебя не видела.

– Не думаю, чтобы тебе было приятно меня видеть. Я знаю, что у тебя есть парень.

– Откуда ты знаешь? Сережка сказал? – удивилась она.

– Сергей не говорил. Я следил за тобой.

– Зачем?

– Я страшно ревнив. Но ты за него не бойся.

– Я не боюсь.

– Можно я напишу тебе письмо?

– Если в стихах, то можно, – Юлька улыбнулась.

Борис посмотрел ей в глаза:

– Вообще-то я по делу. Меня долго не будет. Хочу, чтобы ты это время пожила в моей комнате. Там у меня тихо, всего одна соседка, баба Дора, мы с ней друзья. Вот ключи и адрес. И не думай отказываться, съедешь хотя бы из одного дурдома. И вот ещё что. Там я написал телефон одного человека, он поможет, если ты опять вздумаешь поступать в институт. Не стесняйся. Этот человек чрезвычайно мне обязан. Хочешь учиться, пользуйся, не думай.

Борис вложил Юльке в ладонь два ключа, завернутые в бумажку, порывисто поцеловал её в лоб и исчез.

33

По поводу переезда в квартиру Бориса Юлька не сомневалась ни минуты. Все домочадцы были дома. Первой заметила Юлькины сборы мама:

– Ты куда это сумки собираешь?

– Я переезжаю, мама. Вам и без меня здесь тесно. Пусть в нашей комнате Ира с малышкой останутся.

– Куда это? Папа! Юлька какие-то химины куры затеяла! – мама почти кричала, пытаясь довести до сведения домашних, что она против такой самодеятельности.

…Юлька вышла в коридор, села на табурет у входной двери, поставив перед собой две большие дорожные сумки, и стала ждать расширенного семейного совета. Встревоженные родные собрались вокруг неё.

– Я переезжаю. Буду жить в квартире Бориса, пока он в Афганистане. Он так захотел, а я решила его послушаться, – коротко сообщила Юлька и встала, натягивая пальто.

– Как это, доча! – папа развел руками.

– Боже мой, боже мой! – растерянно запричитала мама.

– Молодец, сестричка! – весело поддержала сестру Ирина.

Юлька была уже на пороге:

– Я буду приходить по выходным, помогать с малышнёй, – она улыбнулась Сашке.

– Не отпущу! Позорище! Жить в доме у чужого человека! – мама всё ещё надеялась задержать Юльку.

– Оставьте вы её в покое! – сказала Ирина. – Она всё правильно делает. Должен же быть хоть какой толк даже от неудачного любовника!

– Ира! Кто бы говорил! – Сергей обнял Юльку. – Терпи, казачка, атаманшей будешь!

Сковавшая Юлькины чувства мерзлота дала трещину. Край трещины подтаял, и тогда на её глазах выступили слёзы.

Вибрирующая при каждом шаге железная лестница с коваными ажурными балясинами привела Юльку к свежеокрашенной коричневой двери. На широком наличнике друг под другом помещались две кноп-

ки звонков. Под верхней кнопкой была прибита дощечка с фамилией «Никитин», а под нижней белой краской было кривовато выведено «Нисенкер Дора Моисеевна».

Юлька вставила ключ в замочную скважину. Он легко повернулся. Дверь открылась вовнутрь, даже не скрипнув. Юлька почувствовала сильный аромат жареного мяса. Она захлопнула за собой дверь и остановилась на пороге.

В коридор вышла маленькая аккуратная старушка с живыми блестящими глазами, в синем ситцевом халате. Из подбородка, выпукло отделённого от верхней части лица глубокими бороздами морщин, как короткие антенны, торчали седые волоски. Когда старушка заговорила, «антенны» зашевелились.

– Я знаю, ты Юлечка? Заходи, в калидоре сифонит. Идём на кухню, покушаешь.

Юлька поняла, что действительно проголодалась. Предложение Доры Моисеевны прозвучало так естественно, что она и не подумала отказаться. Она уселась за стол и принялась за еду.

– Борэчка, наш Борэчка! Всегда трепал нервы. Маленький был, а уже мужик вредный. Мама от него плакала. Вот уехал… Я его уже, наверное, не дождусь, – вздыхала Дора Моисеевна. – За тобой сказал смотреть, чтобы ела вовремя.

– Сказал, чтобы ела? – не поверила Юлька.

– И чтобы ела тоже, – настаивала баба Дора. – Сюдой! Обратно сюдой! – приговаривала она, провожая Юльку в комнату Бориса.

Просторная комната была погружена в студёный полумрак. Она подарила Юльке запах Бориса, его незримое присутствие. Здесь были его вещи. На полках стояли его книги. На столе лежала записка: «*Молодец, что переехала. Я так и думал. Доверься бабе Доре, она не подведет. Как только смогу, напишу. Б.*». Юлька почувствовала себя дома. Она прилегла на софу и сразу забылась глубоким сном.

34

Небывалый случай – с Новым 1986 годом советский народ по телевизору приветствовал Президент США Рональд Рейган. Этот Новый год Юлька встречала вдвоём с Дорой Моисеевной. Старушка долго всматривалась в американского президента, потом махнула рукой и сказала:

– Хитрый, чертяка. Наш Миша Меченый – тюфяк рядом с ним.

Она кормила Юльку оливье и холодцом. Юлька звонила своим, долго разговаривала с ними. Утром принесли радиограмму от Гоши. А в почтовом ящике Юлька нашла письмо от Бориса. Год начинался неплохо. Понятно, не високосный же.

35

Все говорили о комете Галлея. Эта злая комета, погубившая Атлантиду и пославшая Тунгусский метеорит, снова жаждала встречи с Землей. Но встреча, к счастью, не состоялась. Произошла другая встреча. Гласность встретилась с Чернобыльской катастрофой. Гласность пала в этом поединке. Говорили, что гласность похоронена в Чернобыле.

Были вести из Америки: эмигрантка Женька обосновалась на Брайтоне и вышла замуж. Такие слухи дошли до Юльки. Ей Женька почему-то не писала.

А еще на старте взорвался челнок «Челленджер» на мысе Канаверал. Жуткую картину в прямом эфире наблюдал весь мир.

36

Юлька поступила в институт на вечерний. Только не в медицинский.

Она читала книги из библиотеки Бориса. Набоков, Булгаков, Платонов, Ходасевич, Мандельштам, Пастернак, Ахматова. Всё, что было ещё недавно запрещено.

37

Август принес новый сюрприз: затонул пароход «Адмирал Нахимов». Цемесская бухта. Там был Гоша.

Юлька узнала о том, что он на «Нахимове», только когда Гоша сам позвонил ей из Новороссийска после крушения и сказал:

– Я жив. Передай моим, а то они с ума сходят.

– Как ты попал на «Нахимов»?

– Случайная подмена.

Когда Гоша приехал, Юлька заметила в нём перемену. Он был болезненно возбуждён и мог часами говорить о крушении.

Он рассказывал Юльке:

« …Уже на пике паники я выскочил на палубу и увидел, как повар тетя Рая в белом переднике, расталкивая мечущихся людей своей широкой грудью, бежала к борту и кричала мне: «Гошка! Шагай в воду, е.. твою мать!» – и шагнула сама. Вода была уже практически вровень с палубой.

…Потом я барахтался в «живом море». На воде не было свободного места. Повсюду люди и разные предметы, крупные и мелкие. Вынырнув после очередного погружения в поисках подходящей опоры, я наткнулся на мёртвую женщину. Вокруг её головы расплылись по воде длинные волосы, и одна их прядь попала на моё плечо. Жуткое ощущение! Качнувшись на волне, она стала медленно удаляться, но я ещё несколько минут мог видеть светлое пятно её лица, обращенного к небу.

…Я заметил беспомощно барахтающегося ребёнка – он никак не мог ухватить плавающий рядом спасательный жилет. Мальчишке повезло – его громкое отчаянное фырканье привлекло моё внимание, я дотянулся до жилета и утопил его под себя, а мальчика подсадил к себе на плечи.

…Внутрь десятиместного надувного плота втиснулось человек двенадцать. Я скрючился где-то посередине, прижимая к груди мальчишку. Ему было лет шесть, он весь трясся от страха. Меня тоже колотило. «Всё! Кончено! Затонул!», – сказал кто-то, сидящий ближе к приоткрытому пологу плота, откуда можно было наблюдать происходящее снаружи.

Представь себе, такое большое судно, а ушло на дно, как кирпич! Потом нас ослепил яркий свет прожектора. Остальное я смутно помню.

… Я пришёл в себя и огляделся. Тесный гостиничный номер был густо-густо населён, пол номера устелен матрасами и одеялами. Я насчитал человек десять соседей. На единственной кровати у окна сидела пожилая женщина в жёлтом платье с разорванным рукавом. Она молча плакала, глядя в потолок…».

Гоша говорил, как он соскучился по Юльке, как остро почувствовал тоску по ней. Мысль о скором свидании скрасила его бестолковое лежание на полу в жарком гостиничном номере, где люди дожидались окончания неразберихи и возможности отправиться по домам.

38

Проливной холодный дождь загнал Юльку с Гошей в квартиру Бориса. Они оказались неподалёку, гуляя по городу, промокли и замерзли.

– Если бы не этот ливень, наверное, я никогда не удостоился бы приглашения. И что такого тайного в этой съёмной комнате? – ворчал Гоша, отряхивая мокрую куртку в тёмном коридоре.

– Ты притихни, соседка старенькая, и она приболела. Проходи в мою комнату. Я чайник поставлю и бабу Дору проведаю.

Гоша вошёл в Юлькину комнату и уселся на софу. На журнальном столике были разложены какие-то бумаги. Присмотревшись, он понял, что это письма. Юлька, по-видимому, писала кому-то. Крупный, ясный почерк зацепил его взгляд, Гоша невольно прочитал:

«Здравствуй, Боренька! У меня всё нормально, и я по-прежнему скучаю. Смотрю итальянский фильм «Спрут». Там Коррадо Катани очень похож на тебя, просто одно лицо. Только глаза у него одинаковые. Но это я так, не серьёзно. Конечно, таких, как ты, больше нет…».

Письмо обрывалось, авторучка лежала рядом. В стороне – пухлая стопка исписанных тетрадных листков. Гоша не мог устоять, и его рука невольно потянулась к ним. Он стал жадно пробегать их глазами, строку за строкой.

«Юленька! Нежная моя, бесценная! Вот и настало время написать… Молчал не потому, что не хотел писать тебе, – я хотел! Но мне необходимо было привыкнуть к войне, а для этого понадобилось больше времени, чем я рассчитывал. Но человек приспосабливается ко всему. Воюю потихоньку. Здесь много рутины. Служба как служба. Тоскую по тебе до волчьего воя…»

Гоше некогда было переворачивать листки писем, чтобы прочитать полностью, он быстро отбрасывал одно письмо и лихорадочно принимался за следующее.

«…Умоляю, постарайся избавиться от всего, что порабощает тебя, ограничивает свободу, неоправданно ограничивает, – от четырнадцатого, от этой невеселой переписки со мной. Если тебе это поможет, я готов лишиться единственной радости на какое-то время. Нельзя растворяться в других! Я запрещаю тебе! А впрочем, какое на это у меня право? Смотри сама, я просто ревную тебя, ревную!»

Стены внезапно съехались к центру комнаты, словно сгустив воздух. Гоше стало трудно дышать, в мозгу стояло монотонное гудение, словно маяк завел свою противотуманную песню.

Эти письма, случайно попавшиеся ему на глаза, расставили всё по местам, все, что Гоша так долго и упорно не желал замечать. Вот почему Юлька уклонялась от ответа на его настойчивые предложения пожениться и, никогда не строя общих с ним планов, избегала встреч с его семьей.

Юлька вошла, и Гоша её не узнал. Перед Гошей, гневно комкающим письма неведомого Бориса, остолбенела в растерянности не Юлька, а кто-то чужой, двоедушный и вероломный. Он не слышал своего голоса, когда выкрикивал упрёки. Должно быть, так чувствуют себя глухие люди…

Гоше непреодолимо захотелось ударить Юльку по лицу. И он ударил, а потом швырнул в неё письма. Они разлетелись во все стороны, будто бумажные самолетики.

Он громыхнул дверью с такой силой, что у Юльки заложило уши. Ей стало ясно, что больше она его никогда не увидит.

39

Закон об индивидуальной трудовой деятельности никак не вписывался в борьбу с нетрудовыми доходами. Но Юльке некогда было думать об этом. Борис писал ей часто. Его письма в последнее время стали нервными. Она чувствовала, что скоро увидит Бориса.

40

Да, это не был високосный год – 1986-й. Но, забирая Бориса из госпиталя, Юлька молилась, чтобы этот год скорее закончился.

Стыл мокрый ноябрь. Листья трепетали на ветру. Борис шёл медленно и осторожно. Юлька поддерживала его под руку. У ворот госпиталя они сели в машину. Это была машина Бориса. За рулём сидел Сергей. Пожав Борису руку, он сказал:

– Не рано тебе домой? Какой-то ты, дружище, бледный.

– Дома и стены помогают. – Борис с надеждой посмотрел на Юльку.

– Я буду рядом, если не прогонишь, – пообещала она.

– Я без тебя не жилец, – засмеялся Борис.

Он был ранен дважды. Первый раз легко, при штурме укрепрайона Кокари-Шаршари в провинции Герат, в августе. Осколком задело бедро. Второй раз, под Кандагаром, не повезло. Три пули попали в легкое. Говорили, что врачи достали его с того света. А сам он говорил, что просто хотел к Юльке. Потому и выжил.

Выздоравливал Борис трудно и долго. Он волновался, когда Юлька задерживалась на работе или в институте. Дора Моисеевна утешала:

– Не нервичай, родный! Щас твоя шкиля-макарона будет! Худая стала, осталась с неё половина! Не кушает, а дзебает, жидкое – не заставишь! Такой мине с ней гембель!

Юлька заглянула в кухню. Борис, увидев её, громко прочёл из разложенной на столе газеты:

«13 ноября на заседании Политбюро ЦК КПСС Михаил Горбачев отметил: “В Афганистане мы воюем уже шесть лет. Если не менять подходов, то будем воевать ещё 20-30 лет”. Начальник Генштаба маршал Ахромеев заявил: “Нет ни одной военной задачи, которая ставилась бы, но не решалась, а результата нет. Мы контролируем Кабул и провинциальные центры, но на захваченной территории не можем установить власть. Мы проиграли борьбу за афганский народ”. На этом заседании поставлена задача вывести все войска из Афганистана в течение двух лет».

– Вот видишь, значит, скоро твои ребята дома будут. А ты сердишься. Давай-ка ужинать, – предложила Юлька.

Дора Моисеевна сказала:

– Вейзмир, дети! Вейзмир! – и пошла спать.

На первой газетной полосе чернел крупный заголовок: «К 2000 году – квартиру каждой семье!». Юлька вздохнула, подумав: «С этими квартирами к двухтысячному будет, наверное, то же самое, что и с коммунизмом к восьмидесятому».

---

[1] – центральная районная больница.

[2] – фельдшерско-акушерский пункт.

«ДРУЖБА ЖУРНАЛОВ»

ЖУРНАЛ «ДЕНЬ И НОЧЬ». АСТАФЬЕВСКИЕ ТРАДИЦИИ

В апреле 2007-го года журнал «День и Ночь», один из самых популярных современных российских журналов, потерял своего Главного редактора, придумавшего и вместе с небольшой группой писателей при поддержке и прямом участии Виктора Петровича Астафьева организовавшего в Красноярске толстый журнал для семейного чтения. Роман Солнцев 14 лет «раскручивал», как сейчас говорят, этот журнал, который быстро перерос региональные рамки и стал желанной площадкой для выступления перед читающей публикой самых разных авторов – от маститых, увенчанных лаврами ещё при социализме, до совсем юных, впервые пробующих силы на, так сказать, профессиональной сцене. Солнцев создал образ журнала, работоспособную редколлегию, в которую, кроме красноярцев, входят писатели из Москвы, Перми, Омска, Санкт-Петербурга и Пскова, Филадельфии и Иерусалима, а главное, устойчивый круг авторов, продолжающих сотрудничать с журналом и сегодня.

Позволю себе процитировать фрагменты из писем писателей, которые мы получили вскоре после ухода Романа Харисовича:

«Спасибо Вам за тёплые слова и сообщение о том, что повесть моя увидела свет в "Дне и Ночи" – журнале, который для многих писателей глубинной России и русскоязычного зарубежья стал той редкой проталиной, где вытягиваются к солнцу свежие ростки…»

Юрий Беликов, Пермь

«…Какой редкий "семейный" журнал, для которого подлинно нет "ни эллина, ни иудея" незаметно вырос в России!»
Валентин Курбатов, Псков

«Спасибо за поддержку литераторов Алтая! Мы всегда с Вами в борьбе за журнал, бывший и остающийся уникальным, светлым явлением нашей современной литературы! Каждый экземпляр у нас в Барнауле сразу же расходится по рукам, снимаются с него копии и т.п.».

Михаил Гундарин, Барнаул

«Вам, замечательному журналу "День и ночь", нужно продолжать работу, несмотря ни на что».
Владимир Яранцев, Новосибирск.

Цитировать можно ещё и ещё; наши авторы, читатели, библиотекари, учителя пишут о том, как важно существование журнала, как много он значит для многих тысяч людей, говорящих и пишущих по-русски во всем мире. Я не оговорилась: примерно четверть объёма каждого номера (а это около 250 страниц) – произведения наших соотечественников, живущих в США и Германии, Латинской Америке и Франции, не говоря уже о «ближнем Зарубежье», которое, став таковым, не перестало духовно тянуться к родной культуре, особенно к нам – за Урал.

Я так подробно об этом говорю, чтобы – и не голословно! – заявить во всеуслышание: красноярский журнал «День и Ночь» живёт и здравствует; он выходит стабильно, имеет собственный сайт в Интернете и представительство в Журнальном Зале Русского журнала. Жизнь продолжается… и какой она будет, жизнь и деятельность красноярского международного журнала, зависит от нас. Поэтому – о традициях…

В октябре 1998 года, открывая Красноярский литературный лицей, Астафьев говорил: «Я знаю много очень хороших русских писателей, с которыми учился на Высших литературных курсах, общался десятки лет. Они с большим трудом и очень редко произносят слово "писатель", в любом удобном случае о себе они скажут "литератор", очень осторожно. Потому что это очень большая ответственность. В России, где писали Пушкин, Гоголь, Толстой, Тургенев, Достоевский… да и ещё так называемая второстепенная литература, которая составила бы честь любого европейского государства… Произносить после них слово "писатель"?.. да и они редко его произносили, чаще говорили "сочинитель". Слово "сочинитель" мне всё-таки больше нравится, больше оно соответствует и той профессии, которая существует в мире.

Профессия прекрасная и проклятая. Ничего тяжелее нет. По крайней мере, я не знаю. Переработал я рабочим всяких специальностей… и в горячем цеху работал, и в аду бывал, но знаю, что вот это – уже на износ. Это изнашивает навсегда. Всё изнашивает. Если только вы соглашаетесь с тем, что вы будете литераторами, готовьтесь к огромному внутреннему постоянному труду, постоянному чтению от утра и до вечера, чтению не только того, что вам нравится, но чаще всего того, что вам не нравится, совершенствованию, обязательному приобщению к музыке, к природе… без этого никакого литератора не бывает!».

Надо ли специально подчеркивать, что эти слова и я, учительница литературы, сама к тому времени посвятившая более 20 лет подённому литературному труду, и ребята, пришедшие учиться ремеслу литератора в наш лицей, восприняли не просто как напутствие, но как глубоко продуманный завет мастера ступившим на его путь ученикам?.. Но, кроме этого, я убеждена: ту же цель преследовал Виктор Петрович, когда пятью годами раньше согласился поддержать нарождающийся в Сибири совершенно новый литературный журнал – для семейного чтения. Почему так? В чём идея?

Первое. Девяностые годы остались в нашей памяти пафосом войны всех против всех, азартом взаимоуничтожения инакомыслящих и конкурирующих… В 93-м противоборствующие политические силы не смогли найти иных аргументов в борьбе идей, кроме орудийных залпов по зданию Верховного Совета. И это был финал, видимо, последних иллюзий интеллигенции, вдохновлённой надеждами перестройки и либеральными ветрами 91-го. Мы – в который раз! – ввергнулись в войну. И из этой войны, похоже, не скоро и не запросто выйдем. И, похоже, это снова такая война, в которой победителей не бывает. Как и для Льва Толстого, для Астафьева война всегда – зло. Справедливых войн – нет. Поэтому журнал для семейного чтения, который вознамерился издавать в Красноярске Роман Солнцев, мыслился, как площадка свободного диалога «вне политики, вне конкуренции» (прошу прощения за набивший оскомину – а теперь уже, кажется, и благополучно забытый, – слоган).

Вот уже двадцать лет «День и Ночь» печатает произведения авторов, которые часто исповедуют не только противоположные политические доктрины, но даже иной раз и противоположные религиозные взгляды. Демократы и коммунисты, правые и левые, атеисты и православные, реалисты и постмодернисты… как все они уживаются на страницах «Дня и Ночи»?

Уживаются, потому что – по-астафьевски – в момент художественного откровения становятся больше, значительнее и собственных политических предпочтений, и собственных обид, и собственных амбиций. Таков непререкаемый закон искусства: Истина, Добро и Красота в подлинном художественном произведении являются как элементы единого целого, причём слово «элементы» надо понимать здесь не как «части целого», а как стихии, каждая из которых с необходимостью определяет всё целое. Отступил автор от Истины – не будет в его создании ни Добра, ни Красоты. Отрёкся от Добра, не ищи у него ни Красоты, ни Истины. Не удержал Красоту – не смогли явиться миру Истина и Добро. Казалось бы, так просто. Но… именно таков принцип отбора рукописей для публикации в нашем журнале. И именно этот принцип чаще всего становится камнем преткновения в наших отношениях с начинающими и… продолжающими писателями. «А судьи кто?» – спрашивают те, кому мы отказываем…

Действительно, где критерий? Где мера? Последние 15-20 лет литературный процесс в России подобен реке, размывающей берега. У каждой «литературной тусовки» – своя мерка, свои герои и изгои, свои – «трибуны» и свои – меценаты. Тут уже действительно важно определиться – «с кем вы, мастера культуры?». И мы, те, кто сегодня делает журнал «День и Ночь», открыто и прямо говорим: «Мы – с Астафьевым». Что это значит?

Это значит, что для нас, как и для Виктора Петровича, фундаментальными, определяющими являются две ценности: Природа и Культура. Когда я говорю «природа», я отнюдь не имею в виду «пейзаж» или, скажем, специфически деревенскую тему. Природа, как её понимает Астафьев, – это создание Бога, результат работы Творца. Человек – Божье дитя – достоин любви, внимания и уважения без всяких скидок на свое природное несовершенство. Астафьев понимает человека – Божью тварь – в одной великой симфонии жизни со всеми прочими Божьими тварями; счастлив тот, кто умеет жить в согласии с общим бытийным законодательством, иначе – разрушение, смерть. И не та Смерть, что есть безусловный гарант и зиждитель Жизни (Астафьев, как никакой другой русский писатель, сумел показать взаимную необходимость жизни и смерти в великом круговороте природы), а та, что ведёт нашу Землю к уничтожению, к Ничто, в котором порушено не только отдельное существование, но мироустройство как таковое. Человек в минуты своего высшего раскрытия вписан у Астафьева в гармонический мир всебытия. Он тянется к своим корням, обдумывая и принимая опыт предков; он обустраивает землю, питаясь её глубинными источниками – и гибнет в конфликте с эгоистическими, выморочными, агрессивными собственническими инстинктами – своими и чужими. Природа у Астафьева – почва человеческого характера. И эту «**почвенность» характера** мы старательно ловим в многоголосии нашего журнального «самотёка».

Но этого мало… Другой – не менее важный критерий, другая – не менее важная ценность – культура. Для Астафьева создание природы, продукт творчества Бога, Величайшего Мастера, и высшее создание человеческого духа – в момент их сопряжения в сердце созерцателя: читателя, слушателя, зрителя, – **равновелики**. И это – грандиозное обещание, святая и сладкая надежда! «Красота спасёт мир!». Да, спасёт, если не валять её в грязи и не равнять с иконами, изображёнными на купюрах…

Итак, если говорить об астафьевских традициях, которых держится журнал «День и Ночь», то их, как минимум, две:

– гуманизм, понимаемый как человечность – напряжённый интерес и бережное, любовное внимание к человеку, будь то наш современник или воскрешаемый пером художника герой прошлого

– подвижничество художественной формы, трезвое и, я бы сказала, самоотречённое отношение к писательскому труду.

Вот, пожалуй, и все критерии.

Поэтому активно печатаем «ветеранов» писательского труда. Их повести, романы, стихи – осмысление прожитой жизни, мемуары, дань памяти и любви. И, как правило, хороший русский литературный язык.

Виктору Петровичу не раз припоминали его страстный «антикоммунизм». Да, Астафьев имел все основания обвинять – и обвинял советских руководителей в экспансии против природы и ненависти к собственному народу, в чём, кстати, советский строй вполне органично смыкался с мировым империализмом. Но Астафьев никогда не был диссидентом – в привычном для нас значении этого слова. Никогда не допускал угодливых приседаний в сторону Запада. Никогда не гнался за постмодернистскими вывертами. Хотя не был он и «квасным патриотом». Как художник он вообще никогда не шёл на поводу у какой-то одной-единственной внешней правды. Как это у Пушкина о великом вселенском законе:

Но горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно…

Поэт Пушкина – «к ногам народного кумира не клонит гордой головы». Один у художника Судия – Господь Бог, являющийся его сознанию той же троицей: Истиной – Добром – Красотою. Слышит писатель голос этого Бога в душе своей – дойдёт его слово до человеческого сердца; не слышит – ну, что ж…. современный мир бесконечно разнообразен, каждый может создать искусственное бытие по образу и подобию своему и пустить его в странствие по мировой паутине.

Как аукнется – так и откликнется. Печатному слову есть сегодня мощная альтернатива – интернет. Казалось бы, хочешь покрасоваться на миру – флаг в руки! Тысячи, сотни тысяч читателей… но, несмотря на это, по-прежнему писатели стучатся в журналы, где рукописи проходят оценку и отбор, где читатель – избранный, искушённый, взыскательный, где совершается самая большая роскошь на свете – роскошь человеческого общения; на том уровне, которого ищет требовательная в меру своего развития душа…

Кто же «меж нами, с кем велите знаться?» – воскликнул однажды Маяковский. И тут поневоле, отвлекшись от созерцания вершин и оглядевшись по сторонам, оказываешься в окружении т.н. «актуальной» литературы. Листаю недавно купленный на Ярмарке книжной культуры, что недавно прошла в Красноярске, сборник Игоря Золотусского, изданный Сапроновым в Иркутске, и готова солидаризироваться с каждым словом таких, например, выводов:

«Да, человек подл и низок, но он и высок, и в последнем никак не хотят признаться дети распада… произнеси при них слова “идеал”, “свет”, их губы искривит раскольниковская улыбка… Мне жаль этих детей, но мне жаль и читателя. Грязь способна прилипать к одежде, от грязи зарождаются воспаления и инфекции, и, умножая грязь, мы умножаем болезни. Литература ужасно заразительна. Она в состоянии во сто крат увеличивать то, что берёт из жизни. Мат на улицах, мат на заборах, теперь мат в романах и повестях – это гибель языка, это гибель почитания предков. Мне скажут, такова жизнь. Но литература не должна сталкивать человека в яму. Поэт не могильщик, он – поэт».

Что же касается «актуальной поэзии» – о ней, по-моему, очень точно сказал в своё время Евтушенко: «Молодая современная поэзия напоминает хоровое исполнение сольной арии Бродского». Спустя годы, это обстоятельство стало, по-моему, ещё более ощутимым.

Впрочем, каждое направление имеет свои вершины. Мы стараемся ориентироваться на них… У нас есть Андрей Иванов, Дмитрий и Наталья Мурзины – в Кемерово, блестящая молодая плеяда, сгруппировавшаяся вокруг барнаульского писателя Михаила Гундарина, Юрий Татаренко в Томске, Евгений Мамонтов во Владивостоке, есть «дикороссы», вдохновляемые пермяком Юрием Беликовым… да мало ли прекрасных писателей по всем градам и весям российским – надо только, чтобы здоровую поросль не глушил сорняк! На том и стоим, того и держимся!

Марина Саввиных,
Главный редактор журнала «День и Ночь»

МАРИНА САВВИНЫХ

Красноярск

МОЙ ДРЕВОГРАД

КОЙСУ

Миясат Муслимовой

Так реки Лакии – текут или поют –
В пульсирующем каменном свеченье,
И шёпоты садов – затишье и уют –
И блеянье отар – по склонам там и тут –
Протяжные слова их стройного реченья…

Застенок или путь – теснины этих гор?
Под взорами орлов ты извилась тесьмою,
Как будто впереди предсказанный простор,
Не ведомый твоим излукам до сих пор,
Сулит проклятие или грозит тюрьмою,

И голос твой дрожит – вселенский плач и стон
Тебя преследуют предчувствием тяжёлым,
Что на тебя с высот кренится царский трон,
Вот-вот низринется обвал со всех сторон,
И смертоносный сель прокатится по сёлам…

Ты прячешься в камнях, ты замедляешь ход,
Ты сводишь берега, как раненые плечи,
И зимняя тоска тебе на грудь кладёт
Неотвратимый снег и неделимый лёд,
И еле слышатся тогда речные речи.

Но сон твой короток… ведь рекам не до сна,
Когда живая кровь толкается в истоках…
Минуют холода, и новая весна
До самого тебя распеленает дна,
И ты воспрянешь – дело только в сроках!

***

«Наш имперский микроб…»
Виктор Ерофеев

Боль моя, удушье окаянное,
Нет простора для души и глаза…
Но встаёт, как облако туманное,
Надо мной святилище Кавказа –

В первом сне, в сосуде звона гулкого –
Колоннады Божьего чертога…
Через Домодедово ли, Пулково –
Всё равно… осталось так немного!

Где без кисти, без резца и шпателя –
Дерзновенным чадам в наставленье –
Запечатлены рукой Создателя
Канувшие в бездну поколенья,

Где трава и камни – начертания
Тайных иероглифов завета,
Где вода бормочет причитания,
Где не знает тень пределов света, –

Помня ли, во сне ль за правду ратуя,
Вижу их, горянок в платьях длинных,
Строгих, словно мраморные статуи
На забытых миром Эсквилинах –

Их сердца – испытанные бедами –
Болью изливаются, как песней…
Наши судьбы связаны обетами,
Родиной земною и небесной.

Вдох – как целованье… псалмопение –
Так дышать, как эти горы дышат!
Попроси прощенья и терпения –
И Господь приникнет и услышит!

Потому что истинного знания
За века не потемнела смальта,
Рвётся жизнь из-под руин страдания,
Как трава сквозь трещины асфальта!

О, Кавказ, тоску вражды и мщения
Утолив на переправе дальней,
Русский дух взыскует очищения
В роковой твоей исповедальне.

Верю: не всесилен бес растления –
Он твоею крепостью преткнётся!
Вот моё имперское мышление –
Было и доселе остаётся.

МОРГАНА

Хочешь – я стану твоей собакой?
Что может быть лучше, чем,
Уткнувшись мордой тебе в колени,
Созерцать, как струится дым
Твоей папиросы… и видеть при этом
Строгие башни старых селений
Где-нибудь в Кударском ущелье,
Куда чужих, наверное, не пускают…
Разве что по великим праздникам –
Когда собирают хвалы Георгию,
Чтобы умилостивить Уастырджи…

Но, похоже, тебе больше нравятся кошки.
Счастье – скользить, изгибаясь,
Под твоими тонкими пальцами,
Вдохновенно играть твоим электричеством,
Перекатывая шарики его щекотки
От кончика носа до кончика хвоста
И обратно,
И впускать сладострастные когти
В теплоту твоей ласковой плоти…

Пожелай – стану всем, что ты хочешь!
Хочешь, стану дождём,
чтоб шептать тебе грустные сказки?
Или – вспыхну звездой,
чтоб дразнить твои дерзкие грёзы?
Или буду расти под окном одинокой чинарой,
Чтоб тянуться-тянуться и веткой упругой
Сквозь беспробудные стёкла
к тебе, наконец, со свободы ворваться…

Я могу превратиться во всё, что угодно,
Повинуясь позывам самых безумных фантазий.
Лишь твоей женщиной быть не могу:
Даже в моём испорченном воображении
Не найдётся картинки,
Которая хотя бы в общих чертах
Соответствовала этой роли…

СОН О НЕБЕСНОМ ПЕТЕРБУРГЕ

Поэту Петру Чейгину

1.

галочье печалованье плач
оттепель проталины крещенье
отодвинь портьеру обозначь
истинность пропорций помещенья
не январь эпоха за окном
пафос жить разбитые коленки
ты пойди ещё забудься сном
обойди молчанием календы
обойди терпением февраль
жертвенник и жертвенное мясо
есть ледышка смысла и грааль
срам и окровавленная ряса
обойди обиду всё равно
не объять искомое столицей
свет крещенский ломится в окно
и хрустит по крыше черепицей

2.

всё в этом питере – возлюбленном как боль
и даже не сподобленном проклятью
всё втуне – карамель и карамболь
и пуговицы к завтрашнему платью
и только неразборчивость твоя
доверчивость угрюмая оскома
ведёт к тому чего не помню я
поскольку с лексиконом не знакома
сей умопомрачительный словарь
возвышенная цель моих раскопок
и наизнанку вывернут январь
освобождённый от своих заклёпок
от этого над Невским стон и гуд
туда туда к невыспавшимся водам
вокабулы раздетые бегут
насытить небеса законосводом

***

А.Г.

Эти розы держались так стойко, стояли так долго,
Словно их отсечённые корни питались небесною влагой
В молодильном цветочном раю, где подвижницы долга
Наделяются неистребимой растительной тягой…
Эта крепкая плоть, совершенная в каждом изгибе,
Этот запах, сулящий нирвану в одном лишь соблазне,
Эта прелесть страданья – когда созерцается гибель
И лелеется жизнь в наблюдениях длящейся казни…
Умирать – восхищая… легко, беззаботно и сладко…
Это участь художника – как бы ни крысилась пресса!
Умираешь – как Бог – на кресте мирового порядка,
Воскресаешь – как Бог – на волнах мирового процесса…

***

Мой Древоград осаждает
Безжалостный царь дождей,
Жадный сеньор рыщущих наваждений…
Не призовёшь воинов и вождей!
Все они пали жертвами заблуждений;

Все они заблудились среди согбенных лип,
Мокрых чинар в чадрах, сгорбившихся от плача…
Можно ли откликаться сердцем на каждый всхлип?
Небо шуршит в траве, и пустяка не знача.

Я заблудилась, город моей мечты,
Между твоими розами и огнями.
Что означают статуи и цветы?
Траурные стволы с мраморными ступнями?

Ты заблудил меня, околдовал и сдал
Царству чужих тенёт, призрачной паутине…
Хлор или серебро? Ладан или сандал?
Или твоя – навек… Или мертва – отныне...

Пленнице – под платок: талер, цехин, дукат…
Грудь – на разрыв! – Спаси, Господи, Твоя милость!..
То ли кровоточит вечной любви закат,
То ли приемлет дух – всё, что бы ни случилось…

АЛЕКСАНДР ОРЛОВ

Москва

НА ЧЁРНОЙ ВОССТАВ КОЛЕЕ

***

Мы, словно два задумчивых паяца,
Оставлены впотьмах.
Нам суждено вслепую натыкаться
На дрожь и страх,

На ощупь обнаруживать друг друга
Среди теней,
И радость встречи с горечью испуга
В потоке дней

Тащить в себе по жизни коридорам,
Тайком храня,
И притворяться пылью, гарью, сором…
Кто нам судья?

Не меркнут одиночества посылы
В проёмах стен,
Но там где свет, творят иные силы,
И мир блажен.

***

Где листьев осины кровавый кагал
Заносит размокшие гати,
Где ветер надежды влюблённых искал
В размытом квадрате,

Где бродят года, отсырев от тоски,
А туча – планида
Обиды прольёт на доверья ростки,
И скроет из вида

Всех тех, кто когда-то меня распинал
За то, что был крепок,
За то, что луны поалевший овал –
Ночей моих слепок,

За то, что в моих огрубевших следах,
Ведущих с погоста,
Рассвет надвигался, а огненный взмах –
Покров алконоста.

***

Как воют две капризные особы,
Вздымая серебристый полумрак,
И месяц – заблудившийся чужак –
Ведёт их сквозь патлатые сугробы.

Метелицу и вьюгу не разнять:
Им ночь дана безумного веселья,
И, словно со вчерашнего похмелья,
Извив дороги в ильмовую падь

Уводит к затуманенной поляне,
Где, ощутимый сердцем, вьётся Дух,
Где жизни свет зажёгся и потух,
И возродился в дымной иордани.

***

От снежных завалов осталась щепотка,
Вокруг водостой.
И в солнечный омут втянулась высотка,
И пахнет весной.

В пустом зазеркалье торговых палаток
Живёт тишина,
И кажется мне, что в набухший початок
Мечта вплетена.

Раскроется цвет, ожидавший подпитки
В задумчивых снах,
И с неба холодного влажные слитки
Прольются в лучах.

Покажется мне: облака поредели,
И в солнечный кош
Уводят мой взгляд световые тоннели
Где ты меня ждёшь…

***

Ирине Сорокиной

Мы к этим встречам вечно не готовы.
Под солнечный дождя полиелей
Осиротеют горы Воробьёвы
В изгибах отуманенных ветвей.

Неясности в смиренье ощутимы,
Неведомо о чём, но свысока,
Беседуют в зарницах Серафимы,
И отражает их Москва-река.

И кажется, что это только снится,
И ветер напевает дням псалмы,
И Светлая Пасхальная седмица
Спасает нас от годовой чумы.

***

Сугробов стройная гряда
Легла намедни.
Застыла в Яузе вода
И день последний.

Москве нет дела до молвы –
Морозы внятней.
Ветра кочуют, как волхвы
Над голубятней.

Соединились все миры
Смиренно, хрупко,
И ждёт от голубя дары
В тиши голубка.

Под елью крохотный Христос,
Прижавшись к маме,
Объятья первые вознёс
Над куполами.

——

МАРИЯН ШЕЙХОВА

Махачкала

СЕРЕБРЯНЫЙ ПОЦЕЛУЙ

ЧТОБЫ ГОВОРИТЬ С МАМОЙ

Чтобы говорить с мамой,
долго пробую свой голос.
На бодрый она ответит молчанием
и усилием отдаления,
на беспокойный – закроет глаза,
на якобы равнодушный –
отвернется к окну.

Пойду на работу –
искать новые интонации
заботы.

Я знаю:
день ответит ей обещанием
долгих молитв за чётками,
и в условленное время
она омоет свои ладони
и покорно поникнет головой
над молитвенным ковриком,
чтобы беседовать с тем,
кто внимает ей много лет.

Я говорю с Ним,
как авторская ремарка в пьесе.
Пока Он понимает меня,
но мама этого не знает.
И когда я прошу её молиться меньше,
чтобы остановить головокружение,
она с ещё большей силой
шепчется с Ним,
чтобы выпросить мне прощение
и потом долго молчать до следующей молитвы.

Сколько лет
я втайне хочу запретить ей молиться…
В детстве я не думала,
каково Ему это знать,
а сейчас утешаю себя тем,
что Он умеет читать между строк.

Он ведь помнит меня с детства,
когда я просыпалась под низким потолком
на деревянной тахте рядом с сестрой и братом
и, укрывшись лоскутным одеялом, –
моей любимой книгой путешествий –
со страхом слышала,
что мама молится опять.
Я знала, что заснуть уже невозможно
от нарастающего материнского шёпота,
в который просачивается страсть,
а страсть, набирая силу,
превращается в гнев,
заглушаемый отчаянием,

и чтобы сдержать его,
она бьёт себя в грудь,
и уже не может удержать руки,
простирающиеся к Небу
и требующие ответа у Того,
кто смотрит на неё с высоты
своей беспомощности или суровости.
Потом она вспомнит,
что дети спят,
а я крепко-крепко закрою глаза,
чтобы не видеть,
как с потолка осыпается глина,
удерживаемая деревянным столбом,
пригнанным мамиными ладонями.
Теперь уже я засну крепко,
потому что знаю:
дальше молитва будет тихой.

Вечером я снова пробую свой голос
чтобы говорить с мамой.
Она сурова,
и мой голос, даже самый добрый,
не сможет разгладить её морщины.
Я знаю, что она очень хочет говорить,
но я не умею правильно спрашивать
и обрекаю её на тягостное молчание и возвращение
в юность, которую она проклинает.
Чтобы не тревожить больные воспоминания,
и дать ей возможность этой желанной встречи
я задорно спрашиваю,
где она находила бо́льшую радость:
в поле, у реки, у цветов, –
и встречаю её недоуменный взгляд.
Вспоминаю:
Она не любит цветы.
Не любит реки, поля, горы.
Мама вспоминает поле, чтобы рассказать,
как радостно было сажать хлеб.
Она вспоминает реки,
чтобы рассказать,
как водой из ручья омывала холку любимого телёнка.
Она вспоминает цветы,
чтобы рассказать,
как они греют ладони,
когда мягкие коровьи губы
перебирают их
и долго, медленно жуют…

Морщины теплеют,
руки быстрее перебирают чётки,
и мама с гордостью рассказывает,
что у неё, единственной в селе,
никогда не умирал ни один телёнок,
а молоко, которое давали её коровы,
было самым жирным,
и однажды по жалобе соседки,
недовольной её фотографией на доске почёта,
пришла грозная комиссия
и подтвердила,
что жирнее и вкуснее молока,
которое дают её бурёнушки,
нет нигде…

Когда она улыбается,
я вспоминаю Бога,
и прошу прощения у Него,
что не понимаю,
что такое молитва –
бунт или смирение,
и обещаю Ему,
что больше не буду
бояться её молитв.

Он, наверное, очень терпелив.
если прощает за то,
что я в последнюю очередь вспоминаю
о тех ягнятах, телятах, барашках,
которых выходила моя мама,
не забывающая их уже более полувека
после того, как они забыли сами себя.

Чтобы говорить с мамой,
Долго пробую свой голос.

А ВЧЕРА ОНА ПРОСНУЛАСЬ СЧАСТЛИВОЙ

Поправив платок рукой,
ещё не забывшей перелом ключицы и разрыв сухожилия –
воспоминаний о молодости,
она склоняется над своими ладонями,
опирающимися на большую грыжу на животе,
и закрывает глаза,
чтобы увидеть тех,
кого никто не видит.

Она говорит слишком жарко и тихо,
и я только сейчас, на пятом десятке лет,
смогла услышать имена ближних и дальних,
которые молча стоят за её спиной
в надежде услышать свое имя.

И она называет их:
сначала идут пророки,
и каждый, поимённо названный, отступает
перед рядами теней
своих близких и дальних.
Потом идут седобородые шейхи, алимы, имамы,
умиротворённые голосом,
называющим имена их ближних и дальних.
Потом идут безымянные тени
забытых всеми и собирающих звуки своего имени,
затем звучат незнакомые мне,
но памятные ей по чужим рассказам
имена тех, кто живёт на другом берегу.
И, наконец, звучат имена тех,
кто уходил на моей памяти,
имена, которые уже много лет носят другие:
Абдуллах, Каландар, Аппани,
Магомед, Патимат, Эффенди,
Асват, Мариян, Тамари,
Галимат, Курбан-али, Яраги,
Цаххай, Ахмад, Шамиль,
Ильяс, Гамзат, Камиль…

Она знает, что попросив Всевышнего
передать им всем частицу и запах еды,
сможет помочь им
утолить голод ожиданий и холод разлуки.
Так моя мама долго кормит ангелов
после короткой трапезы
несколько раз в день.

А вчера она проснулась счастливой
и рассказала, что грешна –
впервые за много лет только вчера вспомнила
и помянула пропавшего без вести
Сайпуллу, которого помнила пятилетней девочкой
уходящим на фронт.
И он ей приснился ночью
стоящим в сумерках у подножия высокой горы
и показывающим на огонёк, загоревшийся на вершине.
Теперь мне стало теплее, – говорил он,
кутаясь от холода в старый овчинный полушубок.

Сегодня, когда она опять будет склоняться
над венами, в которых после инсульта
каждую ночь тромбо - асс разжижает стынущую кровь,
над руками с раздувшимися суставами,
которыми она на восьмом десятке лет
пишет арабский алфавит
детским падающим почерком,
я знаю-
в это время за её спиной
со склоненными головами
будут стоять ангелы,
которых становится всё больше и больше,
и я буду прятать от них глаза,
потому что, выучив алфавит в пять лет,
я не знаю ни их имён,
ни своего прошлого,
ни своего языка.

А самое главное,
я не смогу обещать ангелам,
что когда её сердце
этой ночью будет стремительно ускорять свой ритм
(тахикардия)
или замедлять его,
(брадикардия)
и скорая помощь
приедет, когда её уже не ждёшь,
у неё останутся силы
кормить ближних и дальних
большой земли и высокого неба.

Остаётся только надежда
на огни, горящие на вершинах гор.
А пока мама читает на трещинах ладоней
имена ближних и дальних детей,
и время, слушая её горячий шёпот,
глядя на руки, перебирающие чётки,
не находит места, чтобы оставить на её висках
ещё один серебряный поцелуй.

———

РУСТАМ КАРАПЕТЬЯН

Красноярск

НА ГРАВЮРАХ БОСХА

***

Прорезал сумерки вечерние
Сирены беспощадный ор.
У нас пожарные учения,
Спустится надо всем во двор.

Качели оседлала ржавые
С весёлым криком детвора.
У нас учения пожарные!
У нас пожарные! Ура!

Детей домой не гонят взрослые,
Хоть спать пора уже давно.
У нас ученья несерьёзные.
Всё понарошку, как в кино.

И лишь бабуля этим вечером
Не улыбается одна,
Всё в небо смотрит недоверчиво:
– А я-то думала – война…

***

Всё своим чередом, и каждому свой черёд.
За последней чертой калашный потеет чёрт.
Не бандит и не вор, приказчик твоей души,
Подпиши договор и дальше давай спеши.
До того и потом сто тысяч потов сойдёт.
Потому всё путём и каждому пусть своё.
Но красуется он, и речи его легки,
Мол, вступай в легион, и спишутся все грехи.
Оставляющий кров, не ведает зов кровей.
Наломать чтобы дров, не надо быть всех мудрей.
Ты не смерд, а герой. Над всеми увенчан ты.
За последней чертой. Стираются где черты.

***

Что-то грядёт. Только слепой не видит.
Время сойдёт с очередной орбиты,
Скопом войдут жизни в иную плоскость.
Дети найдут нас на гравюрах Босха.

Что-то спешит. Только глухой не слышит.
Точат ножи. Падают наземь крыши.
Злится дракон. Гидра шипит в болоте.
Тучи ворон воздух во тьме колотят.

Что-то стучит. Только дурак не верит.
Воздух горчит. Не защищают двери.
Вынесут мозг. В тело вонзят шампуры.
Радуйся Босх. Можно писать с натуры.

***

Лихо он кладет мазки.
На холсте его нелепом
Бомжик с Богом так близки,
Как, наверно, лишь на небе,
Где внезапный дерзкий дождь
Краски все смешал бесстыже,
Чтобы радугою свыше
Обручились Бог и бомж.

***

Уснуть не можешь? – считай баранов
Под шелестящий за шторой дождь.
Сквозь тихий шёпот и сумрак рваный
Придёт усталость, и ты уснёшь.
Но ум твой взрослый уже и глупый.
И, погружаясь в ночной кисель,
Ты до рассвета считаешь трупы,
И гарью пахнет твоя постель.
В углу слезится туман экрана,
Где диктор, словно считалку-стих,
Считает трупы чужих баранов.
И нож дымится в руках твоих.

***

И, закончив, он говорит ей: «Кристи…»
Но куда-то в темень стекают мысли.
А она глядит разомлевшей рысью,
Всею кожей вбирая звук.
И течёт река. И растут деревья.
И у самых звёзд разлеглась деревня.
И какой-то пёс от печали древней
Расскулился на жёлтый круг.
Потому что рай – это лишь лачуга,
Если милый так далеко отсюда,
Только Кристи знает, какое чудо
Стало весточкой от него.
И рассвет придёт, и туман растает.
Ведь открылась истина ей простая,
Что теперь в ней тихо произрастает
Смысл всего.

***

Воздух впитывая ржавый
В запылавших облаках,
Тушат ангелы пожары,
Поспевая кое-как.
Ведь в разгаре урожая
Обжигающих обид
Небо землю отражает
И горит, горит, горит.

***

В чуть покосившейся избушке
В насквозь проветренной степи
Часы по-прежнему с кукушкой,
С чугунной шишкой на цепи.

Зимою здесь мороз да скука,
Работа летом да жара.
И бродит время здесь по кругу.
И завтра – словно бы вчера.

Котят ласкаются комочки,
И старый пёс брехлив и сер.
А по утрам радиоточка
Играет гимн эСэСэСэР.

———

ВИКТОР ТЕПЛИЦКИЙ

Красноярск

ГОЛОС

И день-то был тогда пригожий. Настоящий такой, уже апрельский, знаете. А небо – чистое-чистое! Ну, где-то вдалеке, как бы в закоулках, облачка полосками тянутся, а так – голубизна! Хоть ныряй. Да, и ещё – ветерок. Уже вроде как и тёплый, но как бы и не до конца: подует посильнее – поёжишься. Да…

И вот, значит, сидел я на облезлой скамейке в нашем заплёванном скверике, подставлял солнышку небритую физиономию, радовался. И даже гипсовые пионеры среди кустов – не напрягали. Только они-то, безносые, здесь и торчали со своими раскуроченными горнами. Понедельник тогда был – сами понимаете. Разговоров чужих не слышно, машины где-то далеко, и я, помню, развалился так вальяжно, руки раскинул, глаза закрыл, первый ультрафиолет выхватываю. Возле ног пакет; в пакете парочка пивка абаканского, холодненького. Трогал я бутылочки ногой, слушал их звон, улыбался.

И только я собрался за первой в пакет нырнуть, тут-то и затрезвонил мобильник. И так некстати эта музыка пришлась! Звонить-то никто не должен был в это время. Если мужик-заказчик, то мы с корешком вчера весь кафель отработали. Линия в линию, всё по чесноку. Да и отпустил он нас без претензий, рассчитался, как обещал. Светка? Но в этот раз я ей всё до копеечки отдал. Пацану на шмотки, шоколадки-мармеладки всякие. Так что звонка я, прямо скажем, не ждал и мобилу доставать не торопился. Вынул, глянул – номера нет. Не высветился. На табло – пусто! Чудно. Ну, думаю, ладно, не хочешь называться – не надо, хозяин – барин. Но постанова такая мне не понравилось. И я так развязно, что ли:

– Алё.

А там молчат. И молчат как-то по-особому. И сразу въезжаешь, что там не прикалываются и всё не просто так. Я, по правде говоря, напрягся, но не так чтобы сильно, и уже посерьёзней в трубу:

– Да, слушаю. Кто это?

А мне в ответ, негромко:

– Я.

И знаете, у меня от этого «Я» всё внутри как перевернулось. Словно куда рухнул. Вот раз – и полыхнуло откуда-то сверху и вмиг опалило всего. Думаю, может, так умирают?

А голос не понять чей, но знакомый-знакомый.

Короче, сижу я на лавке ошарашенный с трубой в руке. Во рту сухо, язык тяжёлый, а почему – не знаю. Вроде ничего такого, а спёкся я моментально, хотя и разговора-то ещё и не было. Ну, ладно, разжал губы и так уже робко:

– А кто это?

А мне в ответ снова:

– Я. – И назвал меня по имени.

Такое не забудешь. Я вот сейчас рассказываю, а меня опять колотит. Да, голос! Он как будто не из мобилы шёл, будто внутри меня говорил. Но когда он моё имя произносил, что-то вспомнилось мне, давнее-давнее. Ну, знаете… как в детстве. Помню: батя рыбалить рано ушёл, до зари ещё, на клёв утренний, а я позже встал. Накинул штормовочку свою и поплёлся на наше место, речка-то – рукой подать. И вот иду спросонья по лесу, ёжусь, тропинку высматриваю. Туман. И свежо так по-утреннему. Птицы

заливаются – звонко-звонко, и речка где-то шумит, ласково, по-домашнему. Я по мокрой траве в дедовых резиновых сапогах – ширк-ширк, хлеб в руке белый. А туманище густой-густой, и где-то впереди берег, и где-то там отец. Я так потихоньку, чтобы рыбу не спугнуть:

– Папка-а…

А он в ответ, чуть слышно:

– Санька, сюда…

Вот и этот голос… будто отцовский. Как тогда из тумана под говорок речной. Меня даже как обожгло – не батя ли? Да осадил себя тут же: папку я год как схоронил.

А внутри что-то не отпускает. И опять детство вспомнилось. Как мама меня будила. Проснёшься, а глаз не открываешь. Лежишь, в одеяле укутанный, слушаешь, как она у печки с кастрюлями возится, ждёшь. Она, конечно, знает, что я уже не сплю, и таким голосом, которым одни матери и говорят:

– Ну-ка, подымайся, лежебока.

И мне это «лежебока» так нравилось. Такое оно какое-то тёплое, и смешное, и доброе. А ещё солнышко по глазам зажмуренным, и запах печки нашей маленькой, и… И всё это за какие-то секунды, мгновения. А потом из памяти посыпалось, как вещи из кладовки. Всё подряд: и доброе, и не очень, и за что стыд до сих пор по ночам гложет – вся житуха моя никчёмная. Вся пролетела перед глазами – птица с крылом перебитым. Эх, променял я золотые тихие утра на первые батины сигареты, из пачки стянутые, да на первые копейки из кошелька бабушкиного. А потом пошло-поехало: «Агдам» из горлышка в кустах, девки в лопухах, враньё как варенье мазал. Руки откуда надо растут, да голова не к тому месту пришита. Жизнь как балалайка ненастроенная – бренчит громко, толку мало. В общем, ни кола, ни двора, ни жены, ни бабы, проскакал по верхушкам, земли не видел.

А потом я как очнулся. Сижу с мобильником в руке на изрезанной лавке, под ногами шелуха от семечек. Ветерок волосы треплет, и в глазах непривычно – мокро. А в телефоне – тихо. И тут меня как прорвало, кричу в трубу среди сквера:

– Кто это? Кто?

Ответь! Ну же!

Да, кто это, Господи!

Кто это?

Господи?!

Молчал телефон, качались ветки, и небо было синее-синее.

ДВЕРИ, КОТОРЫЕ ПРИЯТНО ОТКРЫВАТЬ

Утро начиналось как обычно. По-быстрому закончив с домашними делами, я отправился в любимую кофейню. Открыл знакомую дверь, повесил мокрую куртку на крючок, оглядел уютный зальчик. Посетителей – никого, и мой столик у окна – свободен! Я извлёк из пакета стопку чистых листов бумаги, карандаш, ластик и устроился в кресле в ожидании официанта. Через пару минут ко мне подошёл молодой человек, давно работающий в этом милом заведении. Меню в его руках не было. «О! Здесь уже в курсе моих заказов!» – обрадовался я. Но едва произнёс: «Сегодня как обычно…», как он вдруг сухо оборвал:

– Опять писать собираетесь?

Я кивнул:

– Пожалуйста, «американо» и канапе с…

– Нет! Никакого кофе! Никакого сыра!

Сказал как отрезал, стоит и смотрит немигающим взглядом, будто манекен. Я поёжился, оглядел пустующий зал:

– А почему, собственно?

– Почему? – Брови вскинулись, словно стрелки на пружинках. – Да потому, что вы тут часами сидите, строчите, а берёте чашку дешёвого кофе и несчастное канапе. Нам это уже надоело. Правда, девушки?

Местные официантки тут же окружили столик и застрочили, как по команде:

– Ну сидишь тут по полдня, так закажи что-нибудь конкретное!

– Чаевые – смех. Совесть совсем потеряли!

– Другие за это время столько понаберут, что о-ё-ё-ой. А этот! Достал уже! Эконом, блин! – особенно громко возмущалась симпатичная бариста, которая всегда была со мной подчёркнуто вежлива.

– Вот видите, – подытожил молодой человек, – никто уже не хочет терпеть ваши выходки. Так что покиньте помещение.

– Да на каком основании!.. – Я пытался сопротивляться, но их натиск был внезапным и крепким. В одинаковых коричневых рубахах и фартуках, плечом к плечу, поднос к подносу, они напоминали холодную шершавую стену без единой щели. И всё-таки я продолжал искать брешь в этом кофейно-кирпичном монолите.

– Послушайте, ведь я ваш постоянный клиент и имею полное право заказать…

– Кофе с кусочком хлеба? Вы издеваетесь?

–Хорошо, я закажу что-нибудь подороже.

– Знаем мы ваши штучки! Сегодня обед, а завтра снова канапе и столик на четыре часа. Повторяю: покиньте заведение и не устраивайте истерик.

Официант отошёл, давая понять, что разговор закончен. Фигурки в кирпичных фартуках, выстроились вдоль барной стойки.

Я убрал в пакет бумагу, карандаш и ластик, обмотал шею шарфом, надел мокрую куртку…

…Влажный, тяжёлый снег на глазах превращался в грязное месиво. Подняв воротник, я двинулся навстречу ветру. Через квартал была ещё одна кофейня с модным заморским названием.

Открывая массивную дверь, я сразу же почувствовал себя не в своей тарелке: драпированные стены, длинные диваны, низкие лакированные столики – всё выглядело вульгарно и неоправданно шикарно. О ценах я даже не рискнул помыслить, но выбора не было. Я как мог небрежно направился к пустому столику у широченного окна. Одно из самых больших удовольствий – наблюдать за жизнью по ту сторону стёкол.

Но тут, будто из воздуха, передо мной возник молодой человек в синем, с иголочки, жилете со значком на груди. «Администратор» – и что-то сжалось у меня под рёбрами. Молодец со значком окинул цепким взглядом куртку, пакет, и губы его сложились в безупречно отточенную улыбку.

– Добрый день! Поработать зашли? С бумагами?

– Ну да… И кофе попить, конечно.

– Кофе, значит. Понимаю. – Он продолжал целлулоидно улыбаться, не пропуская меня в зал. – Вы, я вижу, писать собираетесь? Понятно. А ноутбук, простите, у вас с собой?

– Что?

– Ноутбук у вас с собой? Или вы предпочитаете смартфон?

– Мне не нужен компьютер. У меня есть карандаш.

– Карандаш?

– Да. Могу показать.

– Нет-нет. Не надо. Карандаш – это замечательно. Но с карандашами к нам нельзя.

Уголки его губ опустились вниз, и улыбка завязалась в розовый казённый бант.

Дело принимало скверный оборот. Но я не собирался сдаваться без боя.

– А почему нельзя-то? Какая разница – ноутбук, карандаш, ручка, в конце концов?

– Вы бы ещё печатную машинку сюда принесли! Видите, здесь многие работают, но у всех цифровые, понимаете, – он обвёл рукой помещение своей модной кофейни, – цифровые устройства! – Бант развязался, и лицо снова провалилось в непроницаемую улыбку. – Вы понимаете, что такое формат заведения, клиентура?

– Так ведь я и есть ваш клиент!

– Нет, с карандашами тут не ходят. В другой раз, пожалуйста – и рука администратора изящно указала на дверь.

…И снова ветер, снег и грязная жижа под ногами. С общепитом дело накрылось, дома сейчас жена и старший сын, ближайшая библиотека на ремонте. А мне позарез нужны хотя бы полтора часа!

Мысли скакали, снег падал, ноги сами выбирали дорогу. Я не очень удивился, когда оказался у стеклянной двери старого книжного магазина на первом этаже моего дома. Стоять возле полок, вбирая в себя цвет и запах новеньких корешков, не спеша перелистывать страницы – это было сродни блаженству гурмана, открывающего вожделенную пыльную бутылку.

У классиков я, как обычно, медлил, готовясь нырнуть в море знакомых имён. И уже протянул руку к Кафке, как меня негромко, но строго окликнула крашеная блондинка лет пятидесяти – в модных очках.

– Здесь нет ничего интересного. Вон там, – пухлый палец с длинным, ярко накрашенным ногтем указал в противоположную сторону, – эзотерика, психология, бизнес, на худой конец – Мураками.

«Худой конец Мураками», – машинально повторил я за ней.

…Не помню, как я покинул эту книжную гавань. Помню только, что продавщица как-то внезапно завелась, помню палец, нацеленный прямо на меня…

…Почти час я месил грязь возле дома, пока не вымок окончательно. Озябшая рука торопливо ищет в кармане ключ. Как приятно всё-таки открывать дверь своей квартиры!

Тихонько проникаю в тёплый тёмный коридор. Никто не выходит. Стало быть, жена на кухне, а старший у телевизора. Отлично! Оставляя на полу мокрые следы, крадусь к двери спальни. Пальцы уже касаются ручки-защёлки, когда меня настигает извиняющийся голос жены: «Ой, Юра, там папа отдыхает. Он утром приехал. Погостит несколько дней. Может, ты сегодня в какой-нибудь кафешке поработаешь, пока я тут готовлю?».

…Я стою перед закрытой дверью собственной спальни. А на улице ветер, и снег, и нескончаемое грязное месиво.

ТОЧКА ОПОРЫ

Они сидели в небольшой шумной столовке за маленьким квадратным столиком. Мимо них двумя встречными потоками двигались люди: по одну сторону – неспешно, с подносами, заставленными стандартным ассортиментом городских забегаловок, по другую сторону – в куртках и шапках, резво обегая подмороженные весенние лужи. Светило робкое солнце, был обыденный обеденный час и каждый был занят самим собой. Но эти двое, казалось, были заняты только друг другом. Они неотрывно смотрели друг другу в глаза и молчали. Слова сказаны, бутерброды съедены, и теперь полагалось только нежно-загадочно улыбаться.

Она положила тонкие пальчики в его широкую ладонь.

Он положил крепкую руку на её колено под столом.

Она опустила глаза.

Он чуть кашлянул.

Её пальчики, едва касаясь, выводили на его ладони незатейливые узоры.

Его влажная ладонь тяжело ползла вверх.

Она поднимала глаза. Она всего лишь искала точку опоры.

Он продолжал загадочно улыбаться (сегодня у него хорошо получалось). Он всего лишь искал что-то новое.

Светило робкое солнце. Люди двигались с обеих сторон.

Через месяц они расстались. Остались друзьями. И теперь где-то бродят по городу. В небе светит яркое солнце. Лужи высохли на асфальте. Она всё так же ищет точку опоры. А он – новых колен.

ЕВГЕНИЙ МИНИН

Иерусалим

ДВЕРЬ

Только что вернулся из Испании, если конкретно, то из Барселоны. Я давно мечтал побывать в этой дивной стране. Короткое путешествие не утомило меня. Но то, что произошло там, в этой неповторимой столице Каталонии, – потрясло меня. Однажды вечером я уселся поудобнее перед компьютером и записал эту историю…

Вообще-то я не верил в сны и прочую эзотерику. А оказывается, всё более чем серьёзно и глубже, чем полагал. В поиске подтверждения своих мыслей копаюсь в интернете, выискивая информацию о генетической памяти. Оказывается – это явление имеет право на существование. В основном оно проявляется во время сна или состояния измененного сознания (гипноз, транс, медитация), когда контроль сознания ослабляется. В бодрствующем состоянии у человека генетическая информация подавляется, поскольку может неординарно повлиять на психику, вызвав синдром раздвоения личности. Когда-то я обсуждал этот эффект с известным астрофизиком Песахом Амнуэлем, живущем в Израиле, а именно: возникновение условных параллельных жизней. Поскольку, если существуют параллельные миры – должны существовать и параллельные жизни. Я высказал предположение, что сны – это точки пересечения, когда мы можем увидеть, что с нами происходит в другой жизни. Надо отметить, что после недолгих сомнений Амнуэль согласился с такой гипотезой.

В тот раз я припозднился. Было полтретьего ночи. Ложился спать, не зная, куда перенесут меня сны на этот раз…

Она возникла неожиданно. Выплыла из мрака. Огромная железная дверь. Я стоял перед ней и не мог отвести взгляд. Железная. Огромная. В середине – ручка-кольцо, а вокруг неё, словно на циферблате, были вычеканены десять изображений каких-то стариков с бородами. Я тщательно пересчитал – их было десять. Я видел эту дверь чётко, словно стоял перед ней и рассматривал огромное фото. Вдруг больно заныло сердце. Видимо, я застонал, и жена испуганно затрясла за плечо, чтобы проснулся:

– Что с тобой, что с тобой?

– Дверь приснилась, дверь, дверь, дверь, – спросонок бормотал я, с трудом отходя ото сна.

Жена принесла воды. Я сделал несколько глотков и лёг.

Потом долго не мог уснуть – стоило закрыть глаза, как из бездны выплывала дверь. Какое-то наваждение. Но откуда взялась эта дверь? Нигде в реальной жизни я её не видел и не мог видеть. Со временем стал забываться сон о странной двери. Сны стираются из памяти проще, чем рисунок на бумаге ластиком, особенно в современной жизни, когда потрясения происходят одно за другим…

Как-то, откинувшись на стуле перед компьютером, я неосмотрительно произнёс:

– А неплохо бы слетать в Барселону.

Леший меня, что ли, тянул за язык. Жена-путешественница, уже побывавшая в Испании, услыхав моё пожелание, – а ей всё равно, куда лететь, лишь бы вон из дома, – обрадованно заволновалась:

– А чего, середина недели – ты свободен, у меня нет дежурств – полетим?

И вот мы уже бродим по барселонским нешироким улицам, вдыхая запах знакомого моря. Остановились в недорогом отеле «Лаетана» в номере 405, с матовыми занавесками с большой фиолетовой полосой внизу. Взяли обзорную экскурсию с русскоговорящим гидом. На автобусе объехали все значимые места знаменитой футбольной столицы. Конечно же, прогулялись по Большому королевскому дворцу, покружили по Королевской площади. Но что-то давило на сердце, сжимало его, когда я ходил по серым каменным плитам. Необъяснимо. Я знал, что в тронном зале огромного величественного дворца – резиденции королей Барселоны – Христофор Колумб докладывал Изабелле Кастильской и Фердинанду Арагонскому об открытии нового морского пути в Индию. Но мне также было известно, что в этом зале правила свой суд жестокая инквизиция, и сколько жизней было отнято у ни в чём не повинных евреев святейшим трибуналом – никому не известно. Кровавое, лобное и позорное место Испании. Сколько боли впитали в себя эти тяжёлые каменные своды…

В день отлёта после обеда решили прогуляться – я люблю спокойные неспешные прогулки, особенно по незнакомым местам. Шли по широкому тротуару, среди спешившего по своим делам людского потока. Вдруг захотелось тишины и безлюдья. Мы свернули на узкую, мощёную камнем улочку.

Да уж, две машины тут не разъедутся, подумалось почему-то.

Запахло свежими булками – видимо, где-то неподалёку располагалась пекарня. Подъехал мотороллер с кузовом – я не ошибся, и из жёлто-серого здания стали выносить пластиковые мешки с булками. Мы перешли на противоположную сторону улицы, и…

Я увидел ДВЕРЬ!

На миг показалось, что я потерял сознание – такой силы был шок. Ноги мои словно прилипли к земле.

Да, это та самая дверь, что снилась мне несколько ночей. Вокруг отверстия для ключа виднелись старинные, но ещё четко видимые, чеканенные лица бородатых людей в ермолках. Я пожирал взглядом эту дверь.

Вдруг она, заскрипев, открылась. Из неё вышел – я!

То есть человек, как две капли похожий на меня. Я почувствовал, как пальцы жены впились в мою ладонь, – сходство было потрясающее.

Он был одного роста со мной, одет в цветную куртку моего любимого фиолетового цвета. Шляпа с узкими полями на голове, чёрные очки на лице и лёгкая трость в руке. Незнакомец окинул беглым взглядом нас с женой и, повернувшись в сторону магистрали, откуда свернули мы, пошёл лёгким шагом. Мы с женой своими взглядами, можно сказать, буравили ему спину. Пройдя метров десять, мой близнец остановился, несколько секунд постоял на месте – видимо, только сейчас он осознал нашу схожесть, – а потом, резко повернувшись, подошёл ко мне:

– Where you from?

– We are from Israel.

– You can speak Hebrew?

– Беводай! (Конечно!)

Наш собеседник заулыбался и представился:

– Хосе Миньянтес. Хотя в моей семье я просто Йоси.

– Евгений Минин, – представился я. – А моё израильское имя – Йоэль, полученное в честь расстрелянного под Смоленском деда.

– Миньянтес, Минин, – задумчиво произнёс Йоси, разглядывая моё лицо. – Ну что ж, рад приветствовать представителя потерянной ветви нашего рода Миньянтес, – и повернувшись к той самой, словно заколдованной двери, отпер её и церемонным жестом руки пригласил войти.

Я вошёл вовнутрь. Поди догадайся, что это был шаг в глубь времени, в прошлое нашего рода и моей семьи.

Небольшой зал, уставленный по периметру пластиковыми стульями, намекал, что он легко превращается в небольшую синагогу. Тем более, что сквозь стекло стоящего в углу шкафа, так называемого «арон кодеш», что значит «святой ларец», я увидел свиток Торы.

– Это дом моих предков, – вздохнул Йоси. И помолчав немного, добавил: – И твоих. Вообще-то неподалёку у меня благоустроенная квартира, а эту храню. Как талисман. Она притягивает генетической памятью потомков нашего рода. Но как ты узнал об этой лачужке?

– Она мне снилась, эта дверь, – и я поведал новоиспечённому родственнику о своих снах.

– Идём, я тебе что-то покажу.

Мы подошли к «арон кодешу».

Внизу шкафа стоял сейф, откуда Йоси вытащил с десяток ветхих альбомов.

Мы уселись за стол. Хлопнула входная дверь.

– Это моя жена, Мануэла! Забеспокоилась, что я задерживаюсь.

Женщина была рассержена, видимо, её оторвали от каких-то важных женских дел. Она что-то сказала мужу по-испански, потом перевела взгляд на меня и онемела – она увидела копию своего мужа. Снова посмотрела на мужа, и снова на меня.

– Эли, – обратился Йоси к ошарашенной жене, – сделай нам кофе с фриголо. Немножко ликёра нам не помешает.

– Я добавляю в кофе амаретто, – вмешалась моя жена.

– Фуй! – скривился хозяин, – в Каталонии пить итальянский ликёр? – это ж нонсенс. Но прежде чем мы откроем альбомы, я расскажу историю, произошедшую более пятисот лет тому назад.

…Чёрные дни испанских евреев. Инквизиция. Аарона, еврея-менялу, после пыток отпустили умирать домой. Как и многие единоверцы, он успел превратить своё состояние в золото, хотя богатством эти небольшие унции жёлтого металла трудно было назвать. Вокруг него сидели, держа умирающего за руки, сыновья: старший – Матео, средний – Вито, и младший – Самуил.

– Бегите отсюда, – шептал умирающий Аарон. – Они не успокоятся, пока не уничтожат всех нас. Это уже не люди. Вчера сожгли моего брата Захарию, даже не потому, что еврей, не потому, что крестился, – этим тварям в сутанах понадобились его деньги, его богатый дом и его красавица-жена – для плотских утех. Они превратили её в шлюху… Этот дьявол Николас Роселъи пришёл из ада, и прежде чем вернуться обратно, он устроит ад в Каталонии. То, что у меня было, я отдал вам – мне ничего не надо. Меня уже ждёт Элогим. А вы бегите, умоляю вас, дети… Бегите, не оглядываясь. Ты, Матео, иди во Францию, или ещё дальше – к немцам. Вито – через Геркулесовы столбы иди к туркам, они не трогают евреев и не мешают торговле. А Самуил пусть сам решит, за кем следом идти.

На следующий день большой обоз еврейских семей, среди которых были старшие братья, навсегда, навечно покинули Барселону, Каталонию, Испанию – родину, изгнавшую своих детей.

Барселонцы переживали трагедию еврейских семей, но остановить безжалостный маховик инквизиции было невозможно. Выход горожане видели лишь в одном, и они пошли на хитрость. Был оглашён указ – всем оставшимся евреям собраться у храма Саграда Фамилья. И как только началось оглашение указа, с двух сторон, издавая страшные вопли, выскочили отряды вооружённых всадников. На самом деле это были горожане, облачённые в доспехи воинов для пущей убедительности инсценировки.

Раздались крики:

– Все в храм! Быстро все в храм – там не тронут, не посмеют!

И как только за последним захлопнулась дверь – начался обряд крещения. Двери оказались заперты снаружи. Так все оставшиеся в Барселоне евреи превратились в выкрестов – марранов. Среди них оказался не успевший уехать – Самуил.

– Он остался в Барселоне со всей семьёй. Их не трогали, но совершать иудейские обряды запретили, однако никто не проверял и не следил, за исключением инквизиторского отребья.

– Самуил. Шмуэль. Это ж так звали прадеда моего отца.

– А как звали твоего отца?

– Арон.

– А детей как зовут?

– Дмитрий, Виталий, Максим.

Йоси хитро заулыбался:

– Теперь давай полистаем альбом!

Я листал страницы сначала с рисунками, потом с чёрно-белыми фотографиями, и видел знакомые лица, похожие то на лица сыновей и племянников, то на отца и его брата.

– Смотри, вот – Матео, вот – Вито, вот – Самуил. Твои дети, видимо, похожи на них, очевидно, как и мои. Генетика – сильная вещь, – улыбался Йоси. – Хотя и у неё бывают промашки – в каждом поколении были талантливые художники, а в последнем – нет.

– Как нет? – возмутился я. – А мой Виталий, посмотри в интернете его сайт.

– Ну, тогда у меня к генетике претензий нет. Очень аккуратная дама.

– Надо идти, – оторвала меня от альбома жена. – Самолёт рано утром. А мы не собрались.

– Я вас провожу, – вышел с нами на улицу Йоси. – Кстати – Испания меняется, медленно, но верно. Позавчера жители испанского города Кастрийо Матахудиос, расположенного на севере, решили избавиться от позорного названия города, «подаренного» во время инквизиции. «Матахудиос» означает «смерть евреям», и они решили вернуть городку его исконное название – Кастрийо Мота де Худиос (Еврейский холм Кастрийо). Да, и по нынешним законам вы можете получить испанское гражданство как потомки изгнанных из Испании евреев.

– Да ладно, хватит нам нашего израильского, – поднявшись, улыбнулся я, и мы пошли к выходу.

Начинало смеркаться.

Я оглянулся на дверь с вычеканенным миньяном – кто знает, когда я ещё буду в Барселоне. И буду ли. Будет ли сниться мне эта дверь теперь, после касания моей ладонью старинного холодного железа?

Через неделю приезжает Йоси с женой знакомиться с потерянным коленом рода Мининых. Думаю, и его ждёт немало открытий. Самое интересное: что скажет мама, увидев нас рядом?

МОТИВ

Он сидел напротив, смакуя вино с красивым названием «Констанция», привезённое моей женой из Южной Африки.

– Любимое вино Наполеона! – польстил я гостю. – Единственная бутылка!

– И это дали Наполеону при смерти? – Сэм жалостливо посмотрел на меня, словно я – тот самый умирающий Наполеон.

– Насколько известно мне, как криминалисту, – продолжал мой друг, – даже подсыпанный мышьяк не смог облагородить вкус этой бурды.

Мы не виделись больше двадцати лет. Меня волной репатриации занесло в Израиль, а Сэм умудрился попасть в Штаты.

– Ну как ты там? Чем занимаешься? – сыпал я вопросами.

– У меня детективное агентство! Доход – несколько миллионов в хороший год. И хата – с твоей не сравнить, – Сэм небрежным взглядом скользнул по стенам. – Охрана VIP-персон приносит неплохую копейку.

– А как ты разбогател – так сразу? – не унимался я. Боже, прости меня за излишнее любопытство.

– Да, так сразу!

– Ну, как?

– Принеси водки – вдруг изменившимся голосом попросил Сэм, – расскажу тебе. Только – молчок, пока я жив!

– Да что ты, – я помчался на кухню, притащил початую бутылку «Кеглевича».

Сэм, скривившись, посмотрел на бутылку, потом на меня, потом опять на бутылку. Наклейка явно не производила на него впечатление. Налил – себе полную рюмашку, мне немного – приятель знал, что я не любитель водки.

Чокнулись.

– За тебя, Жека, за твою славу поэтическую! Как вы пьёте эту гадость! – вздохнул мой гость.

– И за твою славу шерлокхолмсовскую! – вставил я свои пять копеек.

Сэм мрачно посмотрел на рюмку, опрокинул её в рот и откинулся на спинку стула:

– Знаешь, Жека, что общее у преступления и у музыки?

Поймав мой недоумённый взгляд, Сэм ответил:

– Мотив! А если преступление связано с музыкой, когда два мотива накладываются один на один – происходит нечто страшное. Через пару месяцев по приезду я открыл агентство, снял комнатёнку в дешёвом районе. В основном выполнял семейные заказы: жена просила последить за мужем, муж за женой – что тебе рассказывать. До чертей надоело, да и противно было каждый день копаться в чужом белье. Подумывал, что с этим бизнесом надо завязывать, но однажды к дому подъехал «Форд», шофёр пригласил меня пройти в лимузин для важной встречи. Через полчаса доехали до небоскрёба. Встретил охранник, завёл в кабинет и оставил одного. Я налил в одноразовый стаканчик из стоящей на столе бутылки колы. Только пару раз отхлебнул, как появился невысокий полный человек, лысоватый, в круглых очках.

Откуда взялся – не понять. Я же, по привычке, чтобы видеть входящих, сидел напротив двери. Потом уже понял, что это их киношные штучки.

– Мистер Сэм – толстяк начал говорить на русском, но со страшным акцентом – видимо, из семьи русских, но родившийся в штатах.

– Я пригласил вас, чтобы предложить дело, но щепетильное. Гонорар – Жека, у меня перехватило дыхание, когда он назвал сумму – ну, с шестью нолями сумма. – Вас в криминальном мире особо не знают – поэтому наш выбор пал на вас. Если согласны взяться за дело – подпишите договор о неразглашении – для вас мы его распечатали на русском языке.

Я пробежал взглядом лист. Могли бы уложиться в четыре слова: держать язык за зубами! А можно было и в три: сделать и забыть. Да мне что – не привыкать. Получил огромный аванс, отвезли меня домой. Снял я ещё одну комнату, нанял опытного программиста, двух топтунов, установил прослушку в нужных местах – и принялся за работу.

А криминал был такой – два брата-музыканта, видимо, отец у них был общий, страшно талантливые, написали музыку к новому блокбастеру «Звери против зверей». Мой программист собрал отрывки, смонтировал – и я, которому музыка по барабану – заслушался. Ты слышал «Песню Лары» из «Доктора Живаго»?

– Ага, музыка Мориса Жарра, – блеснул я.

– Так вот – твой Жарра в подмётки не годился тем пацанам. Мотив – потрясающий.

И на этот мотив наложился мотив убийства. Музыка кому-то понравилась и понадобилась для другого фильма. Эта музыка подняла бы прокат любого вшивого блокбастера. Уж не помню фамилию братьев – то ли Гольдколь, то ли Гольдман. В общем, старшего нашли в бассейне. Я выяснил – вначале напоили, придушили и бросили в воду.

Выяснилось, что у младшего были телефонные контакты с Голливудом. Ты же понимаешь – там денег не жалеют, но и на ветер не бросают. Младшего нашли через несколько дней живым около обгоревшей машины. Кстати, «совершенно случайно» связанного парня обнаружил человек из компании, куда тот сделал несколько звонков.

Музыканта отвезли в больницу и запретили общаться с посторонними – дескать, сильное нервное потрясение и потеря памяти. Я полагаю, что младший брат сдал старшего, чтобы стать единственным правообладателем мелодии, которая должна была принести ему миллионы и миллионы. Но кстати, больше ничего гениального не написал – Бог его наказал и отнял талант. Я так считаю. В Бога можно не верить, но в его справедливости никогда не сомневался. А нечто похожее на исчезнувшую мелодию я слышал в

боевике «Мёртвые звуки» – не помню точно название.

Нюх на подобные разборки меня никогда не подводил. Уже через два дня должен был позвонить по повода расследования, но в принципе, всё было готово.

Когда я собирал все данные в папку, и готовился позвонить заказчику, ко мне без стука вошёл хорошо одетый мужик, при галстуке и с наглой мордой полицейской ищейки.

Он презрительно осмотрел пустые стены, посмотрел в окно на двор, где чернокожие пацаны играли в баскетбол и сел напротив, нахально глядя мне в глаза.

– Хелло, мистер Сэм – с ехидной улыбкой произнёс незнакомец, – я ничего не спрашиваю у вас, потому что всё знаю.

– Знаешь, Жека, у меня чесались руки – подойти к этому хлыщу и заехать в эту наглую физиономию. Эх, я, видимо, потерял бдительность, как последний лох! Кто бы мог подумать, что у меня могут работать «кроты»! Они меня сдали подчистую! – Сэм вылил в рюмку остатки водки, и горько вздохнув, выпил.

– Так вот, – продолжил свой рассказ Сэм, – этот мерзавец говорит:

– Я не спрашиваю величину гонорара, – тут он презрительно скривил рот, – но мы готовы заплатить вам в три раза больше за сожжение этой папки. – он кивнул в сторону папки с документами, которую я две недели упорно собирал.

– Я понимаю, – продолжил гость, – вы из России, у вас начнётся внутренняя борьба реальности с чувством достоинства, с совестью и с другими атавизмами вашего советского воспитания. Не ломайтесь, как проститутка на выданье – иначе сломают вас. Такие суммы на улицах не валяются. Деньги через час после вашего согласия будут переведены на ваш счёт. Не надо сообщать номер счёта – мы его знаем. У вас времени – пока я не выкурю сигарету.

Незнакомец закурил и подошел к окну, наблюдая за игрой мальчишек.

Я судорожно думал – они знают всё. И они в самом деле ломают меня об колено. И если не соглашусь – могут меня «убрать». Что этим бандитам стоит. Но главное – деньги.

Ни в одном сне не видел таких деньжищ – я же могу размахнуться, открыть частное бюро по сыску…

Во мне что-то надломилось…

Гость, докурив сигарету, глянул на меня, и дал по телефону команду перечислить деньги. Они всё рассчитали. Эти суки – такие психологи.

– Я у вас не беру подписку о неразглашении нашего разговора – ехидно продолжил незнакомец. Но если откроете рот, то, к моему сожалению, не успеете воспользоваться всей суммой, мистер Сэм. Папочку не беру – у вас неплохой камин – через час после поступления денег на счёт сожгите её, да и согреетесь между делом – у вас тут сыровато.

И сделав мне ручкой, гость исчез.

Через час позвонил в банк. Сумма уже лежала на моём счету. Клерк, назвав поступившую сумму, заикаясь, каждые десять секунд называл меня уважительно: мистер Сэм, мистер Сэм. Положил я свою папочку в камин, полил из бутылки остатками водки и бросил спичку.

Не представляешь, Жека, как мне было худо, какой падлой я считал себя. Эта советская идейная обработка занозой сидела во мне. Но деньги – это деньги…

Через два дня позвонил заказчик. Я пролепетал, что не получилось добыть важных улик, мол, возможности у меня не те и готов вернуть аванс. Такая лёгкая готовность вернуть аванс его насторожила – это не по-американски. Здесь с деньгами расстаются тяжело, в борьбе с самим собой. Видимо, мой собеседник всё понял.

– Вышлите чек с авансом в наш адрес, – презрительным голосом закончил разговор заказчик.

– Но у меня были издержки – набравшись наглости промямлил я.

– Хорошо, за вычетом издержек. Оставьте себе на семечки. – равнодушно произнёс мой собеседник.

Ну а потом я развернулся. Как и мечтал, открыл детективное агентство, одно из лучших в штате – даже одно время Майкла Джексона охранял – было время. Но сотрудников беру по найму на год, меняю ежегодно – если среди них окажется «крот», то в дело за год он не войдёт. Этот урок я выучил сразу и на всю жизнь.

Позвонили на мобильный – за Сэмом приехало такси. Я проводил его. Мы обнялись на прощанье, и Сэм уехал в аэропорт…

Знаете, если мне говорят, что Бог есть – я соглашаюсь. Если говорят, что Бога нет – я тоже соглашаюсь. Да разве в этом дело – есть или нет? Верю, что у каждого своя карма, аура или кто как её называет. Но мы, все люди, связаны с космосом. Когда же человек совершает подлость, предательство – информация уходит наверх, и возмездие обязательно найдёт адресат. Сегодня или завтра. Через год или через двадцать лет. Всё, что хранится в потёмках души, наши подлые поступки перерождаются в раковые клетки или инфаркты. Это я к тому, что две недели назад скоропостижно умер Сэм. Его сын нашёл мою визитку в бумагах отца и сообщил о случившемся. Вспомнились слова Сэма, как приговор самому себе: «В Бога можно не верить, но в его справедливости я никогда не сомневался».Так оно и получилось.

В связи с этим я и решился рассказать эту незатейливую историю господам атеистам, естественно, по понятным причинам, не называя фамилию Сэма.

«ОКОЁМ»

Ко мне не липнут лычки и лампасы,
И без того порука высока –
Я рядовой словарного запаса,
Я часовой родного языка.
Неровной строчкой гладь бумаги вышив,
Пишу, порой не ведая о чём,
Но ощущая, будто кто-то свыше
Заглядывает мне через плечо.

Игорь Царёв

«ПЯТАЯ СТИХИЯ» НА СТРАНИЦАХ «ЮЖНОГО СИЯНИЯ»

Подошёл к концу первый поэтический конкурс на соискание ежегодной международной литературной премии «Пятая стихия» в память о поэте Игоре Царёве, для сохранения и популяризации его литературного наследия, а также в целях поощрения творчества граждан России и иностранных государств по созданию высокохудожественных литературных произведений на русском языке, по сохранению и приумножению традиций русской словесности. Премия вручается в номинации «Поэзия» за высокохудожественные произведения, созвучные поэтическому творчеству Игоря Царёва.

На участие в Первом конкурсе Премии (сезон 2013-2014) было подано 252 заявки. 169 авторов приняли участие в первом туре, 56 участников прошли во второй тур.

Второй тур конкурса завершён. В финал вышли 10 авторов. Среди них – и известные имена, и «открытия». Победитель будет объявлен 11 ноября 2014 года. В этот же день станут известны имена тех, кого изберут учредители специальных призов.

Правила и условия проведения конкурса «Пятая стихия» 2013-2014 г.г. в первую очередь были направлены на максимальную доброжелательность и комфорт для участников. Изначально не предполагалось проводить его в формате «шоу», к которому привлекается внимание бурными спорами и не всегда лестными для авторов высказываниями. Путь к победе лауреатов не должен быть устлан растоптанными именами тех, кто только движется к своей вершине – кредо конкурса имени Игоря Царёва.

Учредители Премии: **Ирина Борисовна Царёва** – жена Игоря Царёва, член СП России, писатель, **Вадим Петрович Могила** – отец Игоря Царёва, профессор, **Марк Григорьевич Розовский** – драматург, режиссёр театра «У Никитских ворот», **Людмила Николаевна Мережко** – заслуженный работник культуры РФ, директор Московского литфонда, **Международный поэтический альманах «45-я параллель», Международный литературный журнал «Зарубежные задворки» (Германия), проект «Русское безрубежье» (США), Южнорусский Союз Писателей (Украина), Межрегиональная общественная организация – Литературно-общественное объединение «Изба-Читальня».**

Обращение Ирины Царёвой к участникам: «Учредители и конкурсная комиссия отдают должное высокому уровню участников. Тех, кто пришёл на наш конкурс, ещё не достигнув его уровня, – немного. Зато тех, кто достоин всяческой похвалы, но в следующий тур не прошёл только потому, что на всех не хватило мест, – немало. Мы гордимся вами. И я уверена, что капризная Фортуна ещё улыбнётся вам. Спасибо огромное, что были с нами, и… удачи!».

Пользуясь возможностью, любезно предоставленной оргкомитетом конкурса, и правом соучредителя Премии, редакционный совет журнала «Южное Сияние» (печатный орган Южнорусского Союза Писателей) отобрал из числа финалистов несколько наиболее перспективных, на наш взгляд, авторов, и определил победителя среди них.

А открывает публикацию победителей небольшая подборка стихотворений **Игоря Царёва**.

ИГОРЬ ЦАРЁВ

ФЕВРАЛЬ

Ни тебе цыганской радуги,
Ни веселого шмеля –
От Елабуги до Ладоги
Поседевшая земля…
Но не всё стоит на месте. И
Больше веры нет вралю,
Продувной и скользкой бестии,
Пустомеле-февралю.

Пусть и звонкая от холода,
Заоконная тоска
Словно молотом отколота
От единого куска.
Но под снежными заносами,
Попирая все права,
Изумрудными занозами
Пробивается трава.

Не грусти, душа-наставница,
Я не в теле, но живой.
Ничего со мной не станется
От метели ножевой.
Промороженная выжженность,
Синий иней на столбах…
Среднерусская возвышенность,
Среднерусская судьба…

КОГДА В ЕЛАБУЖСКОЙ ГЛУШИ…

Когда в елабужской глуши,
В её безмолвии обидном,
На тонком пульсе нитевидном
Повисла пуговка души,
Лишь сучий вой по пустырям
Перемежался плачем птичьим…
А мир кичился безразличьем
И был воинственно упрям…
Господь ладонью по ночам
Вслепую проводил по лицам
И не спускал самоубийцам
То, что прощал их палачам…
Зачтёт ли он свечу в горсти,
Молитву с каплей стеарина?
Мой Бог, её зовут Марина,
Прости, бессмертную, прости.

Игорь Вадимович Царёв (Могила). Родился в 1955 году на Дальнем Востоке в небольшом посёлке, расположенном на границе с Китаем. Окончил специальную математическую школу в городе Хабаровске. Образование (высшее техническое) получил в городе Ленинграде. Несколько лет проработал на космос – инженером-конструктором в одном из московских «ящиков». Сменил профессию…

Журналист, член Союза журналистов Москвы, член Союза писателей РФ.

Регулярно печатался в журнале «Поэзия» Московского союза писателей. Отмечен писательской организацией дипломом «Золотое перо Московии», «Золотой Есенинской медалью». Дипломант международных литературных Интернет-конкурсов «Серебряный Стрелец», «Заблудившийся трамвай» и др.

Лауреат премии «Народный поэт» (2012).

Скоропостижно скончался 4 апреля 2013 года.

НА БОЖЕДОМКЕ БОГА НЕТ

…На Божедомке Бога нет.
И пешим ходом до Варварки
Свищу, заглядывая в арки,
Ищу хоть отражённый свет,
Но свежесваренным борщом
Из общежития напротив
Москва дохнет в лицо и, вроде,
Ты к высшей тайне приобщён.
Вот тут и жить бы лет до ста,
Несуетливо строя планы,
Стареть размеренно и плавно
Как мудрый тополь у моста,
В саду, где фонари растут,
Под ночь выгуливать шарпея,
А после пить настой шалфея
Во избежание простуд…

Столица праздная течёт,
Лукаво проникая в поры:
И ворот жмёт, да город впору,
Чего ж, казалось бы, ещё?
Зачем искать иконный свет,
Следы и вещие приметы?
Но кто-то ж нашептал мне это:
На Божедомке Бога нет…

КОЛОКОЛ

Молодой нахал языком махал,
В небесах лакал облака –
Медный колокол, бедный колокол,
Все бока теперь в синяках.
Не из шалости бьют без жалости,
Тяжела рука звонаря…
Пусть в кости хрустит, коли Бог простит,
Значит, били тебя не зря.

От затрещины брызнут трещины,
Станешь голосом дик и зык.
Меднолобая деревенщина,
Кто ж тянул тебя за язык?
Из-под полога стянут волоком,
Сбросят олуха с высока.
Бедный колокол, медный колокол,
Домолчишь своё в стариках…

Отзвенит щегол, станет нищ и гол –
Пощадить бы ему бока,
Но грохочет в полнеба колокол,
Раскалившись от языка.
Суп фасолевый, шут гороховый,
Флаг сатиновый на ветру,
С колоколенки на Елоховой
Звон малиновый поутру…

---

* Подмосковное село Елох (это то же самое, что «ольха») с храмом было известно ещё с XIV-XV вв. Нынешнее здание Елоховского собора было построено в 1835 году. С тех пор храм, сейчас уже находящийся в черте Москвы, не закрывался.

В ДОМЕ У ПОЭТА

Пусто в доме – ни гроша, ни души.
Спит на вешалке забытый шушун.
Даже ветошь тишины не шуршит,
Лишь под ванной подозрительный шум.

То ли спьяну там застрял домовой –
Подвывал в трубе часов до пяти!
То ли слесарь не дружил с головой,
Взял, и вентиль не туда прикрутил.

Вот и всё. И только плесень тоски,
Да предчувствий нехороших игла.
И картошка закатила глазки,
На хозяина взглянув из угла.

Но ему-то что, гляди – не гляди,
Позабыв, что быт сермяжен и гол,
Ковыряется у века в груди,
Подбирая колокольный глагол.

И пульсирует, как жилка, строка,
Каждый звук яснее капли росы…
И плевать, что подошло к сорока,
Если Бог кладёт слова на язык.

Вместо штор на окнах лунный неон –
По стеклу небесной слёзкой течёт.
Пусто в доме. Только вечность и он.
И стихи. Всё остальное не в счёт.

ОКТЯБРЬСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Заката раны ножевые
кровоточат в пяти местах.
С. Бюрюков

Дымится кровью и железом
Заката рана ножевая –
Ещё один ломоть отрезан
От солнечного каравая,
Отрезан и почти доеден
Земным народом многоротым,
И мир вот-вот уже доедет
До пустоты за поворотом.

Массовке, занятой в параде,
Воздав под журавлиный лепет,
По жёлтой липовой награде
Под сердце осень щедро влепит,
Одарит царственно и канет,
И снова щенною волчицей
Тоска с обвисшими сосками
За нами будет волочиться.

И снова дробь свинцовых ливней
Катая пальцами под кожей,
Мы удивляемся наивно,
Как эти осени похожи!

Лишь сорок раз их повторив, мы
На сорок первом повтореньи
Вдруг понимаем – это рифмы!
В бо-жест-вен-ном стихотвореньи…

НЕ РАССУЖДАЯ О ВЫСОКОМ

За теплоходными свистками
Дойдём с тобою до реки,
Где старые особняки
Соприкасаются висками,
И над причалом воздух талый,
И заглушая птичий гам,
Гудит невидимый орган,
Качая тёмные кварталы…

Не рассуждая о высоком
Значении весенних вех,
Мы просто взгляд поднимем вверх
На кроны, брызжущие соком,
На небо, где вне расписаний
Плывут неспешно облака,
И отражается река,
И наши мысли, и мы сами…

Пусть стрелочники, секунданты
И прочие временщики:
Дотошные часовщики,
Аккуратисты и педанты,
Отягощенные долгами
Ругают меркантильный век,
Мы, обнимаясь, смотрим вверх,
А Бог играет на органе.

АЛЕКСАНДР ГАБРИЭЛЬ

Швампскотт, США

ИЗ ОКНА ВТОРОГО ЭТАЖА

Ветрено. Дождливо. Неприкаянно.
Вечер стянут вязкой пеленой.
И играют в Авеля и Каина
холод с календарною весной.
Никого счастливее не делая:
ни дома, ни землю, ни людей,
морось кокаиновая белая
заползает в ноздри площадей.
Небо над землёй в полёте бреющем
проплывает, тучами дрожа…
И глядит поэт на это зрелище
из окна второго этажа.
По вселенным недоступным странствуя,
он воссоздаёт в своем мирке
время, совмещённое пространственно
с шариковой ручкою в руке.

И болят без меры раной колотой
беды, что случились на веку…
Дождь пронзает стены. Входит в комнату.
И кристаллизуется в строку.

ОБЛАДИ-ОБЛАДА-ОБЛАДА

Холода у нас опять, холода…
Этот вечер для хандры – в самый раз…
В магнитоле – «Облади-облада»,
а в бокале чёрной кровью – «Ширaз».
И с зимою ты один на один,
и тебе не победить, знаешь сам…
Не до лампы ли тебе, Аладдин,
что поныне не открылся Сезам?!
И не хочется ни дела, ни фраз,
и не хочется ни проз, ни поэз…
Проплывают облака стилем брасс
акваторией свинцовых небес.
Но уходят и беда, и вина,
разрываются цепочки оков
от причуд немолодого вина
и четвёрки ливерпульских сверчков.
Ничему еще свой срок не пришёл,
и печали привечать не спеши,
если памяти чарующий шёлк
прилегает к основанью души.
Так что к холоду себя не готовь,
не разменивай себя на пустяк…
(Это, в общем-то, стихи про любовь,
даже если и не кажется так).

ПРЕДУТРЕННЕЕ

Горит над нами чуткая звезда,
а нас несёт неведомо куда –
к водовороту, к бурному порогу…
Бессонны ночи, окаянны дни…
Храни нас, Бог. Пожалуйста, храни,
подбрасывай нам вешки на дорогу.
Писать – легко. Труднее – не писать.
Часы в прихожей отбубнили пять.
И всё, как прежде – ночь, фонарь, аптека…
На письменном столе – бокал «Шабли»;
не виден снег, рассвет ещё вдали.
Покоя нет. Февраль. Начало века.
Как хорошо, что есть на свете ты
и право на объятья немоты,
на памяти внезапную атаку…
Еще всё так же одноцветна высь,
но мы с тобою знаем, согласись,
что эта ночь не равнозначна мраку.
Курсор мерцает на конце строки…
Но кроме Леты, горестной реки,
на свете есть ещё другие реки.
Я вновь пишу. И снова – о любви,
с трудом подняв, как легендарный Вий,
бессонницей истерзанные веки.

—

ОЛЕГ СЕШКО

Витебск

ВОРОБУШЕК

Не был я в этом городе, кто бы меня позвал,
Мне не вручал на холоде звёздочки генерал.
И самогон из горлышка, верите, я не пил,
Прыгал тогда воробышком, не напрягая сил.
Клювом царапал зёрнышки – бурые угольки,
Чёрными были пёрышки, красными ручейки.
Падали с неба отруби, липкий солёный снег,
Мёртвыми были голуби, ломаным – человек.
Раны не кровоточили, а источали боль,
Страх накануне ночи и… ночь, переправа, бой.
В небе стонали ангелы, нимбы летели в ад,
Если бы память набело, слёзы бы или мат.
Слёзы метели выпили… «Маленький, расскажи,
Плаха, верёвка, дыба ли, что она, наша жизнь? –
Бросил мне хлеба корочку,- Хочешь, не отвечай…»
Молча достал махорочку, сел, раскурил печаль.
Вкусная корка, твёрдая… думал всё время так:
Голуби – только мёртвые, пепел и полумрак,
Зёрнышки – только жжёные, красные ручейки,
Люди себя лишённые, холмики у реки!

Нет же, я не был… не был я, знаю, что это сон,
В памяти корка хлебная, курит и смотрит он,
Глаз голубые стёклышки с горюшком без любви…
Бьются в окно воробышки, глупые воробьи…

ТОЛЬКО ДЛЯ МЕНЯ

Всё, что живое, только для меня,
В моей душе рождает океаны,
Себя я узнавать не перестану,
Цвет мысли примеряя к фону дня.
Мне нравится искать себя в чужом,
А находя, ловить зерно восторга,
Печь новый хлеб и грызть сухую корку,
Я есть во всём, чем нынче окружен.
Мне мало мира, мне нужны миры,
Вселенной завитые повороты,
Её морей неведомые гроты,
Далёких звёзд забытые костры.
Мне нужно всё, я в это облачён,
Я должен знать карманы и застёжки,
Хотя пиджак ещё велик немножко,
Когда-нибудь мне в пору станет он.
Рвану тогда сквозь чёрную дыру,
Роняя на пол пуговицы-звёзды...
Здесь доктор в белом тихо скажет: «Поздно»,
Когда для всех я будто бы умру!
Но всё не так… нет, всё – наоборот,
Не плачьте по ушедшему кумиру,
Я просто улечу к другому миру,
Где ближе цели будущих высот.

ЧУТЬ-ЧУТЬ

Чуть – чуть и затрезвонят голоса.
Сесть рядом, с краешку, поправить одеяло.
Хотите, час поставлю на начало,
Чтоб вы ещё поспали полчаса?
Спасёте заколдованных принцесс,
Закончите волшебные прогулки,
А я вам чай подам со свежей булкой
И расспрошу о качестве чудес.
Как там сейчас? Вы знаете пути,
Мне очень нужно, я давно там не был.
Под одеялом раньше, помню – небо,
В которое свободно мог войти.
Потом летел, летел, летел… летал.
Несла над морем ласковая дрёма,
Мир пряником катился невесомым,
Раскачивался времени кристалл,
Взрывался музыкой, сплетением огней,
Луна и звёзды падали на плечи,
Сгорали радуги под небом, словно свечи,
Душа звучала ярче и сильней,
Земля дрожала, трескалась, но вдруг
Стихало всё, как будто по указке,
Сверкала в темноте дорога в сказку,
Искрился колокольчиковый луг…
Остался только привкус торжества!
Жаль, небо опрокинуто годами.
Подъём, друзья, пора вернуться к маме,
И никакого больше волшебства.

———

ЛАРИСА ПОДИСТОВА

Новосибирск

ХРАМОВЫЙ БЕРЕГ

Ложилось солнце в облачную вату.
Ещё созвездий дым голубоватый
Не затянул июльский небосвод
Над волжским городком заря пылала
И не жалела золота и лала
Для тихих берегов и мирных вод.
Закатный блеск нещадно стёкла плавил,
И свет вечерний, против всяких правил,
Казался чище, ярче и теплей.
На гладких куполах лежало пламя,
И бор алел сосновыми стволами,
Точёными, как мачты кораблей…
Ничто не нарушает в нас покоя
Таким восторгом и тоской такою,
Как солнце, уходящее за край!
И прошептать хотелось: «Боже, Боже,
Когда Ты так украсил землю, что же
Тогда такое Твой небесный рай?».
Пройдём ли мы с водой дремотной – или
Сверкнёт на дне души, в житейском иле,
Твой образ – драгоценные черты?
Так вот зачем прощаешь нам вину Ты
И в смертном мире даруешь минуты
Такой неизреченной красоты!

ВСЁ ХОЛОДНЕЕ…

Всё холоднее на свете, всё холоднее…
Голая площадь – и голое небо над нею.
Голые ветви берёз в потускневших аллеях,
Только боярышник невыносимо алеет.
Кончилась бабьего лета обманная нега.
В небе витают нежданные голуби снега.
Их опереньем укрыта земля золотая.
Но, говорят, они скоро растают, растают –
Робкие вестники долгого зимнего лиха…
Огненно-рыжим на ветках горит облепиха.
Юный морозец прицелился, снайперски меток, –
В пятнышках пороха кожица поздних ранеток,
Но по-гусарски бравирует бархатцев россыпь.
Утром на травах тяжелые, ртутные росы.
Выдохнешь, дунешь – и мир перед взглядом мутнеет.
Всё холоднее на свете, всё холоднее…
Осень бредёт по земле одиноко, без свиты.
Беличьи игры хозяйственны и деловиты,
Рыжие шубки как будто в сгустившемся дыме.
У магазина сгружают узбекские дыни
В сеточке трещинок, словно старинные фрески.
Ветер капризен, его нападения резки.
На остановке толпа прозябает немая.
Мальчик подругу, закутав в пальто, обнимает –
И не боятся ни взглядов чужих, ни озноба,
Греют друг дружку, и явно довольные оба.
Первые голуби холода, первая вьюга…
Вместе стоим, но уже не глядим друг на друга.
Щёлкнула дверца маршрутки – курком пистолета.
Всё как положено: просто закончилось лето.
Просто тепла не осталось в нас даже на дне, и
Всё холоднее на свете, всё холоднее…

***

Катятся, катятся белые дни.
Дымно клубится позёмка густая.
Ветви искрящимся мхом порастают,
Каждый сугроб – что алмазный рудник.
Зимняя песня подобна струне –
То ли стихи, то ли чаячьи крики.
Белые дни быстротечны, безлики.
Что же на память останется мне?
Не сомневаюсь я, правда, в одном:
Всё, что творится внутри и снаружи –
Льдистый цветок, нарисованный стужей,
Мутные вихри за белым окном,
Гибкие трещины беленых стен, –
Как фотографией, строчкой хранимо.
Вьюжные птицы проносятся мимо –
Но замирают на белом листе.
Ближе позёмки танцующий шаг.
Двери заприте! Не поздно ли? Поздно…
Так января вдохновенье морозно,
Что от него застывает душа.
И очарованно смотрит она
В окна глазные на мир белоснежный:
Чистый, хрустальный, мерцающий, нежный,
Ясный, бесстрастный до самого дна.

Пень под сугробом – диковинный гриб.
Хмурит карниз наметённые брови.
Выпьешь холодной искрящейся крови
Зимнего ветра – и вовсе погиб.
Даже в тепле – сновиденья одни.
Жизнь потерялась и плачет негромко.
Хрустко ломается льдистая кромка.
Белые-белые катятся дни.

—

ЕВГЕНИЯ БАРАНОВА

Ялта

НОЯБРЬ В КРЫМУ

Лишь горы позвоночником Земли.
Лишь оттепель, пристегнутая к лужам.
Никто не свят. И пустота внутри
куда больней, чем пустота снаружи.

Лишь акварель. И сосен корабли.
И крыши, обветшалые некстати.
И что бы ты кому ни говорил,
одной души по-прежнему не хватит.

Один замолк, соседний занемог,
одна бутылка выжата об стену.
Ноябрь в Крыму не то чтобы замок:
он ключник и замок одновременно.

Какая тишь! Хоть ласточкой об лёд.
Размыло дни на стареньком планшете.
Никто не свят. У осени пройдёт.
И ты пройдёшь – как не было на свете.

IN EXILE

Душа моя, душа моя, душист
последний вечер, пахнущий игристым.
Мы так давно не виделись, что лист
стал выглядеть не Ференцом, но Листом.
Мы так давно не виделись, mon cher,
что здесь сменилось несколько прелюдий.
То памятник расколют, то торшер.
То флаги изменяются, то люди.
Мне кажется, я дряхлая швея –
усталость рук, осколок Эрмитажа –
Трещит костюм на несколько, а я
его пытаюсь пластырем и сажей,
улыбкой, уговором – сколько бит! –
А за спиной лишь сплетенки да зависть.
Душа моя! душа моя – болит.
И кажется, я больше не справляюсь.

О РОДИНЕ

Когда власть изменяется чаще, чем расписание,
когда в центре столицы бесплатные дарят гробы,
моя Родина – женщина с пепельными глазами –
устает оттирать от крови отвердевшие лбы.

Они могут быть глупыми, злыми, смешными, жестокими.
Всё равно они люди – что в нео-, что в палеолит.
Моя Родина – женщина в доме с разбитыми стеклами.
Она плачет и плачет и, кажется, даже скулит.

Ни любви, ни тепла, ни пощады, ни позднего знания.
Только гром, только горн, согревающий всех до костей.
Моя Родина – женщина.
«Женщину, женщину ранили!
Пропустите кого-то! Хотя бы кого-нибудь к ней!».

SHIT HAPPENS

Shit happens!
Я же помнила заранее,
у них внутри лишь рыбьи пузыри.
Мишурный блеск мишурного признания
до морока доводит, до петли,

до выстрела в пиджачное предсердие,
до героина в форме бытия.
Мишурный блеск мишурного бессмертия –
такая восхитительная дрянь.

Ещё!
Ещё!
Привычно, не привычно ли,
лишь микрофон
– как мячик –
мимо рук.
Мишурный блеск мишурного величия.
Какое одиночество вокруг.

КУДА БЫ

Куда бы мой милый тебя вели
все реки, озера и соль земли. –
Останутся только глаза вдали,
и это мои глаза.

Куда бы мой милый за чем ни шёл,
останутся только звезда и вол…
Но сердце гремит, как пехотный полк,
как маленький динозавр.

Возьми его на руки, обогрей,
лови для него из ручьев форель,
и солью присыпь, и ступай теперь
у речки стирать рукав.

А если упустишь, когда солжёшь
не будет тебе ни простых, ни слож-
ных понятий – ни слова «дождь»,
ни славы для моряка.

А будет лишь вьюга, лишь вью- и -га,
поэтому лучше держись крючка…
И подпись, широкая, как строка.

– *Твой маленький динозавр*

ЦВЕТАЕВОЙ

И сверху дно, и снизу дно,
и жар теплушкой волоокой.
«Мне совершенно всё равно,
где совершенно одинокой».

В какую даль, каким быльём,
в какие стены дольше биться.
Над умерщвлённым журавлём
танцуют хищные синицы.

И всяк герой неуловим.
И тесен мир, как русский дольник.
Запомни, друг мой, на крови,
лишь на крови растёт шиповник.

ГОДАР

Он приходил ко мне. В горле его росло
что-то лукавое, словно Жан-Люк Годар.
Он приходил ко мне – лужицами из слов.
Он приходил ко мне – шелест, щелчок, удар.

Он приходил ко мне – рифмой неуловим.
Недостигаем!
Робок!
Ни жив – ни мертв!
Каждая пустошь напоминает Рим,
если искать восьмой для семи холмов.

Вроде бы спохватился –
держи-держись.
Вроде бы спохватился –
и вот он есть.
Пальцы раскроешь – перетекает в жизнь
мой совершенный, мой нерождённый текст.

«ШКАФ»

ЛИЛИЯ ГАЗИЗОВА

ДОМ И КОРАБЛЬ

эссе

Если бы проза как жанр называлась другим словом, но обязательно мужского рода, то какой соблазн был бы для всякого рода *ведов* языка и литературы использовать гендерные приёмы при характеристике жанров поэзии и прозы! Но они по-прежнему остаются для нас «лёд и пламень»…

В 12 лет я обнаружила, что мир не соответствует моим детским представлениям о нём. А представления сформировались, преимущественно, под воздействием книг. Книги стали препятствием для моего сближения с миром. С одной стороны я лучше его понимала, с другой, идеалы добра почему-то не очень признавались моими сверстниками, да и взрослыми тоже не всеми.

Читалось везде и всегда. Прозу – любую – я считала почти всегда развлечением. Поэзия – это была настоящая душевная работа.

Выразить дисгармонию мира и моё недовольство им мне захотелось на бумаге, создав собственную гармонию. Почему не проза? Меня смутил не только объём «работ», ведь проза – это как писать большую картину маслом, надо заполнить все белые места. Мне хотелось дать картинку мира или настроения сразу и целиком. И здесь поэзия сродни акварели.

Акварель пишется почти прозрачными красками, которые смешиваются с водой. Иногда цвет рождается через смешение двух, трёх красок. Смешение более трёх красок даёт грязь. Кстати, неплохой принцип при подборе изобразительных средств для создания и поэтического произведения.

Выполнение рисунка акварелью сравнимо с наложением друг на друга нескольких цветных стёкол. Разве поэзия занимается не тем же?

Однажды мне попала в руки книги Виктора Сосноры «Песнь лунная», после прочтения которой я надолго задумалась. Это сильно отличалось от того, что я читала до этого. Оказывается, писать можно не так, как принято. Это была совсем иная поэтика. Я написала автору, мне было тогда 13 лет. И он ответил. В единственной нашей встрече я не задала многих вопросов, которые меня волновали, но, кажется, что-то поняла про самого Соснору. Позже я прочитала его эссе «Дом дней». И ощущения от текста были сродни ощущениям от поэзии. Наверное, тогда я впервые задумалась об отличии стихов и прозы.

С чего начинаются поэзия и проза? Прозаик всегда имеет в виду какую-либо идею своего произведения. А при создании большого полотна, скажем, романа, и подробный план, который, может корректироваться в процессе написания. У поэтов идея, вероятно, тоже порой имеет место. Но стихотворение может родиться со строчки, образа. Конечно, все поэты по-своему приступают к написанию стиха. Кто-то предварительно обдумывает сюжет, выстраивает образный ряд и лишь после этого приступает к реализации своего замысла. А есть такие, кто доверяет первой строчке, которая может стать и второй, и третьей, и последней, а может и вообще исчезнуть, как часть космического корабля, которая вывела его на необходимую орбиту, а сама сгорела в атмосфере. Эти авторы и сами не знают, куда приведёт их настроение и логика стиха. Таких поэтов я отнесла бы к поэтам «в химически чистом виде». Именно так назвала Зиннаида Гиппиус Георгия Иванова, подразумевая, правда, нечто иное.

Стихотворение может существовать и не в записанном виде, а проза – никогда. Её нужно создать, слепить, построить, как дом из кирпичей. Проза не может «случиться» не только из-за большого количества слов. Никогда не построить третий этаж без первого и второго. А в поэзии можно начать «строительство» с чердака. Об этом хорошо сказала Анна Ахматова: *«По мне в стихах всё быть должно некстати, / Не так, как у людей…».*

Проза – дом, поэзия – корабль (морской, воздушный, космический…). Статика и движение.

Поэзия – это витамины. Несмотря на их

(витаминов) исключительную важность, они не являются ни источником энергии для организма (не обладают калорийностью). Но без них человеческий организм не может существовать. Проза – это просто обычная или необычная пища.

Сколько бы поэт не затрачивал время на создание стихотворного произведения, всё равно он будет производить впечатление эфемерного создания. Все мы (или многие из нас) видели черновики Пушкина, свидетельствующие о кропотливой работе над словом. Но в его стихах нет запаха пота. И он сам – «солнце». А солнце может светить, сколько ему угодно или позволено Богом.

Прозаик – труженик, поэт – мечтатель.

Проза – будни, поэзия – праздник.

Прозаик пишет, поэт – записывает.

Пусть даже порой «строка приходит после сорока» (не помню, кому принадлежат эти слова, возможно, не точно процитированные), всё равно поэзия – юная девушка. Ведь только в юности человек способен на самые бескомпромиссные чувства. Не знаю ни одного случая (а есть ли они?), когда бы пожилой человек свёл счёты с жизнью из-за неразделённой любви. Не случайно, что чувства, которые испытывает человек в зрелые годы, часто сравниваются с переживаниями юности: *«Как ждёт любовник молодой / Минуты первого свиданья…»*.

А проза? Это хлопотливая мать семейства. Проза и быт – эти слова часто употребляются вместе. А иногда проза выступает синонимом быта.

В поэзии значимо всё – даже пробелы. Автор интуитивно чувствует, что пробел – это время, которое необходимо читательскому глазу перенестись с одного слова или строчки на следующие. Поэт использует пробел как передышку для читателя.

Ритмической единицей измерения в стихе становятся вдох и выдох.

Знаки препинания в прозе – это знаки препинания, а в поэзии – часть текста, точнее, часть замысла. В прозе они разделяют слова и предложения, а в стихах они соединяют нужным для автора способом образы и мысли.

Один из эффектов, к чему стремится каждый поэт, чтобы читателю захотелось поразмышлять после прочтения, чтобы он словно запнулся и остановился в своём движении. То есть талантливый автор недоговаривает чего-то важного, но что может домыслить-дорисовать талантливый читатель. Недосказывать нужно дозировано, чтобы недосказанность не превратилась в ложную многозначительность. Отсюда, кстати, произрастает увлечение некоторыми начинающими поэтами многоточиями.

Недосказанность в прозе сомнительна. Ружьё всегда должно выстрелить.

Поэзия – это неевклидова геометрия, законы которой не противоречат геометрии классической. Просто они другие.

Подобно светлячку, загадочно мерцающему в темноте и теряющему свой свет в помещении, поэзия лишается своей божественной сути, когда начинаешь её объяснять.

Остановлюсь…

БОРИС КОЛЫМАГИН

КАСАНИЕ К ПОСЛЕДНИМ ВЕЩАМ

обзор

Современная религиозная жизнь тесно переплетена с политикой. Поэтому появление сборников религиозной поэзии вызывает в культурном сообществе некоторое беспокойство: не идеологическая ли это акция? Не стоят ли за этим игры политтехнологов?

Надо сказать, что таких сборников выходит немного, и к политике они отношения не имеют. Тем не менее, книги появляются. Например, вышедший по итогам Филаретовского конкурса в интернете сборник «Блаженны нищие духом…»[1]. И возникает естественный вопрос: что мы понимаем под религиозной поэзией? Из него следуют другие вопрошания: какого рода культурную чувствительность несут духовные тексты? Какую именно речь в пространство поэзии приносят «вертикальные» интуиции человека?

В основе религиозной поэзии лежит опыт богообщения во всём своём многообразии.

И он чаще всего сопряжён с иудео-христианским космосом. При этом традиции православия оказывают огромное влияние на всю русскоязычную культуру, и на сегодня, если брать религиозный аспект, составляют её стержень.

Этимологически слово «поэт» восходит к греческому ποιητής (поетос)[2]. «Поэт» можно перевести и как «творец». В символе веры мы читаем:

Πιστεύω εἰς ἕνα Θεόν, Πατέρα, παντοκράτορα, ποιητὴν (поэтЭн) οὐρανοῦ καὶ γῆς, ὁρατῶν τε πάντων καὶ ἀοράτων. По-русски это переводится: «Верую во единого Бога Отца Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого». Но можно заменить слово «Творец» грекоязычным синонимом: «Верую во единого Бога Отца Вседержителя, Поэта неба и земли, всего видимого и невидимого». Поэт из ничего творит небо и землю. Можно сказать немножко иначе: Поэт сочиняет небо и землю. Почему так можно сказать?

Первые слова Ветхого завета: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт 1, 1) в тексте Септуагинты[3] могут быть прочитаны: «В начале сочинил (εποίησεν) Бог небо и землю». Здесь греческое слово εποίησεν (эпоэсен) сближается по значению с еврейским ברא (бараъ), которое означает «сотворил впервые», «создал прежде не бывшее» (замечание о. Леонида Грилихеса).

Итак, Бог – это Поэт с большой буквы, творящий мир из ничего. Поэты с маленькой буквы тоже творят свои, виртуальные миры. Творят на языке, на котором звучат и слова Откровения. Через язык поэт становится соавтором Логоса. Он вслушивается в Зов, и на свой лад отзывается на него. Поэтому поэзия религиозна в той мере, в какой согласна с этим Зовом.

Ветхий Завет можно рассматривать как поэтическое произведение. Здесь и отдельные стихотворные книги (Псалтирь, Песнь песней), и поэтические фрагменты (Песнь Деворы), и молитвы пророков.

Немало поэтических мест и в Новом Завете. Апостол Павел не только цитирует греческих поэтов, но и пишет изумительный гимн любви: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Кор 13, 4-8).

В посланиях апостолов вообще немало мест, звучащих как стихи:

Звезды блуждающие
Мрак их тьмы
Сбережен навек (Иуд. 1, 13).

В Четвероевангелии их ещё больше. Первоначально Благая весть существовала в устной традиции, была частью Предания. Звучащее на литургии слово тяготеет к «объективно сильной речи» (Вс. Некрасов), которая цепляется за язык, запоминается.

Религиозная поэзия вошла в Церковь посредством Писания и творчества христиан. Многие литургические тексты, вроде канона Андрея Критского, являются стихами.

Многие канонические молитвы своим проис-

хождением обязаны поэтическому вдохновению святых.

Стихи появлялись и исчезали в контексте литургической практики. Интенсивность христианского творчества во II-III веках была такова, что епископ, идя на литургию, мог написать анафору, то есть центральный богослужебный текст.

Ветхозаветные и новозаветные тексты органично сочетались в церковных богослужениях, но разница между ними всегда воспринималась чутким ухом.

Ветхозаветная поэзия, как известно, торацентрична. Она говорит об оправдании перед Богом через соблюдение Закона (Торы), 613 заповедей. Давид просит Бога научить его тем законам, которые «если я буду их соблюдать, послужат мне оправданием». Так, несколько неуклюже, переводится с языка оригинала слово חֻקֶּיךָ («хукеха», букв. «законы Твои»), переданное по-церковнославянски как «оправдание», а по-русски как «устав»: «Благословен Ты, Господи, научи меня уставам Твоим» (Пс. 118, 12).

Новозаветная поэзия связана с опытом покаяния и благодарения. Причём гимн, «творящий словами дары», стоит в центре новозаветного творчества, ведь анафора и есть благодарение Отцу за Сына.

Конечно, далеко не всякая духовная поэзия принималась Церковью, многое отсекалось. Только «да», «аминь» общины позволяет стихам стать литургическим текстом. Духовная поэзия имеет горизонт рецепции, или, иначе говоря, принятия. Поэтому, к примеру, еретические гимны гностиков лежат за пределами церковной поэзии.

В то же время хочется отметить, что церковная поэзия не ограничена богослужением, ведь Церковь имеет не только канонические и мистериальные границы, но и границы мистические.

Христиане первых веков стремились к воцерковлению всей культуры. Религиозные стихи вели человека к Церкви и напоминали ему о небесах после литургии. Но с угасанием творчества поэзия оказалась в притворе, стала своеобразным антуражем братских трапез, агап.

Общинные трапезы всегда существовали в христианских, и иудейских общинах. Но они не были чертой только иудео-христианского мира. Ещё в дорической Греции практиковались сисситии. Эти трапезы, имеющие сакральное значение, проходили в атмосфере братской любви. Об этом свидетельствуют стихи Гомера:

Пьют известною мерой, но кубок тебе непрестанно
Полный стоит, как и мне, да пьёшь по желанию сердца.
(Илиада, 4, 262-263)

«Пищи, прошу вас, вкусите и радуйтесь! После ж того как
Голод насытите вы, мы спросим – какие вы люди?
В вас не погибла, я вижу, порода родителей ваших.
Род от рыцарей вы, конечно, ведёте, питомцев Зевса,
Скипетр носящих: худые таких бы, как вы, не родили».
Так сказав, по куску положил он пред ними бычачьей
Жирной спины, отделив от почетной собственной доли.
(Одиссея 4, 60-66)[4]

Агапа, агапэ (ἀγάπη), любовь – есть главная характеристика отношений между Богом и Его народом. В этом смысле она противоположна эросу, плотской любви. В Писании пример агапического текста – тот же гимн любви апостола Павла.

Но агапа имеет и более узкое значение – так у первых христиан называлась общая трапеза. Это тихое вкушение пищи в присутствии Божьем. Агапы служили целям благотворительности и общения. В XX веке они были возрождены усилиями свящ. Георгия Кочеткова и окормляемого им Преображенского содружества, хотя память о них всегда сохранялась в церковной традиции. Общие обеды после праздничных богослужений, театрализованные представления, благотворительные акции имеют внутреннюю связь с трапезами любви.

Агапы подразумевают приношение духовных просфор, в том числе и стихов. Обычно, такие стихи – явление низовой культуры. Но на современных агапах звучат произведения известных поэтов: Ахматовой, Пастернака, Бродского, Величанского, Строцева. Так осуществляется рецепция светской поэзии.

Она может осуществляться и через публикацию в агапически направленных СМИ. Например, публикация посвященной Петровскому братству «Мозаики» Дмитрия Строцева в газете «Кифа» (№2, 2010).

Сознание участников подобной рецепции сильно зависит от топов культуры. Но сама агапическая практика подразумевает открытость Богу и, значит, всему новому, что творит Бог через людей. Случай с Бродским показывает, что агапическая рецепция не связана жестко с конфессиональными установками. Душа по природе христианка, как утверждал Тертуллиан. Поэтому религиозный текст может написать любой поэт. И при определённом качестве собрания такие стихи будут услышаны.

Рецепция современных текстов связана не только с агапическим феноменом, но и с реакцией верующих авторов. Собственно, с мнением тех, кто оказывает влияние на формирование культурного поля. А поскольку христианское интеллигентское сознание сегодня насквозь индивидуалистично, сама рецепция проблематична.

Можно сказать со всей определённостью, что стихи на религиозные темы и собственно религиозные стихи не совпадают друг с другом. Религиозная атрибутика легко может быть использована, и иногда используется, для пропаганды агрессивного мировоззрения. Это подтвердил уже первый вышедший на заре перестройки сборник духовных стихов «Воскрешение» (1989), где мы встречаем образчики языка вражды (Ю. Лощиц и др.).

Для ответа на вопрос, заданный вначале – что мы понимаем под религиозной поэзией? – мы можем использовать апофатический и катафатический подходы.

Апофатическое богословие занимается познанием Бога через понимание того, чем Он не является. Используя апофатику применительно к стихам, мы можем говорить о том, чего в них не должно быть. А не должно в них быть явных

грехов – пропаганды блуда, гордыни, зависти и тому подобного. Правда, здесь мы сталкиваемся с определенными трудностями. Верней, с опасностью выплеснуть с водой и ребёнка. Многие тексты классиков, например, оказались бы за границей религиозной поэзии. Скажем, стихотворения Лермонтова, у которого немало искусительных мест. Недаром его «Демон» столь притягателен.

Катафатический, положительный подход связан с оценкой текстов по их плодам. Духовная поэзия приносит радость, чувство свободы, желание делать добро. В своей верхней точке она, по выражению философа Александра Филоненко, занята «производством присутствия» Бога[5].

Рассуждая о рамках, в которых живёт метафизическая поэзия, мы невольно приходим к вопросу о свободе художника слова. Метафизика ни в коем случае не связывает его руки: он вправе говорить то, что считает нужным. Адам в раю был абсолютно свободен. Его стихи, известные и неизвестные, все духовны. Слова Адама: «Вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа» (Быт. 2, 23) по мнению известного ученого о. Леонида Грилихеса, сказаны на языке поэзии. Это первый гимн соборной любви.

В падшем мире творчество питается из замутненных источников, и свобода нередко служит возвеличиванию образа зверя в человеке. Однако в нём есть и другой полюс, где человек являет себя как образ Божий. Если этот полюс явлен в стихотворении, мы вправе называть его религиозным.

Романтические представления, что художник, ломая сковывающие его канонические рамки, вырывается на свободу – не более чем миф. Поэт сам, в свободном творческом полёте, создаёт религиозный текст. Выход за пределы известных церковных понятий в творчестве конкретных авторов не означает непременно потерю связи с Церковью, поскольку, как мы уже говорили, только церковное сознание вправе придавать или не придавать текстам церковный статус.

В этой связи показательны народные духовные стихи. Существуют серьёзные расхождения между их содержанием и святоотеческой традицией. Скажем, в наиболее древнем космогоническом тексте о Голубиной книге безымянный сказитель очень далёк от библейского понимания творения. Сама мысль, что Бог создал мир из ничего, похоже, не укладывается в его голову. Видимый мир буквально произошел от Бога, является его эманацией:

Солнце красное от лица Божьего,
Самого Христа, Царя Небесного;
Млад-светел месяц от грудей его,
Звезды частые от риз Божиих

И, тем не менее, между слагателями и исполнителями духовных стихов, с одной стороны, и институциональной церковью – с другой, никогда не возникало серьезных конфликтов.

На Руси первыми авторами религиозных текстов были калики перехожие, безымянные сказители XVII-XVIII веков. Большинство духовных стихов напрямую не связано с Писанием, и являются своеобразным поэтическим творчеством, цель которого состоит в том, чтобы развлечь и духовно укрепить слушателя. Некоторые из этих текстов можно рассматривать как агапические: они звучали на совместных приходских трапезах после завершения богослужения. Такие трапезы часто устраивались на престольные праздники.

Давайте проследим хотя бы пунктирно дальше за развитием религиозной поэзии. Основу православного текста XVIII столетия составляют духовные оды. Риторика в них соприкасается с поэзией. Показательны в этом смысле оды Державина, построенные на риторической триаде. Возьмём оду «Властителям и судьям».

Вот её тезис:

Ваш долг есть – охранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

А вот антитезис:

Не внемлют! Видят и не знают!
Покрыты мглою очеса;
Злодейства землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

И, наконец, синтез, призыв к теократии:

Приди же, Боже! Боже правых!
И их молению внемли.
Приди, суди, карай лукавых!
И будь Един Царем земли!

К стихам духовные оды мы относим во многом благодаря тому, что в них отчетливо явлена личностная «я – Ты» связь, то самое «производство присутствия», о котором говорит Александр Филоненко.

Следом за классицизмом пришла эпоха сентиментализма и романтизма. Для теоретиков романтизма христианство играло важную роль. Но библейские ценности в их трудах «работают» на феномен светской религиозности, на новое религиозное сознание. Не случайно считается, что фашизм в определённом смысле был продолжением проекта романтизма.

Знаковая фигура раннего романтизма – Василий Жуковский. Он утверждал: «Поэзия есть Бог в святых мечтах земли». «Бог» и «душа» часто выступают у него символами душевных состояний. И в то же время, в ситуации, когда традиционная церковность постепенно редуцировалась к символам и обрядам, поэт напомнил о том, что христианство – это путь Жизни, который требует духовных усилий. Поэзия (и шире – культура) становится у Жуковского устроителем иерархии жизненных ценностей и целей человека. Жуковский впервые, может быть, в русской поэзии заговорил о святыне сердца, о самоценности духовного опыта.

Интуиции Жуковского о пути Жизни имеют библейский контекст. Из Библии видно, что Господь смотрит на весь путь человека. Не на отдельные его ошибки, уход в сторону, а на весь путь, выраженный, помимо прочего, в текстах.

Критический реализм, поэзия XIX века дала нам образ Христа страдающего, Христа, идущего к униженным и оскорбленным. Очень важна фигура Николая Некрасова, его поиск Божьей правды:

Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я в тину нечистую
Мелких помыслов, мелких страстей.
От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!

Эти строки из стихотворения «Рыцарь на час» в советской школе трактовались как призыв к революции, но они имеют, прежде всего, христианские коннотации.

Поэзия преодолевает монофизитство, к которому постоянно скатывается народная религиозность. Она восполняет оскудевший в церковной ограде дух пророчества. Поэты в каком-то смысле становятся пастырями. Правда, это их пастырство было замутнено «духами революции», обоготворением народа, превращением его в кумира. Но пророческий дух, тем не менее, жил в их творчестве.

Здесь, может быть, уместно сказать несколько слов о пророчестве. Близкий к лианозовскому кругу поэт Ян Сатуновский как-то заметил:

Поэзия – не пророчество, а предчувствие,
Осознанные предчувствия недействительны.

Сатуновский понимал пророчество как предсказание того, что скоро сбудется. Это не совсем соответствует библейскому пониманию. Всё гораздо сложнее, чем простое предугадывание неизбежного. Высказывания пророков имеют несколько горизонтов. Они обращены к современности, к истории и метаистории. Сроки исполнения пророчества могут меняться, как это видно из книги Ионы. Пророчество не обязательно обращено вперёд. Оно может быть обращено и назад. Когда Иисус говорит о гробницах, которые сыны Израиля воздвигали убитым пророкам, и тем самым засвидетельствовали, что они потомки тех, кто побивал камнями праведников, он увидел пророчество там, где другие его не видели.

Уже долгое время существует практика молитвенного чтения Писания. Это не просто чтение, а вхождение в память Бога. Через текст, через проигрывание в сознании событий, происшедших тысячи лет назад, нам может многое открыться о нас самих, о нашей теперешней ситуации.

Пророчество – это мысли Бога о нас. И поэт каким-то непостижимым образом может войти в память Бога, выразить то, что думает Он. В этом смысле ернические стихи нехристианского поэта Генриха Сапгира из цикла «Псалмы» имеют пророческое звучание:

3. Заклинаю вас
вашими актами
протоколами
заклинаю вас
невесёлыми
фактами
заклинаю вас
неурожаями
заклинаю вас
уважаемый
вашей серой
карьерой

6. Это всё глубоко наболевшее
и простое как доктор Живаго
Листья есть
птицы есть –
небо есть –
и воистину есть
Судия всего живаго

Гражданские стихи Николая Некрасова тоже звучат как пророчество. И подхвативший народническую тему Александр Блок зовёт и пророчествует в поэме «Возмездие» (1911 г.):

На непроглядный ужас жизни
Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Всё не смела в твоей отчизне.

Серебряный век дал нам широкую палитру духовных стихов. В религиозной поэзии Блока, помимо некрасовских откровений, очень сильна романтическая струя. Новое религиозное сознание в ней обретает необычную силу:

Но посмотри, как сердце радо!
Заграждена снегами твердь.
Весны не будет, и не надо:
Крещеньем третьим будет – смерть.

Герой находит свою возлюбленную в глубоком сумраке собора, встречается с ней в ресторане, среди ведунов, на улицах революционного Петрограда. Сам он оказывается то на кресте, то у трактирной стойки, то в вечном бою на Куликовом поле. Духи революции, духи злобы маскируются в ясном поле сознания поэта под розовое христианство. Поэтому «пророческие» в понимании Яна Сатуновского стихи Блока лишены подлинного духа пророчества. Музыку революции слушать не стоило. Но кроме яда, в его религиозных стихах немало живых слов, интонаций, совершенно чистых стихов, возводящих сердце к горнему:

Был вечер поздний и багровый,
Звезда-предвестница взошла.
Над бездной плакал голос новый –
Младенца Дева родила.

В нулевые и десятые годы XX века многие поэты обращаются к метафизике. Стихи печатаются в духовных журналах, вроде «Миссионерского обозрения», выходят тематические сборники. Последний раз такой сборник перед революцией вышел в свет в 1916 году. Но реальной нужды в собирании единого религиозного текста Серебряного века не появилось. Этот текст существует в виртуальном пространстве. В реальности он принципиально фрагментарен.

Религиозная поэзия андеграунда существует ещё в меньших фрагментах. Культурное подполье оказалось слишком завязано на восточную мистику, апокрифы и забывающую обо всем игру[6].

Религиозный андеграунд даёт нам самый широкий спектр поведенческих моделей. От попыток персонажа сузить себя, войти в русло стилизованного православия до артикуляции неврозов и проблем в отношениях с Богом и миром, производимых с эпатажной откровенностью.

В советском культурном подполье отчасти был реанимирован славянофильский миф о противоборстве двух столичных школ. Разностильная Москва в рамках новых стратегий легко усваивала современные слоганы и жесты, запросто вводя быт в ткань текста. Город на Неве, напротив, оглядывался на традиции Серебряного века. По мнению поэта и критика Виктора Кривулина, на ленинградской неофициальной литературе стоит печать постсимволизма. Думается, вовсе не случаен тот факт, что большинство работавших с традицией поэтов жили на берегах Невы. К ним можно отнести Дмитрия Бобышева. В умилительно-скромном поведении героя из «Ксении Петербуржской» ожила Русь уходящая.

Заметна фигура Анри Волохонского. Положенное на музыку его стихотворение «Рай» (1972 г.) распевалось на дружных посиделках и в туристических походах. Интересно, что у Волохонского первая строчка звучала немного иначе, чем в песне – «Над небом голубым».

Богаты прямыми религиозно-богословскими аллюзиями и стихи другого представителя ленинградского спиритуального круга Елены Шварц. Её рваные, эмоциональные, мучительные строчки напоминают походку юродивой. Лирическая героиня Шварц, пожалуй, слишком озабочена собой, слишком истерична, чтобы ввести читателя в жизнь Церкви. Но в её кликушестве иногда случаются прозрения.

Религиозная поэзия Стратановского отражает ситуацию богооставленности, известную большинству верующих, особенно монахам. Стратановскому счастливо удалось решить проблему сочетания подлинности и художественности, личного свидетельства и эстетической игры.

В Москве самым интересным религиозным поэтом был Александр Величанский. Он двигался между поэзией и риторикой, с неожиданным погружением в богословие:

Высоко иль низко,
тяжко иль легко,
но пока Ты близко –
мы недалеко:
Ты – фитиль, мы воска
жар и холод враз,
пока словно воздух Ты
окружаешь нас.
Раньше или позже,
но в урочный час,
удаляясь, Боже,
оглянись на нас
ещё не испитых
судьбою до дна,
пока даль путей Твоих
не отдалена.

Мне бы хотелось обратить внимание на строчки: «Удаляясь, Боже / оглянись на нас». В западной теологии есть выражение «Бог, смотрящий на нас». Смысл его имеет сотериологическую перспективу. Ведь спасённый человек – этот тот человек, которого окликнул Бог, и который услышал этот призыв и вышел к Нему навстречу.

Внешне непритязательный, отсылающий нас к державинской оде «Бог» текст Величанского богат экзистенциальными мотивами. В то же время он как бы «фотографирует» самочувствие верующей творческой интеллигенции в брежневскую эпоху. Большинству читателей Величанский известен как автор песни «Под музыку Вивальди», которая и сейчас у многих на слуху.

Религиозному прочтению поддаётся творчество «лианозовцев», особенно Сапгира. Интересно, что Игорь Холин написал по-русски молитву «Отче наш».

Ольга Седакова, по замечанию Кривулина, предприняла попытку расширения поля религиозной поэзии. Поэтический проект Седаковой предельно литературоцентричен, и о религиозности её стихов можно говорить не больше, чем о религиозности текстов «лианозовцев».

Поэтов, писавших о вере в легендарные времена строителей коммунизма, было немало. И репрезентативный сборник религиозной поэзии андеграунда обещал стать заметной вехой в литературном процессе. Но он так и не появился.

Постсоветское время оказалось богато на авторов, пишущих на религиозные темы. Можно назвать имена Андрея Полякова, Николая Байтова, Натальи Горбаневской, Бориса Херсонского, священников Сергея Круглова, Константина Кравцова. Филаретовский поэтический конкурс показал, что потенциальная аудитория у религиозной поэзии широка. В то же время, по мере огосударствления Церкви, сам феномен религиозной поэзии оказался под подозрением как имеющий идеологические корни.

Но религиозная поэзия важна именно в поэтическом измерении. В эпоху постмодерна, когда нивелируется всё и вся, она позволяет нам прикоснуться к чему-то подлинному. Стихи как объективно сильная речь взаимодействуют с вертикальными интуициями человека. И в этой точке пересечения веры и актуального искусства происходят удивительные открытия.

Однако если мы попробуем привести эти открытия к одному знаменателю, то потерпим неудачу. Религиозный текст современной литературы по-прежнему фрагментарен. И собирание его по тематическому признаку вряд ли продуктивно. Сегодня не очень интересно составлять сборники, вроде «Псалтирь в русской поэзии», «Христос в русской поэзии» или даже «Коран в русской поэзии». Объективированный подход терпит фиаско. Одно частое мелькание слов «Бог», «Богородица» и т.п. гасит читательское внимание. Может быть, стоит делать сборники «касаний», и этим путём актуализировать метафизику. На мой взгляд, терпит фиаско и объективированная метафизическая поэзия, образцы которой представляет нам Олег Асиновский. Она слишком самодостаточна, чтобы стать уязвимой и открытой для воздействия извне. Хотя в ней, безусловно, присутствуют пророческие прозрения и интонации хождения над бездной. Актуализация метафорики происходит через тактильность. Через язык раны и жест Фомы неверующего. Этим путём поэт может прикоснуться к последним вещам.

Позволю себе, в контексте нашего разговора процитировать одно из своих стихотворений «на тему»:

Что такое
касание к последним вещам
без пафоса и нажима
в режиме обыденной жизни?
ИЛи быт совсем запрещён?
И только огонь
символы его,
вроде пайки хлеба
блокадного Ленинграда?
А если просто больное горло
И всё равно
ребёнка в садик вести
и на работу к восьми
условный конвейер
и он же, смею думать,
корабль –
бесконечности последней навстречу.

Хочется заметить, что это прикосновение возможно не только в говорении, но и в молчании. Не в том молчании, после которого упоительна речь, а в паузе, во время которой можно услышать ответ Другого, в которой Другой может прикоснуться к сердцу.

Прикосновение к Тайне обнажает условность маски, игра обретает границы, герой становится автором. Немножко похоже на постмодернистский сюжет, но вертикаль все меняет.

Бывает молчание и иного рода, когда автор перестает писать. Смерть близких, трагедия собственного народа, безумие постхристианского человечества заграждают его уста, его сердце каменеет.

Выход из немоты отчаяния, как свидетельствует опыт многих поэтов, связан с крестоношением, с глубинным осознанием того, что Бог умер за нас, что Он страдает вместе с нами. В глубине страдания рождается благодарение Богу. Из внутренней тесноты возникает стих. Речь-действие выводит нас в область плача перед лицом Божьим. «Реквием» Анны Ахматовой, наверное, самый яркий пример такого рыдания.

Но Христос един в Пасхе крестной и в Пасхе воскресной. Жизнь побеждает не только в пространстве метаистории, но и в творчестве, в опыте речи-благодарения. При этом важно отметить, что кроме сокровенных поэтических усилий необходимо и пространство самого присутствия, то есть то качественное культурное собрание, которое мистическим образом входит в Церковь и которому адресовано послание. Без этого собрания многие стихи не обретут плоть, не родятся.

Религиозная поэзия способна придать стихам особый объём жизни, новое чувство открытости, свежести и свободы. Но она может потребовать от человека – автора и читателя – чего-то сокровенного и простого евангельского «да-да», «нет-нет». Поэтому в заключении мне хочется задать когда-то уже прозвучавший вопрос. Кто из поэтов может совершенно серьезно сказать: «Роза – слава Господня»?

---

[1] «Блаженны нищие духом…». – М.: Нонпарел, 2007 – 56 с.

[2] М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1987. Том III. С. 350.

[3] Первый греческий перевод Ветхого Завета, сделанный в течении III-II вв. до Р.Х. в эллинистическом Египте.

[4] Цит. по: А. Тарасенко. Четвертое Евангелие и его палестинский контекст – СПб.: Алетейя, 2010, с. 140-141.

[5] 2010. Филоненко А.С. «Свидетель в Евхаристической антропологии» http://www.bogoslov.ru/text/1246617.html.

[6] В разговоре о неподцензурной поэзии СССР я отчасти пересказываю одну из своих статей. Полная версия: Борис Колымагин. «Русская религиозная поэзия андеграунда» //«Крещатик», № 19 (2003).

МАРИНА МАТВЕЕВА

ПОСЛЕМОЛВИЕ К «БЕСМОЛВИЮ»

(рецензия на книгу Андрея Костинского «Бесмолвие»)

На днях мне прислали очередной номер известного харьковского журнала «ЛАВА», который предваряло следующее вступление: «…началась и уже разворачивается, как туго уложенная в шкатулке истории пружина, какая-то новая эпоха в жизни, культуре, быте, наконец. Эти времена предлагают человеку нелёгкий выбор – остаться (хотя бы потенциально) творческой личностью, подобием Божьим, или опуститься, оказавшись бессильной и безнадежной частью охваченной паникой/ненавистью толпы. Но именно в такие годины исключительно важно вспомнить то лучшее, то (не убоимся этого слова) – заглавное, что сделало Харьковскую Цивилизацию общеевропейским и – скажем ещё шире – общемировым достоянием».

То же можно сказать и о Крымской Цивилизации, и о любом городе, в котором, несмотря ни на какие ужасы и истерию, продолжают жить и творить истинные личности – подобия (а то и конкуренты) Творца Небесного.

И каждый из нас думает о возможности снова спокойно дружить, сотрудничать, развиваться, мирно ездить друг другу в гости, на творческие фестивали. Харьковчане – издавна частые гости крымских фестивалей, в их журнале публикуются наши авторы (есть они и в последнем номере) и освящаются наши культурные события. То же можно сказать и о крымчанах – мы ездили в Харьков и ездить будем. Не далее как на сентябрь нынешнего года планируется в этом городе фестиваль авангардного искусства «АВАЛГАРД», на который приглашены крымские поэты и художники. Надеемся, это творческое путешествие будет для нас возможным.

А сейчас – слово о новой книге одного из издателей «ЛАВЫ» и организаторов «АВАЛГАРДА» – поэта и издателя Андрея Костинского.

***

Пусть под дыхом догорают штормы –
лица – статуи a-la Romania.
Показательной тюрьмою формы
мы ещё и не таких заманим.

Позволю себе предварить рецензию своим четверостишием – из стихотворения «Мысль не размножается в неволе…» цикла «Парадоксы творчества». Ибо посвящается это исследование поэту не просто парадоксальному, а такому, на котором парадоксальность можно изучать, как в научно-экспериментальной лаборатории. Книга Андрея Костинского «Бесмолвие» – книга молитв, книга о сотворении мира, звёзд, деревьев, человека, об Адаме и Еве, о Христе, о рыбах, птицах, рогатых оленях… Почему тогда – *«бес»*? И что он *«молвит»?*

Наблюдения критика показывают, что склонность к формальным экспериментам и работе с поэтическим языком испытывают люди с внутренним миром настолько тонким и чутким, способным на такие воспри(н)ятия, что… В обывательском понимании таких людей называют ранимыми, бескожими, распахнутыми (некогда остропоэтические, эти образы уже стали элементами мещанского сентиментализма). А символ нашего времени – акула, которая, почуяв кровь, бросается сразу, – понятен всем. Значит, щит. Но щит – красивый. Это и есть поэтическая форма, авангард, словесный эксперимент у тех, для кого он естественен, а не дань моде или развлечению. Иной раз, рассматривая узоры на щите, отвлекаешься – и буквально всеми органами чувств – от прячущейся за ним *«человеческой, слишком человеческой»* плоти и души.

О человеке говорю я, прочитав эти стихи. Не о каком-то возвышенном духе-поэте или там сказочном эльфе, какового, может быть, бессознательно строит из себя автор, и так же его подают критики. Маска – маской, поэтический образ – образом, а «бес» – это о человеке. *«Бес – смысл лица»* – панторифмически, почти в полном звуковом соответствии, перекликается со словом «бессмыслица». Идея на поверхности: бес-индивидуальность есть смысл (и порой единственный) каждого отдельного лица, т.е. личности, и это – бессмысленно. Обрести смысл в духовном просветлении – потерять индивидуализм, беса, а с ним – и всякое значение человеколичностного существования. Именно потому

автор, находящийся меж двумя полюсами – Бога и беса – называет себя вечным еретиком. Тем, от которого на земле открещиваются и священники и грешники, а в раю отмахнутся ангелы столь же равно, как и черти в аду. Еретик – и в том, и в другом «лагере», обреченный на вечное *«кострастие»*.

Выходит робко на прогулку бес
из меня – ведь без него я нею.

У таких «еретиков» сами их ангелы-хранители не только не успевают за ними в их покаянии-перепокаянии то в одну, то в другую сторону, а иной раз даже, чтобы снова не опоздать, опережают. Так и остаётся человек, вечно ищущий, без ангела, без опоры, без путеводной звезды, ощущает её исчезновение, ибо она раскаялась и уже на ином пути, а ты сам – ещё здесь, но уже как бы и не… Вечный поиск. Абсолютное ощущение себя зеркалом, отражающим самого себя:

В зеркало смотрю – себя перевёрнутого вижу я,
будто оно ложкой зачерпнуло меня и предлагает мне же.

А зеркало индивидуальности-то – кривое. Пусть самую малость… Но в каждом новом самоотражении добавляется что-то иное, чего не было ещё секунду назад, и так бесконечно множится сама в себе душа мелочами, созвеньивающимися в цепочку бесконечности. *«Сто тысяч форточек в небесном беспределье…»*. И это не бес-предел. Это – *«Антитот»*.

Каково быть существом с зеркальным сердцем? Живым существом, которому так хочется, чтобы в него верили, а как? Чуть поверят – а он изменится. Да что там другие – чуть поверишь сам в себя… а уже надо вериваться заново.

Из ЧЕловеКА
выдернута ЧЕ . . . . КА,
и он снова на лове.

Опять намёк на одну из важных составляющих человека, которой его лишают то и дело, заставляя искать и метаться. Что же это за составляющая-чека? *(опасность, близость взрыва). Божественная истина? Это без неё человек – граната? Или куда взрывоопаснее ему, если его лишают – беса?

«Господи… Не лишай меня радости видения, слышания, осязания…» – пожалуй, самая сильная молитва поэта, которую доводилось слышать. Только не атрофировалась бы восприимчивость, не вышел бы из строя отражатель прочувствованного в мир! Инди-видение… Лучше быть «бесмолвным», чем безмолвным.

«Если они могли любить так друг друга, то безгрешны они!» – познавший тайну любви, познает тайну Бога. Но пока никто не сумел изучить её на приборах и написать научный труд именно о любви, а не её биолого-психологических «особенностях», способных объяснить всё, кроме бытия Бога (и беса) в любящем (или ненавидящем, а ненависть – форма любви) человеке. Поэт максимально приближен к пониманию. *«Моё безтебие равно моему бессебию…»*. Но сам же застеняет его словами и образами, чтобы читателю казалось: да, он понял, но понятое им столь священно, что от ещё не понявших надо скрыть это за стеной слов, образов, метафор, неожиданных поворотов мысли, непредсказуемых вливаний интеллекта в область чувств, искреннего полудетского «выпендрёжа» под видом взрослой суровости, ученой сложности, вплоть до терминизации. Даже – иногда – чужой стилистики («узнайте» надрывную любовь или чуть карикатуризированное (а оттого совсем живое, как человеческое) «сотворение мира Богом» – по стилю Маяковского: он так писал, значит, это об этом, а я тут спрятался, я в домике). И тут же – нечто непередаваемо своё, от чего звенят (а иногда и рвутся) струны и сердца, и наслаждающегося (а иногда и давящегося) «интеллектуальным блюдом» мозга.

…в этот миг корни его ощутили,
достигнув центра земли,
корни Растущего встречно –
вверх
и
вниз.

Какое из двух деревьев –
дерево зла и дерево добра?
Или корни дерева добра – зло,
а корни дерева зла – добро?

_____

Ева…
Помню счастье в [её] глазах –
налитое в них небо
выплёскивалось через край,
когда [ты] протягивала мне яблоко
(но видел вместо него сердце).
Я не кусал его.
Как я мог?
Как мог откусить от сердца,
дарящего любовь?..

Стилистика меняется. От совершенно простых, искренних, живых, иной раз будто полудетских строк, до настолько «навороченного» авангарда, что читательское восприятие попросту скачет с горы разума в долину сердца по волнам такой амплитуды, что если бы не это разнообразие – не проскакало бы и четверти книги. Но неожиданные смены орудия восприятия создают эффект загадки, приключения – а что ждёт впереди? Опасности, сражения – что выскочит на вас: монстр или пушистая белочка? А как бы из белочки не выскочил монстр? А почему это чудовище… не рычит, а ластится? Чего хочет? А куда ещё завернёт авторская парадоксальность? Филолог порадуется «вкусной» рифме – ну где ещё такую встретишь? *«Светофоры* – (тьма даёт) *свету фору»*, *«ласково* – (сожжённый до*) тла скелет»*, *«звёзд – «Аз возд…»*, *«останется – танец ям»*. Ценитель словесных находок придёт в восторг от глубинных неологизмов: *«немб»*, *«вскуе»*, *«светилища»*, *«эпибездность»*, *«натощаз»*, *«небольсводие»*, *«наперекорд»*, *«бредонемыслимовночьсть»*… А тот, кто давно не ожидает от «великого и могучего» ничего

нового, изумится: это возможно! Например, можно превращать существительные в глаголы или в прилагательные, создавая (порой не изменив в них ни звука, ни буквы!) слова с новым смыслом (глагол «притч(у)» особенно удачен; ничуть не уступает ему наречие «нeдля»), переставлять по своему усмотрению ударения и менять прочие орфоэпические и грамматические правила («бóльница» – это не «больни́ца», это больше и больнее; *«таен»* (сущ. мн.ч.) – куда таинственнее обыкновенных *«тайн»*; *«слышет»* – вовсе не ошибка, и нечто совсем иное, чем привычное *«слышит»* – глагол приобретает значение процесса, как будто «ощупывает слухом»…). Придётся по душе метатекстуальная тропика: *«остроэсного месяца»*, *«в накануно-творенной тиши»*, *«Помнишь, Ты нам творил – алмаз, малахит, берилл, /кроша кометы, словно сухарики для голубей»* и др. Приводить можно целые строфы. Особенно выморочно-завораживающе напавангарднейшее – завершающее – стихотворение книги «ЧЕ….КА». Ну, убьёшься же, читая, выгрызываясь из строк. Ан – не оторвёшься!

Человек в читателе умоется потоком живой воды «осознанной наивности». Объяснимо ли это понятие? Так же необъяснимо, и, в то же время, абсолютно прозрачно, как *«Пробивалась, казалось мне, первая мысль. Но была эта мысль о себе самой»*. Привет автору от нашего *«Мысль не размножается в неволе/, Но жиреет. Вот и любит нормы»*. Приятно встретить одноволновое авангардное сознание, с которым можно слиться без препятствий непонимания, чтобы расстаться обогащённым – для новых собственных внутренних открытий. «В книге нет ни одной грамматической ошибки. Все несоответствия правилам русского языка предумышленны» – такую штуку выкидывает автор, и невольно жалеешь тех людей, которым приходится это объяснять. Недавно мне довелось в аннотации к своей книге «ТРАНС[крым]ЦИЯ» – по убедительнейшей просьбе издателей – подробно растолковывать значение этого слова и всех его частей. Думаю, Андрею Костинскому этого разъяснять бы не пришлось. Чтобы быть авангардистом, вовсе не обязательно являться филологом, лингвистом. Основное – оставаться восприимчивым – до ощущения «сверх-» – человеком и поэтом. Не боящимся всечасного сверхпредельного налёта, нападения красок, звуков, смыслов… Кто не боится – тот справится. И выстроит их в своё «миротворение», которым, как проектом, чертежом «А вот так было бы лучше, ты не находишь?» – можно и с Богом поделиться. А вдруг Ему понравится? Вдруг скажет: «Ай, маладэц! Будь по-твоему!».

АВГУСТ ЛИНДБЕРГ

ПЁТР КИРИЛЛИН. «ПУТЬ ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВУ ОТКРЫТЫЙ»

Только лишь муза даёт смерти какую-то жизнь…
Гораций-Гёте

Подлинное Бытие – всегда есть Бытие творческое и плодотворное.

Поэтому мысли о Петре Кириллине, необычайном художнике и настоящем друге, с которым жили в одном доме, в соседних подъездах, теперь подобны нашим встречам, случавшимся не так часто, как это стало необходимым, когда перестало быть возможным…

Какой-то нездешний свет присутствует в его работах. Нетленный, невечерний свет его собственной души, вечно живой и к свету стремящейся. Способной расти не *«из тени в свет перелетая»*, а из света в свет переходя. Из света земного в Свет Фаворский – Божественною Красотою жизнь преображающий.

Всё его существо было при любых обстоятельствах проникнуто чувством искренней доброты и воистину христианского сострадания, которое, пожалуй, является основополагающей и наиболее характерной чертой каждого подлинного художника.

И состояние необычайной открытости миру, сопрягалось у него с особым «тютчевским» сочувствием, которое неспроста было соотнесено великим русским поэтом с Благодатью.

В его живописи удивительным и даже несколько странным образом соединились ирония и грусть, жизнелюбие и отрешённость, глубочайшее умиротворение. Его всегдашний и теперь уже вечно юношеский задор и глубина необыкновенного покоя. Подобного тишине безлюдных улиц пустынных городов, наполненных атмосферой напряжённого ожидания – ставшего одним из любимых мотивов его картин.

И всегда строгих до аскетичности красок пейзажей природы – той пронзительной и даже более реальной, чем сама действительность жизни, чудесным образом нашедшей приют в его «скудной» палитре – неутолённой и нетленной. Как и в его душе – самоотверженной до самоотречения и самоотречённой до самоотвержения.

Он и сам был таким же «другим», как та «душа» из приснившихся мне в ту ночь, когда его не стало, стихов Арсения Александровича Тарковского, которые он особенно любил…

И снится мне другая
Душа, в другой одежде:
Горит, перебегая
От робости к надежде,
Огнём, как спирт, без тени
Уходит по земле…

Пётр очень любил и часто вспоминал его стихи и, зная о моём небольшом личном знакомстве с ним, всегда интересовался его самочувствием. Как он подчёркивал, не физическим, а духовным. Особенно, когда сам оказался физически тяжело болен и, как выяснилось позже, неисцелимо…

Средоточение Бытия в личности самого художника, осознание им нерасторжимого (метафизического) единства жизни и смерти, оказалось обусловленным преодолением грани существующей между приставками «НЕ» и «ИНО». Что в наше время послужило основой уникального художественного явления – «метафизического реализма», поистине ставшего значительнейшим достижением искусства второй половины двадцатого столетия. И к которому несомненно относится творчество Петра Кириллина, для которого «проблема Гамлета» оказалась не то чтобы лишённой смысла, а скорее не существующей в качестве «проблемы» или вопроса. Ибо, как говорила Марина Цветаева, «поэт есть ответ», поскольку он не «вопрошает», а «утверждает» истину.

Она является для него всегда неоспоримой ПРАВДОЙ, которая не есть «правдоподобие». А творчество подлинное не «отражает» действительности, но отображает неисповедимый путь Божественного Духа, проходящего и освящающего жизнь человеческую. Являя в ней себя и источником вдохновения и внутренней движущей силой.

В таком искусстве нет «искуса», а значит, подспудного стремления к тому, что необычайно точно было определено Пастернаком в качестве «методологии антиискусства»…

Там он жизни небывалой
Невообразимый ход
Языком **провинциала**
В **строй** *и* **ясность** *приведёт.*

Вообще тема русского реалистического искусства в эпоху тотальной глобализации культуры и «психологической мимикрии» приобрела новые смысловые оттенки, связанные отчасти с необходимостью некоторой «реабилитации» ранее не свойственных ему проявлений. Особенно во «внешнем плане».

Вопрос этот оказался в своей глубинной сущности не таким простым и очевидным, как это представлялось изначально.

Однако для Петра, как для истинного художника и «человека в полном смысле слова» здесь не существовало никакой неясности. Он часто любил повторять, что необходимо сознавать различие между «классикой» и «классицизмом», как несоответствия чисто внешних «окаменелых» форм духу самой жизни – вечно внутренне развивающейся и, следовательно, меняющей свою структуру в плане усложнения и вариативности. Что совершенно не противоречит необходимости сохранения её «внутреннего кода», как направления развития всегда в сторону «уменьшения энтропии», – духовной, культурной и творческой.

И именно это свойство и является одним из самых отличительных и ценных в его собственном творчестве. В котором больше всего поражает их необыкновенный «внутренний динамизм», который не есть ложный динамизм внешнего правдоподобия, сколь «неизбранного», столь и неестественного. Но воистину колоссальное внутреннее движение жизни (позитивное, но не «позитивистское»). Необычайно плодотворное и воистину художественное. Что есть, возможно, не только единственный путь правды, но и полнота и целостность, не отрицающая даже смерти, но вмещающая в себя подлинное Бытие. Вдохновенное, «умное художество», единственно способное даже не воплотить, но воссоздать («довоплотить») «маленькое» (по словам Рильке) и даже несколько «ущербное» – одностороннее бытие повседневной жизни. Называемое апостолом Павлом тем «что отчасти». И то, что должно быть преодолено жизнетворчеством именно как то, что «отчасти». («Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти прекратится»; 1-е послание Св. Ап. Павла к Коринфянам. 13.10.).

Вернуть его в пространство «большого круга» Бытия – единственно подлинного, а для истинного художника – единственно возможного. И с точки зрения методологии его творчества и с точки зрения всего образа его жизни.

Потому что одним из самых значительных признаков подлинного творческого дара является его проявление за пределами непосредственной работы. Когда *художественным* и *творческим* для него становится абсолютно любое деяние. И творческий склад его личности находит выражение во всех аспектах самой повседневной и обыденной жизни.

За очень недолгий период своего земного существования ему действительно удалось совершить невероятно много и в живописи и в жизни. Особенно в смысле «насыщенности» и особой «интенсивности» жизнетворческого процесса.

Жить полной жизнью и умереть полной смертью (да простят меня за эти слова его родные и близкие), т.е. органично вместить в жизнетворчество предельный и запредельный онтологический и метафизический контекст. Преодолевая при этом любую эклектику и ирреальность (иррациональность).

В его картинах всегда *«деревья, здания и храмы/ Нездешними казались, тамошними, / В провале недоступной рамы»*.

Но эта «нездешность» не есть «провинциальность ущербная», а есть периферийность подлинной, всемирной культуры способной дорасти в своем развитии до состояния культуры всечеловеческой. В одночасье, но не на час предстать центром новой ойкумены. Невообразимым образом преобразить культ в религию Христианскую не «по букве», но «по Духу».

Ибо она не только предстоит ей, но и обетует её в глубине своего до времени нераскаянного и неприкаянного сердца. И только в таком контексте перестают быть лишенными позитивного смысла «Смерть Вергилия», «отлучение» и ссылка Овидия, и слова Горация, взятые в качестве эпиграфа для этой работы. Обращённые ко всем нам – ушедшим и остающимся, но вечно пребывающем в этом прекрасном мире. Потому что не существует ничего более обыденного, чем реальность, не увиденная глазами истинного художника. Поскольку единственно подлинное Бытие – это Бытие Христианское, а значит, вечно творческое.

И хотелось бы скромно надеяться, что истинно творческое отношение этого удивительного художника – «сотворца» и «человека в подлинном – Христианском – смысле слова», проявившееся в его смерти, ничуть не менее значительно, чем в его кратком земном существовании, послужит для нас не поводом для лицемерного смущения духовного, а источником высокого вдохновения и радости от общения с миром подлинного Бытия, которому он служил всегда и которому приобщил всех нас. Оставаясь истинным «апостолом творчества», как подлинно христианского служения всему возвышающему и преображающему человека и души его бессмертной. И да будет так и ныне, и присно, и вовеки веков.

ББК 84 (4 Укр-4 Оде) 62я45
Ю 195
УДК 821.161.1'06 (477.74) – 94

Підписано до друку 1.06.2014 р.
Формат 60х70/8. Гарнітура Garamond Narrow.
Папір офсет. Друк офсет. Ум. друк. арк. ??.??.
Зам.4000. Тираж 500 прим.

Видавництво КП ОМД (свід. ДК № 774 від 17.01.2002 р.)
Надруковано в КП «Одеська міська друкарня»
65012, Одеса, вул. Пантелеймонівська, 17